MEMOIRES
de l'Université d'Etat à l'Extrême-Orient.
Série III, 4.

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА.
Серия III. № 4.

Проф. В. И. Огородников.

ТУЗЕМНОЕ И РУССКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА АМУРЕ В XVII В.

Prof. V. Ogorodnikoff.

L'agriculture aborigène et russe sur l'Amour au XVII-e siècle.

ВЛАДИВОСТОК.
Типография Государственного Дальневосточного Университета.
1927.



084
39

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМУ ОТДЕЛУ

Государственного Географического Общества,

по случаю исполнившейся 75-летней годовщины его существования (1851-29/XI-1926),

в знак глубокого уважения к его славной научно-исследовательской деятельности,

настоящий труд свой

посвящает

АВТОР.



Введение.

Предлагаемый ниже очерк посвящен мало изученному вопросу, так как в исторической литературе мы находим лишь самые общие сведения о туземном земледелии на Амуре в XVII в.; еще меньше данных имеется в ней о русском земледелии, возникшем в том же столетии на развалинах дауро-дючерской земледельческой культуры. Поэтому задачей настоящего исследования является посильное выяснение вопросов о том, каковы были источники туземного земледелия, насколько и где именно оно было развито ко времени первого появления русских в Приамурье и почему последние, разрушив местное хозяйство, вынуждены были приступить к созданию здесь собственного земледелия. Основные известия о дауро-дючерском и русском земледелии на Амуре содержатся в оффициальной переписке амурских, нерчинских и якутских воевод и приказчиков между собою и с московским правительством. Значительная часть их наказов и наказных памятей, отписок, расспросных речей, дозорных росписей и сказок собрана была по поручению Г. Ф. Миллера в XVIII в. и впоследствии напечатана в «Актах Исторических» и «Дополнениях» к ним.[1] Однако, основное оффициальное делопроизводство (дозорные, переписные, крестьянские, ясачные и иные книги, разные списки, описи, сметы и проч.) находится ныне в Государственном Архиве в Москве и еще ждет своего исследователя. Таким образом, предлагаемый ниже исторический очерк, основанный на изучении одних опубликованных источников, является лишь предварительным и служит как бы введением к тем исследованиям, которые появятся впоследствии в результате изучения обширных архивных материалов.

* * *

Необычайные естественные богатства и исключительное плодородие Амурского края еще в XVII в. создали ему славу «нового Ханаана», «райской земли в Сибири» и «второго Сибирского царства».[2] Рассказами об этих богатствах полны сообщения тогдашних русских людей.

---

[1] Оба собрания сокращенно обозначаются нами в примечаниях—А. И. и Доп. А. И.

[2] Миллер, История о странах, при р. Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением (Ежемесячные Сочинения, 1757 г., ч. II, авг), стр. 102; расспросные речи даурских языков в Албазине от марта 1651 г. (Исторические акты о подвигах Е. Хабарова на Амуре в 1649—1651 г., № VIII—Журнал для воспитанников военно-учебных заведений за 1840 г., № 105).

Первое известие о «Пегой орде», как называли в то время амурских туземцев,[1] получено было в Сибири от томских казаков, отправленных в 1636 г. на Алдан для подчинения местного туземного населения. Часть этих казаков в 1639 г. ушла на р. Улью, впадающую в Охотское море, и построила при ее устье первое в том крае ясачное зимовье. По западному охотскому побережью в описываемое время шел торговый путь с Амура в Чукотско-Анадырский край.[2] На этом пути томские казаки встретились с удскими тунгусами и узнали от них, что те находятся в постоянных торговых сношениях с каким-то народом, живущим по «хлебным рекам» Амуру и Зее и занимающимся земледелием и скотоводством; встречаясь с представителями этого народа, удские тунгусы обменивали у них на хлеб свои собольи и иные меха. Тот же земледельческий народ, по словам тунгусов, вел торговлю и с нижнеамурскими натками (гольдами и ольчами), доставляя им хлеб и вывозя от них меха и рыбу[3].

Одновременно с этим более точные известия об амурских туземцах получены были и в Приленском крае. В 1639 г. служилый человек М. Перфильев ходил из Олекминского острожка на верховья р. Витима и там от местных тунгусов узнал, что «по Шилке (Амуру) живут многие даурские пашенные люди, а хлеб у них всякий против русского» и что «на Шилке (Амуре) реке у князца Ладкая и у иных князцей по улусам пашут хлеб—рожь и ячмень и иные семена, и тот они хлеб продают на Витим реку... и тунгусские люди покупают (его) на соболи, а хлеба родится много, а по Шилке (Амуру)—сидячие (оседлые) пашенные люди, а не воинские»[4].

Все эти известия о новом крае произвели большое впечатление как на рядовых сибиряков, так и на представителей местной власти. Дело в том, что царская казна в XVII—XVIII вв. вела в Сибири крупно-капиталистическое хозяйство, причем основным доходом ее здесь был ясачный сбор, а дополнительными доходными статьями являлись скупка мехов на казенные товары, добыча соли, моржовой кости и пр. Посредниками и приказчиками казны в ее торгово-промышленных предприятиях были служилые люди и частные промышленники: первых она снабжала продовольствием и оружием для покорения туземцев и ясачного сбора, а также товарами и промысловыми снастями; вторые же, хотя и вели в Сибири свои частные предприятия, однако постоянно вынуждены были исполнять обязанности малочисленных в крае служилых людей или выполнять торговые поручения центральной и местной власти. Главными поставщиками драгоценной пушнины бы-

---

[1] Доп. АИ. III, №№ 4. I; 12. II и др.

[2] Проф. В.И. Огородников, Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли, Чита 1922, стр. 38—40.

[3] Наказ якутского воеводы П. Головина письм. голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения в Общ. ист. и др. рос. за 1861 г. кн. I, стр. 2); Миллер, История о странах, при р. Амуре лежащих (Ежем. Соч. 1757, ч. II, июль), стр. 4—5.

[4] Отписка ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96).

ли туземцы, а так как платимая ими меховая дань, или ясак, представляла в то же время и основную доходную статью «государева» крупного хозяйства, то совершенно естественно, что такая зависимость казенного интереса от характера местных занятий должна была сильнейшим образом отражаться на хозяйственно-правовых и бытовых отношениях туземцев к русской власти. Вместе с тем, поскольку царское хозяйство велось в Сибири при посредстве служилых и промышленных людей, постольку вопросы снабжения их продовольствием и «орудиями производства» должны были получить первенствующее значение в сибирской политике московского правительства. Поэтому, когда получены были первые известия о «хлебной реке» Амуре, якутские власти, особенно заинтересованные в продовольствовании подведомственного им служило-промышленного люда, предприняли серьезные разведки о «Пегой орде».

Уже в 1640 г. ленские воеводы посылают в верховья Витима письменного голову Е. Бахтеярова для «прииску новых землиц» и разведок о драгоценных металлах и «хлебной пашне», но посланный вернулся, не дойдя до истоков Витима [1]. В следующем году русские служилые люди расспрашивали у верхоленских бурят, далеко ли от них до Амура, где живет кн. Лавкай, нет ли там серебряной и медной руды и какой именно хлеб родится в тех местах, но не получили на занимавшие их вопросы определенного ответа [2]. Через два года якутские воеводы отправили в «Пегую орду» уже целую военную экспедицию, во главе с письменным головою В. Поярковым, для обследования и присоединения нового края. Пояркову велено было подчинить и обложить ясаком амурских туземцев и произвести разведки о серебряной, медной и свинцовой руде, а также о тамошнем земледелии, чтобы «в ясачном сборе и в хлебе учинить государю вечную прибыль» [3]. В 1643 г. отряд В. Пояркова отправился по Алдану в Амурский край, достиг Зеи, а потом Амура, прошел по нему с боем до Татарского пролива и Охотским морем в 1646 г. вернулся в Якутск. Письменный голова весьма добросовестно исполнил поручение своего начальства: он привез с собою не только ясак, взятый с амурских туземцев, но и подробные данные о «Пегой орде», составе и занятиях ее населения; вместе с тем он представил воеводам разработанный им план присоединения Амурского края к России. Поярков отлично понимал, какое значение могло иметь богатое Приамурье для русского торгового капитализма: «и в том государю будет многая прибыль, писал он, потому что те землицы людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людем в той землице хлебной скудости ни в чем не

---

[1] Отписка ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96).

[2] От. служ. чел. В. Власьева к ленским воеводам П. Головину и М. Глебову от 30 апр. 1641 г. (Доп. АИ. II, № 91).

[3] Наказ письм. голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения 1861 г., кн. I, стр. 1—14).

будет»[1]. Пытливости и наблюдательности Пояркова мы обязаны тем, что имеем ныне весьма обстоятельные данные о приамурском населении и его хозяйстве в половине XVII в.; но тот же письменный голова подал первую мысль о возможности снабжения амурским хлебом русского служилого и промышленного люда в Сибири. Позднее, в эпоху Хабарова, эта мысль была уже вполне усвоена якутскими воеводами. В 1650 г. один из них, Д. Францбеков, прямо писал царю: «А только они, даурские князцы, тебе, государю, учинятся сами своею волею покорны, и заведутся в Даурской земле пашни,—и тебе будет прибыль большая, и в Якутский острог хлеба присылать будет не надобно... А чаять того, что Даурская земля будет прибыльнее Лены... и против всей Сибири место в том украшено и изобильно»[2].

Мы видели выше, что первые известия об Амурском крае подчеркивают значение в нем земледелия и что сибирские власти, посылая служилых людей на разведки о «новой землице», неизменно отмечали свой интерес к ней, как к возможному источнику снабжения Вост. Сибири продовольствием. Вопрос о продовольствии русских служилых и промышленных людей в Сибири всегда был слабым местом правительственной политики за Уралом. Сначала доставка продовольствия организована была ввиде «сибирских отпусков»: тяглое население Поморья[3] обязано было ежегодно зимою поставлять определенное количество «посошных запасов»—ржаной муки, круп и толокна и отвозить их в Верхотурье. С наступлением весны подвезенные припасы грузились здесь на суда и развозились по рекам в различные местности Сибири. Обычный путь продвижения «посошных запасов» из Верхотурья был таков: Тура—Иртыш—Обь—Обская губа—Тазовская губа—Таз-волок—Енисей—Верхняя Тунгуска и Ангара—Илимский волок—Лена с ее притоками и крайние северо-восточные реки (Яна, Индигирка, Колыма и Анадыр). Труден и опасен был этот путь. В Обской губе сплошь и рядом подымались «великие погоды», уничтожавшие суда, запасы и людей; величайшие опасности представляло также и продвижение продовольственного каравана по быстрым и порожистым Енисею и Верхней Тунгуске с Ангарой. Не говоря уже о большой стоимости «сибирских отпусков»,—крайняя медленность следования по рекам хлебных запасов и постоянные несчастья с судами и людьми ставили русских людей в Сибири перед опасностью голодной смерти, а в лучшем случае—перед необходимостью «всякую нужу и бедность терпеть, и сосновую и лиственную кору есть, и всякую скверну приимать».

Трудности, с которыми сопряжено было снабжение продовольствием сибирского служилого и промышленного люда, побудили московское правительство еще в XVI в. приступить к развитию казенного

---

[1] Акты о плавании письм. головы В. Пояркова из Якутска в Охотское море от 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12) и расспросные речи промышленника Г. Вижевцева и письм. головы В. Пояркова от 27 мая 1647 г. (там же № 26).

[2] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72).

[3] Нынешние Архангельская, Вологодская и отчасти Вятская губернии.

и вольного земледелия в самой Сибири. Но все эти попытки долгое время не имели большого успеха, так как в XVII в. русским принадлежала лишь средняя и северная Сибирь, которая по климатическим и почвенным условиям являлась наименее пригодной для сельского хозяйства. Отсюда понятным становится то сильное впечатление, какое произвели на рядовых русских людей и на представителей власти в Сибири первые известия о развитом туземном земледелии на Амуре. Полувековые затруднения с продовольствием разрешались как будто сами собою, тем более что новооткрытый край был связан с Поленьем и Прибайкальем целым рядом речных путей. Поэтому проект якутского воеводы Францбекова об использовании Приамурья в качестве продовольственной базы для всей Вост. Сибири явился лишь оформлением давно назревшей потребности.

Однако, туземное Приамурье представляло интерес не только для царского хозяйства: немалые выгоды предполагали извлечь из него и частные капиталисты, которые поэтому затратили огромные средства на завоевание Дауро-дючерской земли. Прежде всего необходимо отметить, что инициатором амурских походов, приведших в дальнейшем к покорению Приамурья, явился старый «опытовщик» Хабаров, крупный предприниматель и капиталист. Когда в 1649 г. вновь назначенный якутский воевода Д. Францбеков еще направлялся в Якутск, в Илимском остроге явился к нему Хабаров с предложением своих услуг для завладения землями, лежащими по Амуру. Опытовщик просил разрешения вызвать охотников из промышленников и служилых людей и брал на себя снаряжение и прокормление 150 человек. Воевода не только согласился на предложение Хабарова, но и сам решил стать во главе этого крупного и доходного предприятия.

Впоследствии, прося у московского правительства награду за свою амурскую «службу», Хабаров откровенно заявлял в челобитной, что «подъем» только 70 человек для похода из Илимского острога в Даурскую землю обошелся ему на тогдашние деньги в 3.500 р. (до 60.000 р.)[1]. Однако, расходы самого Францбекова по завоеванию Приамурья были несравненно более значительны. По сообщению якутского дьяка П. Стеншина, воевода открыто заявлял своим приближенным, что «та даурская служба стала ему недешево, в Ярофейкин подъем Хабарова, и что он с ним служилых и промышленных людей подымал своими деньгами, пищали им и платья покупал и запасы своими ссужал, и животы (имущество, капитал) все он свои в том истерял». Судя по этому заявлению Францбекова, завоевание Приамурья было делом частного крупного капитала; хотя общее руководство походами и принадлежало оффициальному лицу—воеводе, однако предприятие это, начатое по частной инициативе, и проводилось на частные же средства.

[1] Покупательная способность русского рубля во 2-ой пол. XVII в. была в 17 раз выше стоимости довоенного рубля (В.О. Ключевский, Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему—Опыты и исследования, I сборник статей, Пгр. 1919, стр. 183), хотя в Сибири, слабо обеспеченной товарами, покупательная способность тогдашнего рубля была несколько ниже указанной.

По свидетельству Стеншина, Францбеков вложил в амурское предприятие 30.000 р. (более 500.000 р.) собственных средств, из них за одним Хабаровым он считал 7000 р. долгу по заемным «кабалам», за Поповым — 600 р. и за другими участниками несколько сот рублей. За эти ссуды Францбеков брал со своих должников их денежное и хлебное жалованье и, сверх того,—заемные «кабалы», по которым те обязывались уплачивать предприимчивому воеводе 50% на занятый капитал. Для обеспечения исправной уплаты долга Францбеков приставил к отряду Хабарова своего человека, который и должен был получать в счет долга добычу, приобретенную должниками воеводы во время амурских походов.

Рассказывая обо всех этих обстоятельствах, дьяк Стеншин не без наивности замечает, что Францбеков предпринял амурские походы «не для государевой службы, а для своей бездельной корысти»[1]. Однако, в этом явлении не было ничего особенного, не укладывавшегося в рамки тогдашних понятий и обычаев: ведь интересы крупно-капиталистического государева хозяйства постоянно переплетались с интересами частного капитала; тем более сильное воздействие это сродство интересов оказывало на хозяйство и быт туземного населения[2].

---

[1] Н. Н. Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. III, М. 1900, стр. 96 и 182; Чулков, Е.П. Хабаров (Рус. Архив за 1898 г, I, стр. 179).

[2] См. напр. наше исследование — Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли, Чита 1922, стр. 53—54.

I.

Территория Дауро-дючерской земли.

Верхнее и среднее Приамурье в первой половине XVII века занимали два манджуро-тунгусских племени—дауры и дючеры, некогда пришедшие сюда из Манджурии. Последняя еще в начале нашей эры была населена различными тунгусскими племенами, из которых одни вели охотничий быт, другие, под влиянием соседней китайской культуры, довольно рано перешли к занятию земледелием. К числу последних принадлежало и тунгусское племя «фу-юй», занимавшее в I—III веках нашей эры область правых притоков реки Нонни и верхние течения рек Сунгари и Ляо-хэ. Подобно позднейшим даурам и дючерам, фу-юй жили в деревянных городках, занимались земледелием и имели благоустроенные дома и хлебные магазины. В IV—IX веках область заселения фу-юй и всю северную Манджурию уже занимают другие тунгусские племена, известные в китайских летописях под названием «ши-вей». Ши-вей вели тоже оседлый образ жизни и занимались земледелием; по сообщению китайских летописцев, они сеяли много проса, пшеницы, полбы и конопли, ели квашеный хлеб и разводили лошадей, рогатый скот и свиней, а в северной Манджурии они занимались охотой и рыболовством. Одно из шивейских племен, дауры, уже при первом своем появлении на исторической арене, были земледельцами. До X—XII веков дауры жили в северной Манджурии, занимая повидимому все амурское правобережье (до устья Сунгари); в этих столетиях, под давлением родственных племен с юга, они стали переходить на левый берег Амура, где в дальнейшем и упоминаются в китайских летописях под именами а-ли-мей, у-ни и по-гу-лу. Весьма вероятно, что под этими именами китайцы знали не только дауров, но и родственных им дючеров[1].

Таким образом, дауры и дючеры пришли на Амур из Манджурии. В XVII веке они были уже довольно культурными племенами. Земледелие, которое они принесли с собою из-за Амура, было доведено ими на новых местах до относительно высокой ступени развития. Оба племени занимали в описываемое время длинную и узкую область, расположенную преимущественно по левому берегу Амура, от слияния

[1] Иакинф (Бичурин), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II. Спб 1851, стр. 16—18 и 92—94; Д Позднеев, Описание Манджурии, изд. министерства финансов, т. I, Спб. 1897, стр. 3—4 и 7; П. Н. Меньшиков, Краткий исторический очерк Манджурии (Вестник Азии, № 42, вып. II). стр 6—9, 10—13 и 18—19; Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, изд Академии Наук, т. I, Спб. 1883, стр. 163—181.

Шилки и Аргуни на западе до устья Дондона на востоке, и включавшую в себя бассейны Зеи, Буреи, Сунгари и Уссури. Западную часть этой области до устья Зеи и почти весь бассейн последней населяли дауры, в восточной же обитали дауро-гогули и дючеры.

Известия о расселении обоих племен и об их соседях содержатся в отписках и расспросных речах Пояркова, Хабарова и других русских людей, в разное время посетивших Приамурье. Судя по этим данным, пределы расселения дауров и дючеров по Амуру в общем совпадали с границами амурского земледельческого района в XVII в.

Русские люди раньше всего получили сведения о западных пределах Даурской земли. Крайней западной частью даурских поселений была область по верхнему течению реки Витима. Еще в 1640 году служилый человек М. Перфильев, со слов муйских тунгусов, сообщал, что «вверх по Витиму реке... на усть Карги (Каренги) реки (живет) на одном месте улусами даурский князец Ботога с товарищи». Юрты в этих даурских селениях-улусах были рубленые, а главным занятием рода Ботоги было скотоводство и охота: «и скота у того князца Ботоги всякого и соболя много». От поселений Ботоги вверх по Витиму, по обоим его берегам, до Еравнинских озер жили «даурские конные многие люди». Витимские дауры находились в постоянных торговых сношениях со своими амурскими соплеменниками, в частности с даурским родом кн. Лавкая, поселения которого отстояли от них на $3^1/_2$ дня пути волоком и от которого они получали хлеб, серебро и китайские ткани в обмен на соболей и коней [1]. Поселения витимских дауров отделялись от их амурских соплеменников-земледельцев обширным пространством, занятым разными тунгусскими родами; [2] поэтому они представляли собою как бы обособленный даурский островок, не связанный с основной Даурской землей ни территориально, ни по роду хозяйственных занятий.

Территория дауров-земледельцев расположена была по амурскому побережью. Крайнюю западную часть этой земли занимал род кн. Лавкая и его братьев—Шилгинея и Гильдеги. Уже в начале 1640-х гг. служилые люди, как указывалось выше, узнали от витимских и олекминских тунгусов, что ближайшим соседом последних на юго-востоке был даурский князец Лавкай, живший по Амуру. В 1649 году приказчик Тугирского зимовья В. Юрьев сообщал якутским воеводам, что «Лавкай живет промеж Уркойканом (т. е. Уркой) и Олдеконом (т. е. Олдоем) реками..., а как выпловешь Олдеконом рекою на Шилку (т. е. Амур), и Лавкаев улус видеть (можно)» [3]. Другой современник, промышленник Г. Вижевцев, в 1647 году рассказывал тем же воеводам со слов тунгусов, что один из братьев Лавкая, Шилгиней,

---

[1] Отп. лен воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96).

[2] Там же; также отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. А. И. III, № 72).

[3] Отп. тугир. приказчика В. Юрьева к якутским воеводам от 12 мар. 1649 г. (Доп. АИ. III, № 50).

жил от него вверх по Амуру, а другой, Гильдега,—вниз по течению, «а живут они промеж собою неподалеку, брат к брату сходятся» [1], так как, по сообщению Хабарова, все трое составляли один род [2].

Как далеко на запад простирались поселения части Лавкаева рода, подвластной Шилгинею, видно из двух туземных известий. По показанию лавкаевой сестры Моголчак, «вверх великой реки по Амуру, выше князь Лавкаевых городов,—река Урка, а от тое Урки реки до Амазару реки ходу три дни, а ходу до усть Шилги от Амазару реки два дни, и по тем рекам многое множество тунгусов, а вниз все живут по славной реке Амуру даурские люди пахотные и скотные» [3]. Судя по этим данным, поселения Лавкаева рода доходили по Амуру до реки Урки, выше устья которой жили уже тунгусы, занимавшие своими кочевьями все нижнее течение Шилки и отчасти левый берег нижней Аргуни [4]. Бассейн последней в описываемое время населяли разные племена: по правому берегу реки до самого Амура обитали родственные даурам таргачины, а южнее их, по течениям правых аргунских притоков—Хайлара, Гана и Хаула, кочевало монгольское племя баргутов, занимавшееся скотоводством. Поселения таргачинов от Аргуни и Амура простирались на юг по западным склонам Б. Хингана («Таргачинского хребта») и доходили до верховьев реки Хайлара, а отсюда до левых притоков реки Нонни. Северные таргачины занимались охотой и скотоводством, а южные, сверх того, и земледелием [5]. Один из наших источников сообщает любопытные сведения о северных таргачинах, называя их «лелюлями» или «лелюльскими людьми». Таргачины-лелюли в 1640-х г.г. жили «вверх по Шилке», на расстоянии полудневного конного пути от устья реки Амазара, «а те люди хлеба не пашут, а скота у них—коней и коров и свиней и овец много, а промышляют соболи и лисицы и рысей и россомак, а всякого зверя промышляют много» [6]. Таким образом, шилкинские тунгусы и аргунские таргачины и баргуты были ближайшими соседями кн. Лавкая с запада и юго-запада.

Некоторые из тунгусских родов верхнеамурского бассейна находились в подчинении у дауров: так, амазарские тунгусы, по признанию кн. Лавкая, были его улусными людьми, ловили на него рыбу и добывали ему соболя [7]. Таким образом, хотя западною границею даурского племени на верхнем Амуре, судя по данным наших источников, было устье р. Урки, но экономическое и политическое влияние дауров простиралось до Амазара, а возможно и до слияния Шилки

[1] Расспр. речи Г. Вижевцева и В. Пояркова от 27 мая 1647 г. (Доп. АИ. Ш. № 26).
[2] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп АИ. Ш, № 72)
[3] Там же, Шренк. назв. соч, т. I, стр 183 сл.
[4] Отп. енис. воеводы А. Пашкова к томскому воеводе М. Волынскому от 11 апр. 1652 г. (Доп. АИ, Ш, № 93).
[5] Отп нерч. приказчика Д. Аршинского к царю от 1670 г. (АИ IV, № 212 II и Доп. АИ. VI, № 6 V); отп. О. Степанова к якут. воеводе М. С Лодыженскому после 7 июня 1655 г. (Доп. АИ. IV, № 12); расспр. речи служ. людей Вас. и Игнат Миловановых с тов от 9 апр. 1670 г. (там же VI, № 6 Ш); Миллер, назв соч (Ежем Соч 1757 г., ч. II, авг.) стр 117; Шренк, назв соч., т. I, стр. 174—177, А. Баранов, Барга, Харб 1912, стр. 17—22
[6] Отп. тугир. приказчика В. Юрьева к якут. воеводам от 12 мар. 1649 г (Доп. АИ Ш, № 50).
[7] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72)

и Аргуни: по крайней мере, М. Перфильев, со слов муйских тунгусов, сообщал, что на Амуре «живут многие даурские пашенные люди, а хлеб у них всякий против русского *и до усть Шилки реки*»; точно также и зейско-даурский князец Доптыул передавал Пояркову, что по Амуру «живут многие даурские люди и *тунгусы пашенные*, и хлеба у них родится много»[1].

Дауры, подвластные кн. Лавкаю, жили ниже устья р. Урки, занимая преимущественно левобережную полосу Амура. У Лавкая было пять укрепленных деревянных городков, окруженных поселениями, так наз. «улусами». Крайний западный городок находился при устье р. Игнашиной, впадающей в Амур верстах в 15 ниже устья Урки, и обнесен был рвом, валом и деревянной стеной с пятью башнями и одними воротами; около городка было расположено несколько улусов[2]. Ниже этого городка стояли на некотором расстоянии друг от друга два таких же городка, окруженные улусами, причем первый из них имел 5 башен и управлялся зятем Лавкая, а второй, расположенный почти против устья Эмура-Албазихи, имел 4 башни и, будучи под управлением Лавкаева племянника Албазы (сына Гильдеги), получил впоследствии название Албазина[3]. В дне речного пути ниже Албазина на левом берегу Амура находился четвертый Лавкаев городок сравнительно меньших размеров, бывший в управлении подручного Лавкаю кн. Атуя, а еще ниже его—пятый, укрепленный подобно Албазину, где жил другой подручный князец Чипа[4]. Западнее и севернее всех этих городков, «между р. Шилимом (Уркой?) и Амуром», стояли еще два городка, принадлежавшие братьям Лавкая—Шилгинею и Гильдеге,[5] хотя не лишено вероятия предположение, что Албазин первоначально был городом Гильдеги и лишь потом перешел к его сыну Албазе. Сведений о расположении отдельных улусов Лавкаева рода у нас не имеется, но можно предполагать, что они находились на средней береговой террасе, наиболее удобной для земледелия и скотоводства, так как, по сообщению русских служилых людей, «в тех князь Лавкаевых в городах и в улусах (были) луги великие и пашни и скота всякого

---

[1] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96); распр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (там же III, № 12. I).

[2] Фишер ошибочно принимает этот городок за Албазин (Спб. ист., стр. 586, прим. 36); однако отписки Хабарова и других служилых людей с несомненностью устанавливают, что Албазин был третьим Лавкаевым городком

[3] Миллер, назв. соч. (Ежемес. Соч. 1757 г., ч. II, июль), стр. 20—21.

[4] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72); отп. его же к царю от 1651 г. (АИ. IV, № 31. V). расспр. речи П. Герасимова и тунгуски Даманзи от 22 мая 1652 г (Доп. АИ. III, № 95), царская грамота к царю Шамшакану и кн. Богдою от 1651 г. (АИ. IV, № 31. IV).—А. Кириллов в своем «Географическо-статистическом словаре Амурской и Приморской областей» (Благовещенск 1894), вслед за Ф. Шперком (Россия Дальнего Востока Зап. И.Р.Г.О по общей географии, т. XIV, Спб. 1885, стр. 369—370), приурочивает как Лавкаевы, так и другие, ниже их расположенные, даурские городки к нынешним населенным пунктам по Амуру. Поскольку это приурочение он основывает на рассчете дней речного пути, пройденного Хабаровым и другими служилыми людьми между отдельными городками, а рассчет в каждом случае дается разный, постольку у нас нет твердых данных для отожествления населенных пуктов XVII в. с таковыми же в XIX—XX вв.

[5] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ III, № 72).

много»[1]. Несмотря на неоднократные упоминания наших источников о многих улусах, подвластных Лавкаю, туземные свидетельства отмечают, что «под Лавкаем улусных даурских людей (было) немного», а даурский кн. Доптыул прямо сообщал Пояркову, что у Лавкая было до 300 улусных людей[2].

Ниже поселений Лавкаева рода по амурскому побережью расположены были даурские городки и селения, находившиеся во владении разных князцов. Так, в двухдневном пути от Албазина стоял городок кн. Дасаула, немного ниже его—городок кн. Чурончи, а еще ниже последнего—три смежных городка, разделенные между собою только стенами и принадлежавшие князцам Гуйгудару, Олгемзе и Лотодию. Этот тройной городок, построенный и укрепленный лишь незадолго до прихода Хабарова, имел двойные деревянные стены, засыпанные в промежутке землею и сверху замазанные глиною, с подлазами вместо ворот, и был окружен рвом глубиною в сажень. Вокруг тройного городка расположены были даурские поселки с населением свыше 1000 чел. На расстоянии двух дней пути от Дасаулова городка на левом берегу Амура находились городок и улус даурского кн. Банбулая, отстоявшие на полторы суток речного пути от устья р. Зеи. На правом амурском берегу, при устье р. Кумары, стояло многолюдное даурское селение кн. Емарды, а выше его, вероятно по тому же берегу, на небольшом расстоянии друг от друга находились селения князцов Шангамона и Ундая. Южными соседями правобережных дауров были солоны-охотники, занимавшие восточные склоны Б. Хингана и верховья р. Нонни, а также манджуры-земледельцы, населявшие левые притоки Нонни и верховья Сунгари[3].

Некоторая бедность наших источников известиями о местах расселения дауров по верхнему Амуру отчасти восполняется более поздними данными. В 1681 г. нерчинский воевода Ф. Д. Воейков послал на Зею и Амур сына боярского И. М. Милованова для дозора острогов, зимовьев, пашень, угодий и ясачных людей, причем уже в следующем году Милованов подал воеводе дозорную роспись, в которой сообщал, что «с усть Зии вверх по Амуру, ниже Комару, на правой руке (т. е. по левому берегу, так как дозор велся от устья Зеи)—луг велик, старые пашни много, иные луги пахиваны... и выше Комару луговых пашень много». Дозорщик добавлял к этому: «а все пахали даурские люди, а сведены они с тех мест» богдоханом[4]. Таким образом, амурское побережье от Урки до устья Зеи в 1650-х гг. име-

---

[1] Отп. якут воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп АИ. III. № 72); расспр. речи П. Вижевцева и В. Пояркова от 27 мая 1647 г. (там же № 26).

[2] Расспр. речи П. Володимерова, П. Герасимова и тунгуски Даманзи от 22 мая 1652 г. (Доп. АИ. III. № 95); расспр речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (там же № 12 I).

[3] Отп. Т. Е. Чечигина к якут. воеводе Л. Францбекову от авг 1652 г. (Доп. АИ. III, № 101); отп. Е. П. Хабарова к тому же воеводе от авг. 1652 г (там же № 102), расспр речи служ чел. С. Андреева от 24 сент. 1652 г. (там же № 103) — Шренк, назв. соч., т. I, стр. 163—195

[4] Отп. нерч. воеводы Ф Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII, № 74. XXIII).

ло довольно многочисленное даурское земледельческое население. На севере верхнеамурские дауры соседили с многочисленными тунгусскими родами, кочевавшими по южным склонам Яблонового и Нюкжинского хребтов, а на юге по правому берегу и в Манджурии, как мы уже видели,—с солонами и отчасти манджурами[1].

Бассейн Зеи и ее нижних притоков в I пол. XVII в. населен был даурами и дючерами и представлял собою один из наиболее земледельческих районов тогдашнего Приамурья. По известиям В. Пояркова и других служилых людей, дополненным сведениями из дозорной росписи Милованова 1682 г., мы можем дать относительно полную картину расселения зейских дауров и дючеров и распространения среди них земледельческих занятий.

Северная граница даурских поселений по Зее в описываемое время проходила по линии, проведенной немного выше устья правого зейского притока Умлекана. Когда Поярков в 1643 г. спускался с верховьев Зеи, на ее правом притоке Бряпте он встретил оленных тунгусов Уллагирского рода, еще ниже по р. Уру—оленных же тунгусов Боягирского рода и лишь в устье Умлекана он нашел первых оседлых дауров-земледельцев. Это был небольшой даурский род кн. Доптыула, состоявший всего из 15 мужчин, не считая женщин и детей. С родом Доптыула, по сообщению Пояркова, жили еще какие-то «пашенные люди», возможно оседлые тунгусы. Дозорная роспись Милованова вполне подтверждает это известие Пояркова. До устья р. Бирясвы, впадающей в Зею немного выше Умлекана, Милованов отмечает заброшенные даурские «пашнишка небольшие неугодны—водою топит часто», а выше Бирясвы по Зее «хлебородных мест нет, окроме соболиных промыслов»[2]. Таким образом, линию между р. Бирясвой и Умлеканом мы можем считать северной границею даурских поселений и распространения туземного земледелия в Зейском бассейне.

В течение своего трехдневного пути по Зее ниже устья Умлекана Поярков не упоминает ни об одном даурском поселении вплоть до устья Селимджи. Между тем, по сообщению тунгусского Лалагирского князца Томканея, «многажды» бывавшего в этих местах, на левом берегу Зеи, повидимому немного ниже улуса Доптыула, жил даурский род князцов Милкичи и Денмеко, численностью более 100 чел. От Умлекана до Амура, по словам того же Томканея, «конем ехать 8 дней, а все... по Зие по берегам живут братские (т. е. даурские) люди хлебные многие, хлеб пашут сами, и скота у них много»[3]. Точно также и дозорная роспись Милованова отмечает по Зее выше Селимджи заброшенные даурские «все пахотные земли хлебородные и ялани»[4]. Сле-

[1] Шренк, назв соч., т. I. стр. 163—195.

[2] Расспр речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г (Доп. АИ. III, № 12 I); отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (там же VII, № 74 XXIII).

[3] Наказ письм. голове В Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения в Общ. ист и др. рос. за 1861 г, кн. I, стр. 3—4).

[4] Отп нерч воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII, № 74. XXIII). — Еланью у сибиряков называется возвышенная, голая и открытая равнина, лысина, плешина. а также луг, пастбище, пажить, пожня в лесу.

довательно, на зейском побережье от Бирясвы и Умлекана до Селимджи в описываемое время жило довольно значительное по численности даурское земледельческое население, занимавшее как долину Зеи, так повидимому и нижнюю горную террасу по северо-восточным склонам хребта Нюкжи.

Бассейн левого зейского притока Селимджи был населен в описываемое время даурами и тунгусами. Поярков, со слов местного даурского князца Бебры, сообщает, что «в самой вершине» Селимджи и повидимому по северо-западному склону хребта Тураны кочевали бирары-оленеводы; ниже их, возможно по левому притоку Унгме, жили оседлые тунгусы Дуланского рода, численностью до 30 мужчин, занимавшиеся земледелием. По нижнему течению Селимджи и прилегающему к ее устью зейскому побережью расположена была Боканская волость, населенная четырьмя даурскими родами: родом кн. Бебры —в количестве 100 мужчин, Шелогонским родом кн. Досия—численностью до 300 мужчин, Турчанским—в 40 чел. и Ежегунским—в 30 чел., причем Шелогонский род занимал самые низовья Селимджи, расположение же других родов в точности неизвестно. Политическим центром Боканской волости был хорошо укрепленный городок Молдыкидич (или Молдикичид), расположенный при устье Селимджи на земле Шелогонского рода и принадлежавший князцам Досию и Колпе. Досий, как глава самого сильного из местных даурских родов, считался «лучшим» и наиболее влиятельным из всех селимджинских князей: «а все мы, сообщал Пояркову кн. Бебра, собираемся в острожек к нему, Досию». Селимджинские дауры и отчасти тунгусы занимались земледелием и скотоводством; поэтому, когда подручный Пояркова пятидесятник Ю. Петров с отрядом в 70 чел. подошел к Молдыкидичу, кн. Досий и Колпа доставили ему 10 голов крупного скота и в числе хлебных запасов 40 кузовов овсяной крупы[1]. Известие Пояркова о сельско-хозяйственных занятиях селимджинских дауров и тунгусов находит себе подтверждение и в дозорной росписи Милованова: «а из Долосского острогу (при устье р. Долонца, впадающего в Зею немного ниже Селимджи), читаем здесь, вверх по Зие и по Силинбе до Унги реки (Унгмы) все (старые) пахотные земли хлебородные, на коне тех мест $1^1/_2$ дни ехать; а вверху по Силинбе и (оттуда) вниз до Унги реки угодных пашень и хлебородных мест нет же»[2].

Ниже устьев Селимджи и Долонца и до впадения в Зею ее левого притока Гогулькурга (между р.р. Бирмой и Томью) В. Поярков не отмечает в зейской долине ни одного даурского поселения, хотя дозорная роспись Милованова и свидетельствует, что по обоим берегам Зеи между Долонцем и Томью «вылуговых старых пашень (было) много». Что же касается р. Гогулькурга, то при устье ее, по левому берегу Зеи, расположена была волость Гогули. По вопросу о том, кем

[1] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[2] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII, № 74. XXIII).

Библиоте

населена была эта волость, Л. Шренк, основываясь на неправильно прочтенном им известии Пояркова, высказал мнение, что в ней жили гогули—ближайшие родственники дючеров[1]. Между тем сообщение Пояркова не дает никаких оснований для подобного заключения. «А от Селинбы реки, говорит он, плыл до речки Гогулькургу трои сутки, и та речка пала в Зию, на низ пловучи, с левую сторону, а на усть той речки на Зие—волость Гогули, а в той волости—даурский острожек, а в том острожке два князца Омуты да Ломбо, а улусу у них в том острожке 200 человек, все пашенные и скотные сидячие люди, а хлеба у них родится много». Таким образом, из приведенной выдержки видно, что в Гогульской волости находился даурский городок кн. Омутея и Ломбо с 200 жителей, которые занимались земледелием и скотоводством. Спрашивается, были ли сами жители этого острожка дауpами или, находясь под властью даурских князцов и под защитой построенного ими городка, они принадлежали к другому племени? Ответ на этот вопрос дает тот же Поярков в известии, следующем за сообщением о Гогульской волости: «а против Гогул за Зиею (т. е. на правом берегу)—волость Шепки, а в той волости 100 человек, *дауры же пашенные же*»[2]. Следовательно, гогули были тоже дауры и повидимому представляли собою особый род или поколение этого племени, причем они обитали не только по Зее, но, как увидим ниже, и по среднему Амуру.

К югу от Гогульской и Шепкинской волостей долину Зеи, по словам Пояркова, занимали дауры-земледельцы, подвластные нижнезейскому князцу Балдаче. Неудивительно, что и дозорная роспись Милованова отмечает «от Томы реки до Амуру луговых пашень старых бесчисленно много и места пространны сильно». В северной части владений кн. Балдачи, по течению левого зейского притока Томи, жили многочисленные дауры и тунгусы, занимавшиеся земледелием, а в южной, возможно при устье р. Белой, находился городок самого Балдачи, в котором обитало до 100 дауров-земледельцев[3].

Ниже городка кн. Балдачи по Зее и ее левому притоку Будинде расположена была «иная земля—живут дючеры родами, такие же сидячие и хлебные и скотные, что и дауры»[4]. Когда в декабре 1643 г. Поярков был на Умлекане, к нему явился с подарками от этих дючеров кн. Чинега. Повидимому, дючерским же был и городок Дува, расположенный при устье Зеи и принадлежавший кн. Ильдеге; род этого князца состоял из 100 чел., «да в том же острожке с ним (Ильдегой были) иные многие улусы», или чужеродцы. По сообщению Пояркова, «с усть Зеи по Шилке (Амуру) пойдут пашенные многие сидячие люди дючеры родами и до Шунгалы (Сунгари) реки»; однако это известие

---

[1] Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 161—162.

[2] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[3] Там же, отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII. № 74. XXIII).

[4] Отп. якут. воевод В. Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. II); расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (там же № 12 I).

письменного головы, как увидим ниже, находится в некотором противоречии с сообщением Хабарова о туземном населении среднего Амура [1].

Таким образом, судя по известиям Пояркова и Милованова, бассейн Зеи от Бирясвы и Умлекана до Амура в I пол. XVII в. населяли довольно многочисленные дауры и дючеры, занимавшиеся земледелием и скотоводством. Эти туземцы жили в долине Зеи и по ее нижним притокам — Умлекану, Селимдже, Гогулькургу, Томи, Белой и Будинде, причем северной границей расселения дауров в этом бассейне была линия между Бирясвой и Умлеканом, выше которых жили оленные тунгусские роды, на западе естественную границу их составлял хребет Нюкжа, служивший водоразделом между бассейнами Зеи и верхнего Амура, а на северо-востоке — хребет Турана, по северо-западным склонам которого кочевали бирары-оленеводы; лишь на юге и юго-востоке зейские дауры и дючеры сливались с дауро-дючерским населением верхнего и среднего Амура.

Мы видели выше, что последним крупным поселением дауров на верхнем Амуре был городок кн. Банбулая, отстоявший на полторы суток речного пути от устья Зеи. Немного ниже этого устья, на правом берегу, по сообщению Хабарова, расположено было даурское селение кн. Экоре (Кокорея) в 24 юрты. Вниз по течению, на расстоянии дневного перехода, стояли три даурских поселка, а невдалеке от последнего из них находился даурский городок, принадлежавший князцам Толге, Туронче и Омутею и укрепленный силами всей Даурской земли незадолго до прихода сюда Хабарова. Толгин городок окружен был двумя бревенчатыми стенами, с земляной засыпью между ними, и тройным рвом, глубиною в 3 саж и шириною в 4 [2]. Около городка расположено было несколько даурских поселков, а в «перестрел» стрелы от крепостцы вниз по течению стояло большое селение, принадлежавшее тем же князцам. Как в городке, так и в ближайших к нему улусах проживало свыше 1000 мужчин («луков с тысячу и больши»). К югу от правобережных дауров находились кочевья солонов и поселения манджуров [3]. Были ли среднеамурские дауры земледельцами, Хабаров не упоминает, но дозорная роспись Милованова отмечает, что «с усть Зии по Амуру вниз ехать на коне половина дни все лугами и старыми пашнями до того города, а город земляной, иноземцы его зовут Айтюн (Айгун), а около города старых пашень гораздо меньше, а ниже города... луговых пашень старых бесчисленно много» [4]. Следовательно, амурские дауры, жившие ниже устья Зеи, занимались тоже земледелием.

---

[1] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I); Миллер, назв соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, июль), стр. 8.

[2] Н. Чулков, Е. П Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII в (Рус. Архив 1898 г. кн. I), стр. 183.

[3] Отп Е. П. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп АИ. III, № 102), отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (там же VII, № 71. XXIII), Шренк, назв соч, т. I, стр. 189—195

[4] Отп. Е. П. Хабарова к якут воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

Ниже Толгина городка амурскую долину занимали поселения даурского рода или поколения гогулей, которые, подобно прочим, были земледельцами. По сообщению Хабарова, амурские гогули жили небольшими поселками, юрт по 10 в каждом: до М. Хингана он встретил по берегам до 120 таких поселков; они попадались ему также и в Хинганском ущелье, а ниже его в течение только первого дня пути Хабаров прошел мимо 21 гогульского селения и «на другой день (русские) плыли все улусами же» до самого устья Сунгари, этого крайнего предела распространения гогулей. Таким образом, поселения гогулей занимали самую восточную часть Даурской земли, так как ниже устья Сунгари начиналась область исключительного расселения дючеров. Отличительной особенностью дючеров, по собщению Хабарова, были крупные размеры их поселений-улусов. Уже́ в устье Сунгари находились «два улуса великие, а в тех улусах юрт 60 и больши»; дальше шли еще более значительные селения, юрт по 70—80 в каждом, причем все они расположены были «на месте пахотном и скотном», так как дючеры тоже занимались земледелием [1].

При обзоре туземного населения в Зейском бассейне мы видели, что по нижнему течению Зеи в описываемое время, наряду с даурами, обитали также дауро-гогули и дючеры. С другой стороны, средний Амур от устья Зеи до устья Сунгари, по словам Хабарова, занимали дауры, а по сообщению Пояркова—дючеры. Таким образом, между известиями обоих наших источников оказывается разногласие, на первый взгляд трудно примиримое. Для разъяснения его еще Л. Шренк высказал в свое время предположение, что между зейскими и амурскими гогулями и дючерами не существовало территориального разрыва и что поселения их занимали всю зейско-буреинскую равнину, от нижнего течения Зеи до побережья среднего Амура. В самом деле, дючеры явились в Приамурье из Манджурии в то время, когда бóльшая часть его уже занята была даурами. Так как дючеры двигались сюда главным образом по долине Сунгари, то их расселение на новых местах могло пойти лишь в двух направлениях: на северо-западе они стали занимать среди гогулей свободные земли по южным склонам Буреинских гор, частью занятых кочевьями бираров и других тунгусских племен, и в зейско-буреинской равнине, а на северо-востоке они начали селиться по амурским берегам ниже устья Сунгари, местами вторгаясь в поселения живших здесь гольдов; часть же дючеров, не найдя себе места на Амуре, Бурее и Зее, осела до долинам Сунгари и Уссури, где к половине XVII в. и образовала сплошное земледельческое население [2].

Наши источники дают любопытное подтверждение того, что в области среднего Амура дючеры жили как среди прибрежных гогулей и севернее их, т. е. по южным склонам Буреинских гор, так и по ле-

[1] Отп. Е. П. Хабарова к якут воеводе Д. А. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

[2] Шренк, назв. соч., т. I, стр. 154—155, 162.

вым притокам Амура. Прежде всего, в дошедшем до нас «Описании новые земли, сиречь Сибирского царства», составленном по русским источникам 1640—1650-х г.г. уже после 1683 г., сообщается, что по «тем рекам, которые по сю сторону Камня (т. е. М. Хингана) к Даурской земли, которые реки пали в великую реку Амур, и по тем местам, по урочищам, по рекам живут дючерцы» [1]. Затем, в другом памятнике—«Сказание о великой реке Амуре», составленном в 1670—1680 гг., говорится, что «на устье Быстрой реки (как называли тогда русские Бурею) живут джучера, пашенные китайские люди, а в вершине ее живут оленные тунгусы, никому ясаку не платят» [2]. Подобные же известия мы имеем и от Хабарова. Когда весною 1652 г. он возвращался на устье Зеи из Ачанского острога, то, миновав М. Хинган, остановился где-то на среднем Амуре у одного улуса и стал призывать его жителей к уплате ясака. Так как туземцы из этого улуса держались вдали от русских, Хабаров послал за ними в погоню служилых людей, которым и удалось поймать «доброго мужика дючерского», или дючерского князца. На следующий день к Хабарову явились братья этого князца и заплатили ясак за весь его род, причем сам князец заявил русским, что «пониже сего места улус есть, а против того улуса в горѣ живут иные мужики». Хабаров отправил против нижнего улуса небольшой отряд, который захватил 5 пленных и «с ними поймали дючерского мужика с Шингалу». На расспросе пленные заявили, что их род не желает давать русским ясак, а хочет с ними воевать; сунгарийский же дючер добавил, что на Сунгари против русских собрано большое войско, в котором участвуют «многие люди богдоевы и наша Дючерская земля» [3]. Приведенное сообщение Хабарова довольно ясно намекает, что первое селение, из жителей которого русские захватили дючерского князца, было населено дючерами, другой улус, расположенный ниже этого селения, был повидимому тоже дючерским, на что̀ между прочим указывает и присутствие в нем сунгарийского дючера, который свою родину называл «нашей Дючерской землей», в отличие конечно от дючерских поселений, перемешанных в зейско-буреинской равнине с улусами гогулей. Что же касается племенной принадлежности «иных мужиков», живших в горѣ против нижнего дючерского улуса, то они, по нашему мнению, были гогулями: иначе их нельзя было бы назвать «иными» по отношению к соседним дючерам. К прибрежным же поселениям дючеров по среднему Амуру относился и улус дючерского князца Тоенчи, захваченного в плен отрядом Чечигина в 1652 г. [4]

Итак, отмеченное выше разногласие между известиями Пояркова и Хабарова о дючерах разрешается само собою. Поярков был несомненно прав, когда сообщал, что от устья Зеи вниз по Амуру жили

---

[1] А. Титов, Сибирь в XVII в., изд. Г. Юдина, М. 1890, стр. 85.

[2] Там же, стр. 107—108.

[3] Отп. Е. П. Хабарова к якут воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп АИ. III, № 102).

[4] Отп. Т. Чечигина к якут. воеводе Д. Францбекову от авг 1652 г. (Доп. АИ. III, № 101).

«пашенные многие сидячие люди дючеры родами», так как дючерские поселения действительно расположены были бок-о-бок с гогульскими в зейско-буреинской равнине, от устья Зеи до устья Сунгари. Однако, мы не можем назвать неправильным и известие Хабарова, по которому средне-амурское *побережье* от Зеи до Сунгари было занято дючерами, а Дючерская земля начиналась лишь с устья Сунгари, ибо дючерских улусов на самом побережье среднего Амура было повидимому немного, сравнительно с подавляющим местным дауро-гогульским населением.

Бассейн Сунгари в описываемое время занимало многочисленное дючерское население. Первые известия о сунгарийских дючерах русские получили от Пояркова: «а по Шунгале, сообщал он, живут многие пашенные сидячие люди шунгалы (т. е. сунгарийцы)»[1]. В сообщениях Хабарова мы встречаем уже более подробные сведения о населении р. Сунгари, часть которого называется здесь прямо дючерами. В 1652 г., во время осады Ачанского острога манджурскими войсками кн. Исинея, русским удалось захватить в плен нескольких манджуров, которые на расспросе сообщили Хабарову, что в войско, собранное кн. Исинеем на Сунгари, было взято из одного местного селения 500 чел., из Малзинского улуса — 420 чел., «да дючеров было со всей реки сот с пять и больши»; что же касается Малзинского улуса, то он «стоит от них на полудне, и тот улус на одной стороне реки, а юрт в улусе с 1000, а на другой стороне Шингалу против того улус стоит таков же»[2]. Судя по этому известию, если только оно правильно передано Хабаровым, бассейн нижней Сунгари населен был и дючерами, и еще каким-то племенем, причем племенная принадлежность и занятия населения самых крупных сунгарийских улусов, в том числе и Малзинского, в сообщении пленных не указаны. Так как преемнику Хабарова на Амуре — О. Степанову пришлось довольно часто посещать Сунгари «для хлебной нужи» и для сбора ясака, то в известиях его можно получить более обстоятельные сведения о населении этой реки и его занятиях. Действительно, уже осенью 1653 г. Степанов со своим отрядом ходил на Сунгари и здесь собрал хлебные запасы на предстоящую зиму. В 1654 г. он снова отправился сюда «для ради хлеба» и обложения ясаком местных дючеров. В течение 3 дней Степанов подымался по Сунгари на парусных судах, причем против дючеров он высылал вперед служилых людей, которым и удалось захватить несколько «дючерских языков». На 4-ый день плавания по Сунгари отряд Степанова встретился с большим манджурским войском, перед которым он вынужден был отступить на Амур, не собрав с дючеров необходимого ему продовольствия[3]. Летом 1655 г. Степанов снова ходил на Сунгари за ясаком и хлебными запасами. Когда же на следующий год он отправился из Ачанского острога в очередной сунгарийский поход, то на Амуре не

---

[1] Расспр речи В Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп АИ. III, № 12. I)

[2] Отп. Е. П. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

[3] Отп. амурского приказчика О. Степанова к якут воеводе М. С. Лодыженскому от авг. 1654 г (Доп АИ. III, № 122).

нашел почти никого из дючеров: все они, как и амурские дауры, еще год назад, по распоряжению китайского правительства, переселились отсюда в западную и южную Манджурию. То же самое было и по нижнему течению Сунгари: по словам немногих дючеров, еще оставшихся на Амуре, «иноземцев дючерских людей богдойский царь велел свести с великой реки Амура и с низу Шингалу реки в свою Богдойскую землю на Кургу реку (Хурху или Муданьдзян), вверх по Шингалу реке житья их и юрты богдойского царя князец Сергудай сожег и до конца разорил»; поэтому дючерских улусов, с которых Степанов еще в предыдущем году собирал хлеб и ясак, по Сунгари уже не стало. Желая удостовериться в этом, Степанов поплыл вверх по Сунгари, причем «дючерских людей нигде не объявилося до Малзинского улусу и выше» [1].

Таким образом, Сунгарийский бассейн, по крайней мере в нижней части его, в описываемое время населен был дючерами, которые занимали долину реки повидимому вплоть до устья правого сунгарийского притока Хурхи. Дючеры жили большими улусами по обоим берегам Сунгари, причем наиболее крупные из этих селений, как напр. Малзинский улус, заключали в себе до 1000 юрт. Подобно своим амурским единоплеменникам, местные дючеры занимались земледелием и в половине 1650-х гг. были главными, хотя и подневольными, поставщиками продовольствия для русских амурцев.

От устья Сунгари вниз по Амуру проходила точно также сплошная полоса дючерских поселений, расположенных по обоим берегам до впадения Уссури. Бассейн последней, по свидетельству Пояркова, занимали «дючеры же пашенные», а в верховьях реки обитали тунгусы [2]. По мнению Л. Шренка, под верхне-уссурийскими тунгусами Пояркова следует разуметь гольдов, которые до вторжения в Приамурье дючеров занимали весь бассейн р. Уссури [3]. Поселения дючеров расположены были по амурскому побережью и ниже устья Уссури. В 1645 г. Поярков прошел мимо дючерских улусов от Сунгари до Уссури в течение шести суток, а от устья Уссури «по Амуру до натков (т. е. гольдов и ольчей) плыл... четверы сутки дючерами же пашенными, а натки хлеба не пашут, а скот есть только небольшой, а кормятся все рыбою» [4]. Принимая во внимание, что устье Сунгари отстоит от устья Уссури в 254 верстах [5], мы получим, что Поярков проходил по Амуру в среднем 42 вер. в сутки. Если ниже устья Уссури он шел с такою же скоростью, то в четверо суток он должен был пройти 168—170 вер., а следовательно, на такое же расстояние вниз от Уссури распро-

---

[1] Отп. амур. приказчика О. Степанова к якут. воеводе М. С. Лодыженскому от 22 июля 1656 г. (Доп. АИ. IV, № 31).

[2] Расспр. речи В Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12 I).

[3] Об инородцах Амурского края, т. I, стр 155.

[4] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп АИ. III, № 12. I), отп. якут. воевод В Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (там же № 12. II)

[5] Поверстные ведомости селений по рекам Амурского бассейна, с атласом водных путей Восточной Сибири, изд. Управления водных путей Амурского бассейна М П. С., Благовещенск 1906.

странялись и поселения дючеров. Отсчитав эти 170 вер. от Уссури вниз по Амуру, мы увидим, что поселения дючеров доходили до устья правого амурского притока Дондона (175 вер. от устья Уссури); ниже Дондона начинались уже поселения натков-рыболовов.

Те же выводы о восточных границах дючерских поселений по Амуру мы получаем и из разбора соответствующего известия Хабарова от 1651 г. «И плыли, сообщает он, семь дней от Шингалу (Сунгари) дючерами, все улусы большие юрт по семидесят и по осмидесят; и в осмой день поплыли... *(пропуск в тексте)* стоит на правой стороне на каменю улус велик гораздо, и с того места люди пошли имя ачаны (т. е. гольды и ольчи), и с того места и до моря место не пашено и скота нет, а живут все рыбою. И от того улуса плыли двои сутки, и тут стали приходить улусы юрт по сту... И сентября в 29 день наплыли улус на левой стороне, улус велик, и в том улусе усоветовали зимовать и тут город поставили (т. е. Ачанский острожек)»[1]. Так как в сообщении Хабарова упоминаются числа и названия месяцев, то по ним сравнительно нетрудно установить время совершения отдельных событий из истории его похода. 7 сент. 1651 г. отряд Хабарова вышел из Толгина городка и 16 сент. прибыл в устье Сунгари. 17 сент. он двинулся дальше и на 8-й день плавания подошел к какому-то месту, а потом и к «улусу на камени, велику гораздо». Сравнивая 10-дневный путь Хабарова от Толгина городка до устья Сунгари с 7-дневным расстоянием вниз от Сунгари, мы приходим к заключению, что 23 или 24 сент. отряд был у устья Уссури. Умолчание Хабарова об устье Уссури может быть объяснено двояко: или упоминание об этом находилось в том месте отписки, где ныне имеется пропуск в тексте, или же, придерживаясь правого берега Амура, который в этих местах образует целую сеть рукавов, или проток, отряд Хабарова попал в Уссури через Амурскую протоку и по этой реке, принимая ее за Амур, снова вышел в последний. Пройдя двое суток вниз по течению от первого ачанского улуса «на каменю» мимо многолюдных селений, Хабаров 29 сент. дошел до второго ачанского улуса уже на левом берегу; следовательно, у первого улуса он был 27 сент., или на расстоянии около 4 суток пути от устья Уссури. Таким образом, улус «на каменю», являвшийся преддверием Ачанской земли, находился около впадения в Амур р. Дондона: возможно, что под «камнем» в данном случае нужно разуметь или гору Кадар, стоящую на правом берегу Амура верстах в 35—40 выше устья Дондона (немного ниже нынешнего с. Сарапульского), или же возвышенность, расположенную ниже устья Дондона (между р. Дауровой и с. Троицким).

Любопытное подтверждение наших рассчетов относительно восточной границы дючерских поселений на Амуре мы находим в свидетельстве езуитов-миссионеров (Режи, Жарту и Фриделли), посетивших эти места в 1709 г. с целью подбора материалов для составления карты

---

[1] Отп Е П Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

северного Китая: они положительно заверяют, что первое гольдское селение, встретившееся им на Амуре, называлось Тондон[1]. Современный исследователь гольдов А. Н. Липский точно также относит западную границу гольдских поселений в XVII в. к местности исконного их обитания, к так называемой «гольдской россии», расположенной по нижнему Амуру недалеко от с. Сарапульского: в этих местах Хабаров видел улусы юрт по 100, здесь же и поныне мы имеем наиболее крупные селения гольдов[2].

Таким образом, рассмотрение известий Пояркова и Хабарова приводит нас к заключению, что восточная граница расселения дючеров, а следовательно и амурской земледельческой области, проходила в XVII в. по Амуру в 170—175 вер. ниже впадения в него Уссури, близ устья р. Дондона. От Дондона вниз по течению начинались поселения натков-ачанов, или гольдов и ольчей, занимавшихся рыболовством[3].

Мы видели выше, что границы амурской земледельческой области в XVII в. могут быть установлены по нашим источникам лишь более или менее приблизительно и условно. Территория ее тянулась с северо-запада на юго-восток длинной и узкой полосою, охватывавшей амурское побережье от слияния Шилки и Аргуни до устья р. Дондона, и только в бассейнах Зеи, Буреи, Сунгари и Уссури она значительно расширялась в северном и южном направлениях. Западную часть указанной области занимала Даурская земля, а восточную—Дючерская, причем в зейско-буреинской равнине оба племени жили совместно и смешанно. Крайние западные поселения дауров расположены были по верхнему течению Амура, где соседями их были тунгусы (по Шилке, Аргуни и левым притокам Амура), а также таргачины и баргуты (по Аргуни). От устья Албазихи даурские поселения спускались к югу вниз

---

[1] Шренк, назв соч., т. I. стр 151.

[2] А. Н. Липский, Манджуро-тунгусы русской части бассейна Амура, Хабаровск 1926, стр 33.

[3] Н. Чулков в своей статье «Е. П Хабаров» (Рус. Архив 1898 г., кн. I) приводит по архивным данным известие одного из спутников Хабарова—С. Полякова о существовании земледелия у гиляков Проплыв Дючерскую землю, Поляков, по словам нашего автора, достиг Гиляцкой земли. «А в тех гиляках служилых и торговых людей никаких нет и не бывали, только жили пашенные люди; и наряду большого (т. е. пушек) и малого огненного бою в тех гиляках нет и не бывало, а ходят и сздят с саадаки да с саблями да с копии. А лошади и животина всякая в тех городах (?) и улусах есть, и пашню пашут, сеют ячмень, да овес, да гречиху, да просо, да горох, и земля к пашне пространна и хлебородна, а только пашут иноземцы помаленьку на быках, не как русские люди, и сенных покосов много, а сена не косят, и рыбными лодьями уголи, и виноград родится, и яблоки, и орехи, и конопля родится, а соболи сверх Шилки по Албазин городок—против ленских, а ниже Албазина городка и до моря соболи обычные, а в гиляках собочи и лисицы черные и чернобурые, и красные есть, и рыба всякая есть» (стр. 186—187). Судя по тому, что Гиляцкая земля находилась не за Дючерской, а за Ачанской, что хлебные злаки, будто бы произраставшие у гиляков, свойственны были Дючерской земле и что соболя «от Албазина городка и до моря» (у которого и жили гиляки) были обычные, а «в гиляках»—особенные, можно с уверенностью сказать, что Поляков называет «гиляками» восточных дючеров. В самом деле, почву нижне-амурского побережья, населенного гиляками, только с большой натяжкой можно назвать «хлебородной»; еще меньше приходится говорить о винограде и яблоках (разве только диких, лесных?), будто бы произраставших в Гиляцкой земле. Наконец, ни один из русских землепроходцев, посетивших в XVII в. область расселения гиляков, не упоминает о существовании у них земледелия По всем этим основаниям мы не считаем возможным придавать известию Полякова какое-либо значение.

по течению Амура и захватывали бо́льшую часть средне-амурского побережья (до устья Сунгари) и Зейского бассейна. На севере амурские дауры соседили с тунгусами, а на юге с солонами и манджурами; что же касается зейских дауров, то на севере и северо-востоке они имели своими соседями тунгусов, а на юго-востоке—дючеров, поселения которых, смешанные с дауро-гогульскими, шли широкою полосою по зейско-буреинской низменности в направлении к среднему Амуру. От устья Сунгари и до устья Дондона по обоим берегам Амура, а также в бассейнах нижней Сунгари и Уссури, простирались поселения дючеров, составлявшие собственно Дючерскую землю; северными соседями ее были тунгусы, южными—солоны, манджуры (в северной Манджурии) и гольды (в верховьях Уссури), а северо-восточными—наткиачаны, или гольды и ольчи. (См. карту Дауро-дючерской земли в пол. XVII в.).

II.

Туземное земледелие на Амуре в XVII в.

Туземное Приамурье в XVII в. отличалось необычайными естественными богатствами, которые невольно поражали воображение тогдашних русских людей. Еще до проникновения своего на Амур последние не раз слыхали от олекминских и алданских тунгусов о «хлебной реке» Амуре и населявших ее «хлебных людях» [1]. Первые русские землепроходцы, побывавшие на Амуре, вполне подтвердили туземные слухи и вести о богатствах нового края. Уже Поярков, убеждая якутских воевод завладеть «Пегой ордой», описывал ее, как «землицы людны, и хлебны, и собольны, и реки рыбны», где «всякого зверя много, и хлеба родится много» и где «государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет» [2]. Еще более выразительно описывал Приамурье Хабаров: «на Амуре реке, сообщал он якутскому воеводе, пашенных угожих мест, и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодий гораздо много»; поэтому «новая Даурская земля будет второе Сибирское царство» и даже «против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно» [3].

Когда русские люди подчинили себе дауров и дючеров и внимательнее присмотрелись к Приамурью, то в своих отписках и сказаниях они дали довольно обстоятельное описание естественных богатств нового края. Прежде всего, они обратили внимание на плодородие почвы в амурской долине, а особенно в зейско-буреинской низменности и по средне-амурскому правобережью. Так, известный нам Милованов, посетивший в 1681 г. Нижне-зейский бассейн, свидетельствует, что ниже устья р. Томи он видел «ялани сильные большие, неисповедимые, самые добрые хлебородные места», а по берегам среднего Амура — «места пространные сильно» [4]. Другой современник, автор «Описания новые земли, сиречь Сибирского царства», писавший по известиям русских амурцев уже после 1683 г., сообщает о черноземном слое в $1^1/_2$ арш., покрывавшем средне-амурское правобережье: здесь находились, по его словам, «степные пахотные добрые хлебородные земли, черно-

---

[1] Наказ письм. голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения 1861 г. кн. I, стр. 2 и 4).

[2] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[3] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 1651 г. (АИ. IV, № 31. V), расспр. речи даурских языков от марта 1651 г. (Историч. акты о подвигах Е. Хабарова на Амуре в 1649—1651 г г., № VIII в «Журнале для воспит. воен. уч. зав.» 1840 г, № 105); отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г (Доп. АИ III, № 72).

[4] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Босйкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII, № 74. XXIII).

стию земля в человеческий пояс» [1]. Почва верхне-амурского побережья отличалась точно также большим плодородием: по свидетельству того же автора, около Албазина «земля (была) зело добра, понеже изо всех сибирских городов на той Даурской земле всякий хлеб родится» [2]. Приведенные письменные известия о плодородии приамурской почвы находят себе подтверждение и в устном предании, дошедшем до нас от Миллера: со слов стариков, бывавших на Амуре во II пол. XVII в., он рассказывает, что «тамошней страны к земледельству удобнее и плодоноснее нельзя желать лучше» и что «ничто не превосходило плодородие земли у Амура в том месте, где Зея впадает, и по сей реке вверх до реки Томы» [3].

За полосою удобных для хлебопашества земель, верхние террасы амурской долины и южные склоны Яблонового, Нюкжинского и Туранского хребтов в описываемое время покрыты были густыми девственными лесами. Тот же автор «Описания Сибирского царства» сообщает, что по верховьям левых притоков Амура росли «леса темные и страшные, зело великие, и всякого рода и различного зверя (в них было) без числа много» [4]. Что же касается средне-амурского правобережья, то там был «лес небольшой и (в нем водилось) мало зверя большого», и только «в камени, что̀ под китайскою стеною, в горах» можно было встретить «бобров великих» [5]. Как в приамурских лесах, так и по берегам Амура, Зеи и Сунгари, по свидетельству русских людей, «сам собою виноград рос кроме (без) человеческого труда, и всякие бесчисленные ягоды родились, иные же им имены не знати». Наконец, амурские воды изобиловали осетровыми, лососевыми и «всякими мелкими, бесчисленно многими» рыбами [6]. Таковы были естественные богатства нового края, подмеченные и описанные русскими людьми XVII в.

Рассматривая вопрос о переселении дауров и дючеров в Приамурье, мы отмечали выше, что земледелие принесено было ими с собою из Манджурии. Эта отрасль туземного хозяйства, оказавшись в благоприятных климатических и почвенных условиях новаго края, к XVII в. достигла здесь относительно высокой ступени развития; экономические же и политические связи, установившиеся с давнего времени между амурскими туземцами и Китаем, способствовали тому, что дауры и дючеры стали заимствовать у своих южных соседей как новые полевые и огородные культуры, так несомненно и более совершенные приемы земледельческой техники. Насколько развито было сельское хозяйство у самих манджуров и китайцев в Манджурии, мы можем судить по сообщению некоего Чень Су-юаня, жившего в конце XVII и начале

---

[1] Титов, Сибирь в XVII в., М. 1890, стр. 91.
[2] Там же, 90
[3] Назв. соч. (Ежем. Соч 1757 г., ч. II), стр. 19, 202–203.
[4] Титов, назв. соч, стр. 85 и 90; ср. отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ III, № 72)
[5] Там же, 91—92.
[6] Там же, 90

XVIII вв. в г. Нингуте, т. е. в ближайшем соседстве с сунгарийскими дючерами. Описывая свой дом в этом городе, Чень Су-юань рассказывает, что вокруг него были посажены цветы и деревья, а во дворе разбит огород с посаженными в нем тыквами и другими овощами. Так было у всех жителей Нингуты, ибо «овощи негде было покупать, а приходилось все сеять самим». Отец Чень Су-юаня занимался хлебопашеством и у него, как и других соседей (китайцев и манджуров), был рогатый скот и свиньи. Главными средствами передвижения в описываемой местности были лошади и быки. Около Нингуты разводились груши, виноград, персики и каштаны, а из овощей, кроме огурцов, тыквы, бобов и проч., произрастали арбузы и дыни. Жители этой провинции сеяли пшеницу, ячмень, овес, просо, гречиху и коноплю, и все злаки давали хороший урожай. Из промыслов известны были—заготовка дров, строительного леса и древесного угля, а также выделка деревянной посуды и прочей утвари[1]. Совершенно естественно, что такое состояние манджуро-китайского земледелия, при постоянных сношениях и связях Приамурья с Манджурией, не могло не оказать влияния на развитие дауро-дючерского хозяйства, в котором мы увидим и почти однородные с манджурскими полевые культуры, и такие же специальные отрасли земледелия, и даже одинаковые породы домашнего скота.

В наших источниках, к сожалению, не имеется определенных сведений ни о системе земледелия, ни о формах землевладения и землепользования у амурских туземцев. В 1646 г. Поярков, указывая якутским воеводам на возможность легкого овладения даурскими городками на Зее, отмечал, что «весною те дауры живут все на пашнях, и в тех городках будет безлюдно»[2]. Хотя это известие само по себе и не дает еще основания для каких-либо заключений о системе дауро-дючерского земледелия, однако в нем содержится определенный намек на недостаточно прочную связь амурских туземцев с обрабатываемой ими землею. Отсутствие же такой связи может служить указанием на то, что в описываемое время на Амуре господствовала повидимому переложная система земледелия, не требующая от земледельца постоянного проживания вблизи пашни. Такой характер земледелия вполне соответствовал тем формам землевладения, которые предположительно существовали в то время у дауров и дючеров.

При установлении границ расселения дауров и дючеров мы видели, что у амурских туземцев существовали родовые князцы-старейшины, под властью которых находились городки и улусы, населенные родовичами и чужеродцами. Так, все городки, подчиненные кн. Лавкаю, окружены были улусами, в которых обитали его родовичи-дауры, но среди них проживали и чужеродцы—«улусные тунгусы»[3]. Когда в 1651

---

[1] Чень Су-юань, Записки о Нингуте (В. П. Васильев, Описание Манджурии,— Зап. Рус. Геогр. Общ., 1857 г., кн. XII), стр. 81—82, 87, 89 и 96.

[2] Отп. якут. воевод В. Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. II).

[3] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ III, № 72)

г. Хабаров овладел Толгиным городком, князцы Толга и Туронча заявили ему: «Мы—дауры. Есть нас здесь—и род наш и которые под ним живут—луков с 1000 и больше, и мы теперь вашему государю все послушны будем и покорны»;[1] —следовательно, Толгин городок и прилегавшие к нему улусы населены были тоже даурами-родовичами и чужеродцами. Несколько подобных же примеров мы находим и в известиях Пояркова. По его сообщению, вместе с даурским родом умлеканского кн. Доптыула жили какие-то «пашенные люди», повидимому тунгусы-земледельцы. Боканская волость на р. Селимдже, как мы уже видели выше, населена была четырьмя даурскими родами, из которых каждый в пределах волости имел свою особую территорию. Наконец, в усть-зейском городке Дува, принадлежавшем дючерскому кн. Ильдеге, кроме его собственного рода, жили еще иные многие улусы-роды, весьма возможно, как дючерские, так и дауро-гогульские[2]. Приведенные нами примеры с несомненностью указывают на то, что дауры и дючеры в описываемое время жили территориально-родовыми земледельческими общинами, сложившимися из больших составных семей и из лиц, которые, хотя и не были связаны с ними кровным родством, но вошли в их территориально-родовой союз или на основе соседства и общности хозяйственных занятий и интересов, или же в качестве пленных рабов. Дело в том, что обработка земли (особенно расчистка нови), требовавшая сплошь и рядом применения гораздо больших сил, чем какими располагал данный род, вынуждала родовичей принимать в свою среду чужеродцев и тем нарушать первоначальную чистоту кровного союза. Отсюда все пахотные земли и угодья у дауров и дючеров считались повидимому владением этих территориально-родовых общин, причем каждый член такой общины, будь то родович или чужеродец, пользовался землею в течение определенного срока лишь с ведома и согласия всей общины. Наличие большого запаса свободных и удобных земель по Амуру не создавало в туземных общинах земельной тесноты: в одних случаях общинная территория была повидимому еще достаточно велика и мало освоена, в других же эта территория могла расширяться путем заимок на соседних землях, не составлявших собственности какого-либо иного рода или общины. Таким образом, мы полагаем, что у амурских дауров и дючеров в I пол. XVII в. существовало территориально-родовое землевладение и общинное землепользование.

В Амурской земледельческой области, по данным наших источников, существовали следующие четыре отрасли туземного земледелия: полеводство, луговодство, огородничество и садоводство, причем первое было основным занятием дауро-дючерского населения, а остальные отрасли—второстепенными. Такое соотношение отдельных отраслей земледелия отмечается лишь в некоторых известиях русских людей; большинство же источников говорит лишь об одном полеводстве, совер-

[1] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп АИ. III, № 102).
[2] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12.I).

шенно не упоминая о других земледельческих занятиях амурских туземцев. Мы видели, что Хабаров, представляя якутскому воеводе общую характеристику нового края, прежде всего подчеркивал, что «пахотных угожих мест (на Амуре) гораздо много»; зато во всех известиях его мы не найдем определенных указаний на полевые культуры, существовавшие у дауров и дючеров. Более ясные сведения о культурных хлебных злаках туземного Приамурья содержатся в других наших источниках. Так, по свидетельству тунгусского кн. Томканея, много раз бывавшего на Зее, местные дауры, «люди сидячие, хлеб пахали сами, а хлебов у них родится разных добрых десять (т. е. около 10)»; по сообщению же Пояркова, на Зее и Амуре возделывалось всего лишь «шесть хлебов»[1]. Сводя вместе все отдельные известия о туземном полеводстве на Амуре, мы приходим к заключению, что дауры и дючеры в разных местах Амурского бассейна возделывали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, гречиху, коноплю и полевой горох[2]. Хотя о произрастании ржи на Амуре свидетельствуют М. Перфильев, кн. Томканей и автор «Описания Сибирского царства», однако один из однополчан Хабарова, С. А. Андреев, положительно заверяет, что «хлеба в Даурской земле родится много, окроме ржи»[3]. Если только это известие не следует понимать в смысле малой распространенности или слабой урожайности ржи сравнительно с другими хлебными злаками, то его, по нашему мнению, необходимо относить не ко всей туземной земледельческой области, а только к Дючерской земле и особенно к Сунгарийскому бассейну, где по сообщению автора «Описания Сибирского царства», рожь действительно не родилась, «понеже земля не прозябала»[4]. Возможно поэтому, что как у амурских, так и уссурийских дючеров, находившихся в постоянных сношениях с их сунгарийскими единоплеменниками, возделывание ржи было сравнительно редким явлением.

Как велика была площадь посевов в Дауро-дючерской области, наши источники не дают на это определенного ответа. Только для отдельных районов Амурского бассейна имеются общие указания о более или менее значительных размерах туземной посевной площади. Так, по сообщениям М. Перфильева и умлеканского кн. Доптыула, на территории Лавкаева рода возделывалось так много хлеба, что излишки его Лавкай продавал своим соседям[5]. Равным образом, значительная площадь посевов была как у нижне-зейских и средне-амурских

---

[1] Наказ письм. голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения 1861 г, кн. I, стр. 4); расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[2] Отп. ленских воевод П. Головина и М Глебова от 1641 г. (Доп АИ. II, № 96); наказ письм. голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г., стр. 4, расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ, III, № 12. I), отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (там же № 72), «Чертеж всей Сибири» П. И. Годунова 1667 г. (Титов. Сибирь в XVII в., стр. 34), «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства» (там же, 90); Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г, ч. II, июль), стр. 11.

[3] Расспр. речи С. Андреева с тов. от 24 сент. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 103).

[4] Титов, Сибирь в XVII в, стр 92.

[5] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96), расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (там же III, № 12. I).

туземцев, так и у сунгарийских дючеров. В 1644 г. зейские князцы сообщали Пояркову, что по р. Томи жили «дауры и тунгусы пашенные *многие*», а по Амуру ниже устья Зеи—«*многие* же сидячие пашенные люди». Ниже устья Сунгари, по известию Пояркова, обитали «дючеры *многие* сидячие люди пашенные»;[1] Хабаров же прямо сообщает, что от Сунгари он плыл вниз по Амуру в течение недели мимо больших дючерских улусов, «а все то место пахотное».[2] Что же касается сунгарийских дючеров, то выше мы уже приводили известия О. Степанова о значительных посевах по этой реке, питавших в течение нескольких лет не только самих туземцев, но и русских амурцев. Таким образом, все приведенные нами известия указывают на то, что дауры и дючеры в описываемое время возделывали повидимому большую площадь посевов.

Плодородная черноземная почва Приамурья давала несомненно прекрасные урожаи хлебов. Действительно, почти все известия, дошедшие до нас, единогласно свидетельствуют, что хлéба у амурских туземцев «родилось много»; более определенных данных об урожайности в этих источниках мы не находим. И только один автор «Описания Сибирского царства», сообщая, что по Амуру «земля (была) зело добра» и на ней родился «всякий хлеб», указывает, что «рожь и яровой из единой меры родились 50, 60 и 70 мер»[3]. Если даже это известие относить более к русской, чем к туземной эпохе, то и в таком случае оно является, по нашему мнению, достаточно показательным для того, чтобы говорить о высокой доходности дауро-дючерского земледелия. На большую доходность туземного полеводства указывают также и другие известия. По сообщению Хабарова, амурские дауры хранили излишки хлеба в юртах и в особых ямах, вырытых на полях.[4] Когда отряд Хабарова занял Лавкаевы городки, то русские на первых порах напскали в юртах и по ямам столько хлеба, что «мочно (было) ратным служилым людям тут сытым быти на два годы или на три годы»;[5] когда же они предприняли более тщательные поиски хлебных ям в одном только Албазине, то запасного хлеба оказалось у них «хотя на пять лет».[6] Вообще Хабаров в течение уже первых месяцев своего пребывания на верхнем Амуре произвел примерный (конечно, весьма относительный) подсчет хлебных запасов у туземного населения и сообщил в Якутск, что «можно хлеба взять у даурских людей хотя на 20.000 человек или побольше»[7]. Наконец, о доходности туземного полеводства свидетельствует также и упомянутая нами выше торговля хлебом, о чем мы будем говорить в своем месте более подробно.

---

[1] Расспр речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп АИ. III, № 12 I).
[2] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).
[3] Титов, Сибирь в XVII в, стр. 90.
[4] Чулков, назв. соч. (Рус. Архив 1898 г. кн I), стр. 181.
[5] Отп. якут воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп АИ. III, № 72).
[6] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 1651 г. (АИ. IV, № 31. V).
[7] Там же.

О технике туземного полеводства мы имеем сравнительно немного известий. В качестве земледельческих орудий, дауры и дючеры употребляли соху, серпы и косы. Туземная соха была повидимому деревянная и представляла собою дальнейшее усовершенствование первобытной мотыги, с приспособлением ее к запряжке рабочего скота; по крайней мере, такая соха еще в XIX в. применялась даурами, солонами и манджурами кое-где в Сев. Манджурии[1]. Распашка полей производилась амурскими туземцами при помощи рабочего скота. Так, по сообщению однополчанина Хабарова—С. Полякова, дючеры, которых он ошибочно называет «гиляками», «пахали помаленьку на быках, не как русские люди»;[2] дауры же, ввиду особого развития у них коневодства, распахивали пашню, вероятно, на лошадях. Для снятия хлеба дауры и дючеры употребляли серпы и косы. Когда в 1686 г. китайское войско, состоявшее преимущественно из дауров, дючеров и манджуров, явилось на Амур, оно «для съему на полях насеянного (русскими) хлеба привезло с собою серпы»[3]. Два года спустя неприятель вновь пришел в Приамурье, причем «насеянный (русский) хлеб потолочили и осталый *покосили* и пожгли весь без остатку»[4]. Какие в частности приемы земледелия существовали у амурских туземцев, мы, к сожалению, не знаем.

Обращаясь к рассмотрению туземного луговодства, огородничества и садоводства, мы должны отметить, что источники дают нам об этих отраслях земледелия самые отрывочные сведения. Так, по сообщению Хабарова, в новом крае «сенных покосов (было) гораздо много», что̀ следует признать вполне естественным, если мы примем во внимание, что дауры и дючеры, наряду с земледелием, занимались и скотоводством. По другим известиям того же Хабарова, «в князь Лавкаевых городах и в улусах (были) луги великие», а дючерские поселения, расположенные по среднему Амуру ниже устья Сунгари, стояли «на месте пахотном и *скотном*», т. е. изобилующем не только скотом, но и лугами[5]. Столь же отрывочные данные имеются у нас о туземном огородничестве и садоводстве. По сообщениям Пояркова и автора «Чертежа всей Сибири» 1667 г., дауры и дючеры разводили в своих огородах огурцы, мак, чеснок, бобы, арбузы и дыни, причем последние два овоща распространены были повидимому не повсеместно[6]. Что касается садоводства, то те же источники отмечают у амурских туземцев возделывание яблок, груш и орехов, русских и

---

[1] Образец первобытной деревянной сохи, длиною до 4 метров, несколько лет назад был вывезен из Сев. Манджурии А. М. Мервартом и ныне хранится в Благовещенском городском музее, где мы и познакомились с этим своеобразным и редким орудием

[2] См. выше, стр. 25, прим. 3.

[3] Отп. нерч. воеводы И. Е. Власова к окольничему и воеводе Ф. А. Головину от 26 июля 1686 г. (Доп. АИ. X, № 67. XIX).

[4] Отп. окольничего и воеводы Ф. А. Головина к нерч. воеводе И. Е. Власову от окт. 1688 г. (АИ. V, № 169. III).

[5] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

[6] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I); отп якут. воевод В. Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (там же № 12. II); Титов, Сибирь в XVII в., стр. 34.

грецких[1]. Если разведение яблонь и грушевых деревьев требовало применения человеческого труда и искусства, то сбор орехов производился, вероятно, в лесах и существовал на Амуре ввиде побочного промысла.

Помимо земледелия и его специальных отраслей, дауры и дючеры занимались еще скотоводством. Так, по сообщению Пояркова, у зейских туземцев разводились лошади, коровы, овцы и много свиней и кур[2]. Тунгусский князец Томканей также подтверждает, что зейские дауры его времени «свиньи и куры держали по дворам»[3]. Равным образом скотоводство развито было как у собственно-амурских, так и сунгарийских туземцев. По известию Хабарова, в 1650 г., за 3 недели до прихода его на Амур, «кн. Лавкай со всеми его улусными людьми на полтретьи тысячи (т. е. 2.500) лошадях поднялись со всеми своими животы и статки ко князю Шилгинею да к Гильдеге»[4]. Неудивительно, что у того же Лавкая наши источники отмечают «в городах и в улусех луги великие». Во время завоевания Хабаровым других туземных укреплений и поселений по верхнему и среднему Амуру местные дауры, при появлении неприятеля, обычно «на кони метались» или «на кони свои высели все», а при взятии Гуйгударова городка русские захватили у дауров «коневья поголовья больших и малых 237 лошадей да рогатого скота 113 скотин»[5]. Вообще, судя по данным наших источников, в Даурской земле и особенно в западной части ее преобладало коневодство; что же касается сунгарийских дючеров, то, по словам автора «Описания Сибирского царства», они платили богдохану дань хлебом и «всяким скотом», а свой хлеб возили на конях, волах и верблюдах[6]. Наши известия сообщают также и об источниках распространения или по крайней мере пополнения скотоводства у амурских дауров. По словам М. Перфильева, витимские дауры-коневоды получали от Лавкая хлеб, серебро и китайские ткани в обмен на упромышленных ими соболей и разводимых лошадей[7]. Тот же Лавкай получал скот и от аргунских баргутов и таргачинов, у которых «коней, коров и свиней и овец (было) много»[8]. Мы не знаем в точности, откуда пополняли свои запасы скота зейские и средне-амурские туземцы, но сунгарийские дючеры повидимому получали его от монголов и манджуров. Описанное нами скотоводство имело в хозяйстве дауров и дючеров несомненно второстепенное значение. Мы видели, что они вели оседлый образ жизни и за-

---

[1] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. 1); отп. якут. воевод В. Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (там же № 12. II); Титов, Сибирь в XVII в., стр. 34.

[2] Там же.

[3] Наказ письм. голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения 1861 г. кн. I, стр 4).

[4] Отп якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72).

[5] Отп его же к царю от 1651 г (АИ. IV, № 31. V); отп. Е П. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

[6] Титов, Сибирь в XVII в., стр. 92.

[7] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II № 96).

[8] Отп. тугир. приказчика В. Юрьева к якут. воеводам от 12 мар. 1649 г. (Доп. АИ. III, № 50).

нимались преимущественно земледелием; при таких условиях разведение и содержание скота могло быть только дополнительной отраслью туземного хозяйства: она давала возможность применять к земледелию силу животных и использовать их (особенно лошадей, волов и верблюдов) в качестве сухопутных средств передвижения.

Второстепенными отраслями дауро-дючерского хозяйства были также охота и рыболовство, хотя обе эти отрасли некогда, до появления земледелия и скотоводства, несомненно были единственными занятиями населения. Описывая выше естественные богатства Приамурья, мы отмечали необычайное обилие здесь зверя и рыбы. Наши источники сообщают, что по Шилке и Амуру, а особенно по левому берегу его, водилось великое множество соболя, кабанов и «всякого зверя»[1]. По словам Пояркова, зейские леса изобиловали соболем, рысью и лисицею[2]. Что же касается амурского правобережья, то, по известию автора «Описания Сибирского царства», около устьев Сунгари, Уссури и других притоков оно покрыто было «небольшим лесом», где водилось «мало зверя большого»; «держались же в тех лесах и в реках только бобры, выдры, лисицы, белые зайцы, серые рыси, волки серочерные», и только вглубь побережья по горам попадались «бобры великие». По сообщению того же источника, в Амуре и его притоках жила крупная и мелкая рыба: то были белуга, калуга, осетры, стерлядь, сазаны, лососи, и многие другие[3].

Таким образом, природные богатства старинного Приамурья создавали благоприятную почву для развития и поддержания здесь охоты и рыбной ловли. По сообщению тугирского приказчика В. Юрьева, дауры Лавкаева рода осенью и зимой ходили на соболиные промысла на Шилку и правые притоки верхнего Амура[4]. О развитии звероловства по верхнему и среднему Амуру свидетельствует также большое количество пушнины, которую местные дауры выплачивали в качестве ясака манджурам и русским. Правда, часть этой пушнины амурские туземцы, как увидим ниже, получали от соседних тунгусов в обмен на хлеб и китайские товары, однако мягкая рухлядь добывалась ими и вполне самостоятельно. Когда весною 1650 г. Хабаров встретился с кн. Лавкаем и потребовал от него ясак, князец ответил, что его люди уже подарили 50 соболей ранее приходившему к ним казаку Квашнину и что «соболей у них ныне нет», так как они «сего году давали больше князь Богдою»;[5] следовательно, Лавкай платил дань после осенних и зимних промыслов. В 1652 г. к Т. Чечигину, стоявшему в Банбулаевом городке, хотел придти «после льду» (т. е. вскрытия Амура)

---

[1] Отп. тугир. приказчика В. Юрьева к якут. воеводам от 12 мар. 1649 г. (Доп АИ. III, № 50); отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (там же III, № 72); Титов, Сибирь в XVII в., стр 90.

[2] Отп якут. воевод В. Пушкина и К Супонева к царю от 1646 г. (Доп АИ. III, № 12. II).

[3] Титов, Сибирь в XVII в., стр 90–92.

[4] Отп тугир. приказчика В. Юрьева к якут. воеводам от 12 мар. 1649 г. (Доп АИ. III. № 50).

[5] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ III. № 72).

даурский кн. Чуронча и заплатить ясак за себя и своих улусных людей [1]. В мае того же года Чечигин потребовал от дючерского кн. Тоенчи ясак за весь его род, состоявший из 100 чел.; Тоенча заплатил только 32 соболя и заявил, что, когда русские пойдут осенью обратно, он уплатит им ясак полностью [2]. То же самое заявил Хабарову и кн. Толга: «Нонечи (лето 1652 г.), сказал он, у нас соболей нет, на осень дадим вам полный ясак» [3]. Приведенные известия показывают нам, что амурские дауры и дючеры, независимо от получения мехов путем обмена, сами промышляли пушного зверя. Каковы были у них приемы звероловства, Поярков рассказывает следующее: по Зее, говорит он, «зверя—соболя и рыси и лисицы много, а соболи промышляют (так): всего ходят из юрт на день и добывают соболей по 10 и больши, и добывают те соболи так же, как и иные сибирские и ленские иноземцы—стреляют из луков, а иного промыслу, как промышляют русские люди, с обметы и кулемником, [4] соболей не добывают и того не знают» [5]. Очень возможно, что на распространение этих приемов охоты среди дауров и дючеров немало повлияли тунгусы, у которых звероловство было основным занятием.

Что касается рыболовства, то выше мы уже приводили сообщение Хабарова о ловле рыбы для Лавкая его улусными тунгусами; [6] надо полагать, что этой отраслью хозяйства занимались также и сами дауры и дючеры.

Кроме земледелия, скотоводства и охоты, у дауров и дючеров в описываемое время развиты были различные ремесла и промыслы, которые представляли собою переработку преимущественно продуктов земледелия и лесных материалов. Так, у них распространены были мельницы простые и крупорушки, ибо, по сообщению автора «Описания Сибирского царства», сунгарийские дючеры платили дань богдохану «молотым хлебом», или мукою [7], а по известию Пояркова, зейские князцы Досий и Колпа выслали русским из Молдыкидича хлебные припасы, среди которых было 40 кузовов «круп овсяных» [8]. Не ограничиваясь простой переработкой хлеба, дауры и дючеры курили из него вино-араку: по словам тунгусского кн. Томканея, «вино на Зие реке (было) по-русски—из хлеба»; хлебное винокурение было развито также и у кн. Лавкая [9]. Это относительно сложное производство заимст-

[1] Отп. Т. Чечигина к Е. П. Хабарову от 4 мая 1652 г. (Доп. АИ. III, № 94).

[2] Отп Т Чечигина к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 101).

[3] Отп. Е П. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

[4] Русские люди употребляли в Сибири следующие приемы звероловства: ставили в лесу «обметы», или сети, и устраивали «кулему» или «кулемник», т. е. особые засеки или загородки, куда ставили капканы с приманкою («занажива») для зверя, охотились они также и «на собачьей ноге», т. е с собаками. Все эти способы охоты давали хороший улов зверя, зато истощали его запасы, так как, наряду со взрослым зверем, вылавливался и молодняк.

[5] Отп. якут. воевод В. Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12 II).

[6] Отп якут. воеводы Д Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72).

[7] Титов, Сибирь в XVII в, стр. 92.

[8] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1616 г. (Доп. АИ III, № 12. I).

[9] Наказ письм голове В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения 1861 г., кн. I, стр. 4), расспр. речи Г. Вижевцева от 27 мая 1647 г (Доп. АИ III, № 26).

вовано было амурскими туземцами несомненно от манджуро-китайцев, у которых, по свидетельству даурского кн. Давари, «ежегодь» ездившего к богдохану, «вина курили из хлеба гораздо много»[1]. Кроме переработки зерновых хлебов, на Амуре в описываемое время существовала также обработка конопли, ввиде веревочно-канатного производства. В 1649 г. служилые люди, посланные тугирским приказчиком на Амур, нашли здесь «даурские признаки» — плот-паром, связанный пеньковыми канатами[2]. Наконец, поскольку дауры и дючеры платили дань пушниной, у них должна была быть развита и выделка мехов.

Что касается промыслов, связанных с обработкой лесных материалов, то дауры и дючеры заготовляли дрова и строевой лес и пилили доски и брусья; по крайней мере, всеми этими материалами сунгарийские дючеры, по свидетельству автора «Описания Сибирского царства», иногда платили дань богдохану[3]. У амурских туземцев развиты были также плотничное и каменьщицкое ремесла. Так, по известию витимских тунгусов, улусные люди кн. Лавкая жили в «рубленых юртах, по 10 юрт и больше вместе»[4]. По сообщению же Хабарова, в Лавкаевом городке по китайскому образцу «устроены (были) светлицы на каменное дело (т. е. каменные), окна большие колодные, в вышину по 2 аршина, а поперек по $1^1/_2$ аршина, а в одной светлице живут человек по 60 и больше»[5]. О значительном развитии описываемых занятий свидетельствуют равным образом как дауро-дючерские городки, окруженные двойными деревянными стенами и снабженные башнями и воротами, так и судостроение. Мы уже упоминали о даурском плоте на Амуре; служилый же человек П. Уваров рассказывает, что, когда в 1652 г. его отряд попал к амурским дючерам, то последние не дали ему пристать к берегу, «а по реке ездили во многих стругах, стругов по 20 и больши, а в стругу ездило человек 40 и больши»[6]. Наконец, в связи с известием о постройке жилищ даурами и дючерами, Хабаров также сообщает, что в их домах «окончины (были) бумажные, а бумагу делали сами»[7]. Что амурские туземцы сами выделывали бумагу, в этом позволительно усумниться, так как, кроме конопли, на Амуре не разводилось никаких иных волокнистых растений; выделка же бумаги из конопли технически была вряд-ли по силам даурам. Поэтому, если только дауры и дючеры не получали бумагу от китайцев, то «окончины» свои они затягивали повидимому рыбьим или скотским пузырем, который вероятно настолько искусно выделывали, что русские ошибочно приняли его за промасленную бумагу.

---

[1] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ III, № 12 I).

[2] Отп тугир. приказчика В. Юрьева к якут. воеводам от 12 мар. 1649 г. (Доп. АИ. III, № 50)

[3] Титов, Сибирь в XVII в, стр. 92

[4] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп АИ. II, № 96).

[5] Отп якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г (Доп АИ III, № 72).

[6] Отп служ чел. И. Уварова к якут воеводе Д. Францбекову от 30 июня 1652 г (Доп. АИ. III, № 100)

[7] Отп. якут. воеводы Д Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72).

Описанное нами развитие ремесел и промыслов у амурских туземцев само собою предполагает наличие у них разнообразных металлических орудий. Неудивительно поэтому, что, когда казак И. Квашнин, еще до прибытия на Амур Хабарова, предлагал кн. Лавкаю в подарок железные котлы, топоры и ножи, то дауры отказались от этих предметов, а «имали только один одекуй (т. е. бусы)» [1]. Судя по приведенному известию, они на нуждались в привозных металлических орудиях и предметах утвари, так как видимо имели собственное железное производство, или кузнечное ремесло.

Итак, в дауро-дючерском хозяйстве I пол. XVII в. мы видим выделение отдельных отраслей—земледелия, скотоводства, охоты и ремесла, причем земледелие отличалось большой производительностью и давало значительные избытки или запасы хлеба, хранившиеся в земляных ямах. Хлебные злаки имели неодинаковое распространение в туземном Приамурье: так, посевы ржи распространены были преимущественно у дауров и повидимому совершенно отсутствовали у сунгарийских дючеров; поэтому с полным основанием можно предполагать, что и другие хлебные культуры распределялись по отдельным районам Амурской земледельческой области тоже неодинаково. Неравномерно развито было в Приамурье и скотоводство: мы видели, что в западной части Даурской земли преобладало коневодство, в остальных же районах области различные породы скота разводились повидимому без особого преобладания одних над другими, хотя у сунгарийских дючеров водились верблюды, которые, кажется, отсутствовали у амурских и зейских дауров. Наконец, неодинаково было и распространение пушного зверя в Амурском бассейне: в то время как левобережье, покрытое девственными лесами, изобиловало ценными породами зверей и особенно соболем, на правом берегу, бедном лесами, водился относительно менее ценный пушной зверь. Таким образом, внутри Дауро-дючерской области в I пол. XVII в. мы видим неорганизованное общественное разделение труда, основанное на различии как природных условий, так и издавна сложившихся навыков местного населения, и приводившее в конечном счете к излишкам производства, или свободным запасам. Наши источники не содержат в себе указаний на развитие меновых отношений между отдельными хозяйствами или районами Приамурья, но существование обмена внутри самой области, при наличии отмеченного нами общественного разделения труда, представляется нам несомненным.

Что касается общественного производства у ближайших соседей Амурской земледельческой области, то оно довольно значительно разнилось от производства самих дауров и дючеров. Если главным занятием последних было земледелие, то северные и западные их соседи, тунгусы, основным средством производства имели охоту и оленеводство, восточные гольды и ольчи—охоту и рыболовство, юго-западные таргачины и баргуты—охоту и скотоводство, на юге же основным занятием

[1] Отп якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (Доп. АИ. III, № 72).

солонов была охота, манджуров—земледелие, а китайцев—земледелие и различные отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности. Из отмеченного нами различия в общественном производстве как внутри Дауро-дючерской области, так и у смежных с нею племен и народов, необходимо должен был возникнуть обмен, тем более что взаимные отношения большинства соседей в Амурском бассейне были в общем вполне мирные.

Действительно, по сообщению наших источников, дауры и дючеры были связаны с населением соседних областей развитыми денежно-меновыми отношениями и, вместе с манджурами, являлись главными посредниками в торговле Китая с левобережными и забайкальскими туземцами. Главным товаром, выходившим из Приамурья, был хлеб. Так, по известию тугирского приказчика В. Юрьева, нижне-аргунские таргачины и возможно баргуты каждую осень спускались по Амуру на плотах «с конми и у Лавкая покупали хлебные запасы и отъезжали к себе конми по льду, где они живут»[1]. Тугирский приказчик не указывает, на что покупали аргунцы даурский хлеб; однако, поскольку они были охотниками и скотоводами, а Лавкай нуждался в скоте и особенно в лошадях, то мы можем предположить, что обмен в данном случае происходил как в чисто-натуральной форме—хлеб на скот и обратно,—так и при посредстве обычного в Сибири орудия обмена, соболей. Амурский хлеб шел точно также в восточное Забайкалье и ко всем северным и восточным соседям дауров и дючеров. По сообщению витимских тунгусов М. Перфильеву, верхне-амурские дауры продавали свой хлеб «на Витим князцу Ботоге и иным князьцем, и тунгусские люди у них (т. е. амурских дауров) покупали же на соболи», а кн. Лавкай в свою очередь покупал у них лошадей и меха[2]. Значительную хлебную торговлю вели со своими соседями и зейские дауры. По известию тунгусского кн. Томканея, в верховьях Зеи жило «сидячих хлебных людей пять родов тунгусов; а у тех у всех тунгусов лошади есть и хлеб, а седят те люди все по берегу Зии реки, а едят все хлеб, а покупают хлеб у братских (т. е. у даурских) людей на соболи, а соболи те тунгусы все промышляют сами»[3]. Следовательно, в верхне-зейской торговле хлебом собольи меха тоже служили орудием обмена. Однако, зейские дауры продавали свой хлеб не только северным соседям: по свидетельству удских тунгусов, как зейские дауры, так нижне-амурские и сунгарийские дючеры, вывозили хлеб в муке к гольдам, ольчам и гилякам, продавая его на соболя[4]. Таким образом, дауры и дючеры вели со своими западными, северными и восточными соседями обшир-

---

[1] Отп. В. Юрьева к якут. воеводам от 12 мар. 1649 г. (Доп. АИ. III, № 50).

[2] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96)

[3] Наказ В. Пояркову от 15 июля 1643 г. (Чтения 1861 г., кн. I, стр. 3); отп. нерчин. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII, № 74. XXIII).

[4] Миллер, назв соч. (Ежем Соч. 1757 г., ч II, июль), стр. 5; расспр. речи даурских языков в Албазине от мар. 1651 г. (Истор. ч, акты о подвигах Е Хабарова на Амуре в 1649—51 гг, № VIII—Журн. для воспит. юнош.-учебн. завед. 1840 г. № 105, стр. 83).

ную торговлю хлебом, причем основным орудием обмена в этой торговле были собольи меха, представлявшие всеобщую денежную единицу как на Амуре, так и по всей Сибири.

Еще в более оживленных меновых отношениях амурские дауры и дючеры находились со своими южными соседями, манджурами и китайцами, от которых получали шелковые и бумажные ткани и металлы частью для собственного потребления, частью же для перепродажи другим своим соседям. В этой торговле манджуры играли роль посредников между китайцами и амурскими туземцами, причем посредничество это было тесно связано с данническими отношениями дауров и дючеров к богдохану. В бытность Пояркова на Зее, умлеканский кн. Доптыул сообщил ему, что на «Зие реке и Шилке (Амуре) и по сторонним речкам серебро не родится, и камок и кумачей [1] не делают, и медные и свинцовые руды нет, и синие краски, чем кумачи красят, нет же; а приходит к ним (даурам) серебро, и камки, и кумачи, и медь, и олово от хана (Богдоя) .., покупают на соболи у него, хана» [2]. Откуда получал все эти товары сам богдохан, мы узнаем из показаний тунгуски Даманзи, допрошенной якутским воеводою в 1652 г. «А серебро, говорила она, идет на Шилку (Амур) реку к тем князцом (даурским) от Богдоя —меняют на соболи, а соболи он, Богдой, покупает и ясак емлет, и поход с Шилки (Амура) реки соболям к Богдою есть, а камки и тафты и атласы золотые [3] есть в даурех, а ходят те товары от Богдоя, а к Богдою, сказывают, приходят с товаром из Китайского царства» [4]. Еще более определенные сведения об этом Пояркову сообщали самагир Топкуни и зейские князцы Бебра и Чинега. По их словам, дауры покупали у манджуров «на соболи» металлы и ткани, которые у хана «не родятся же и не делают»; эти соболя, равно как и меха, полученные от дауров и дючеров в качестве дани, богдохан «отсылал в Китайское государство на серебро и медь и олово, и камки и кумачи», откуда и получал их для перепродажи на Амур [5]. Китайские товары манджурский богдохан ежегодно отправлял на Амур со своими ясачными чиновниками. По сообщению пленных дауров Хабарову, у них «жили богдоевы люди по 50 человек беспрестани для ясаку и с товары до иных людей своих, до перемены» [6]. Амурскую торговлю богдохан считал своею монополией и вел ее повидимому с большой прибылью для себя. Поэтому, если дауры и дючеры, недовольные торговой эксплоатацией их со стороны манджуров, порой отказывались от

[1] Камка—шелковая цветная ткань с разными узорами и разводами. Кумач –бумажная ткань разных цветов; китайский кумач был синего цвета.

[2] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[3] Тафта—известная шелковая ткань разных цветов. Китайская тафта или «китайка» была невысокого качества и шириною ок 0,3 метра. Атлас– шелковая глянцевитая гладкая ткань, атлас золотой или золотный был желтого цвета.

[4] Расспр. речи служ. людей П. Володимерова, П. Герасимова и тунгуски Даманзи от 22 мая 1652 г. (Доп. АИ. III, № 95).

[5] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[6] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102).

невыгодных для них меновых операций, богдохан посылал к ним свои войска и, «воюя годом подвожды и потрожды», восстанавливал свое монопольное положение на амурском рынке[1].

Таким образом, наши источники вполне устанавливают как чисто посредническую роль манджуров в амурско-китайской торговле, так и монопольный характер этого посредничества. Вместе с тем, приведенные выше данные свидетельствуют также и о том, что в качестве купцов со стороны дауров и дючеров выступали их князцы.

Однако, в амурско-китайской торговле манджуры поддерживали свое монопольное положение лишь постольку, поскольку дауры и дючеры были связаны с ними не только экономически, но и политически: мы видели, что оба народа до появления в крае русских подчинялись манджурскому богдохану и платили ему дань. В ином положении находились различные независимые и полузависимые племена, жившие в Забайкалье, по Шилке, левым притокам Амура и по нижнему течению последнего: занимаясь преимущественно охотой, рыбной ловлей и отчасти скотоводством, они имели свободные излишки своего производства, которые и пускали в меновой оборот. Отделенные от манджуров территориально и не связанные с ними политически, эти племена предпочитали вступать в меновые отношения с соседями на наиболее выгодных для себя условиях. Ближайшими соседями их были дауры и дючеры, которые имели возможность снабжать их не только хлебом, но и другими товарами, причем манджуры повидимому не могли препятствовать возникновению и развитию обмена между своими данниками и иными племенами. Мы видели выше, насколько развита была хлебная торговля амурских земледельцев; однако она была лишь одной стороной в сложных меновых отношениях дауров и дючеров к их многочисленным соседям. Продавая последним хлеб, амурцы доставляли им также разные товары китайского происхождения. Наши источники определенно, например, указывают, что даурский кн. Ботога с Витима «серебро и камки покупал на Шилке (Амуре) реке у кн. Лодкая». Точно также, по сообщению М. Перфильева, поступали и забайкальские тунгусы, которые, кроме хлеба, покупали у амурских дауров на соболей различные серебряные украшения—головные «круги», или обручи, и пуговицы.[2] Помимо серебра, с Амура к северным тунгусам шли и другие китайские товары. Русский промышленник Г. Вижевцев, живший в 1640-х г.г. в Приамурье, рассказывает, что на улясинцах и манегирах с Олекмы и Тугира он видал «круги серебряные и плащи, и в платье на них кумачи (вшиты), а на иных тунгусах на их платье пришивано камки и дорогов[3] непомногу, по чети аршина и вершка по 2 и по 3», причем сами тунгусы сообщали Вижевцеву, что «то серебро и платья, и дорогильное и камчатое лос-

[1] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I).

[2] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1641 г. (Доп. АИ. II, № 96).

[3] Дороги—шелковая ткань, большею частью полосатая или клетчатая, иногда струйчатая, с золотыми, серебряными и шелковыми узорами.

кутье покупают (они) у дауров, у кн. Лавкая, на соболи»[1]. Судя по этим данным, можно полагать, что перепродажей китайских товаров занимались также зейские дауры и амурские дючеры; по крайней мере, еще в конце 1660-х г.г., когда русские уже покинули Зейский край, местные дауры, по сообщению якутских воевод, продолжали торговать с олекминскими ясачными тунгусами и якутами, продавая им «за соболи кольца серебряные и луки, и азямы, и камки, и иные товары», получаемые от «богдойских людей»[2]. В каких условиях велась на Амуре торговля товарами китайского производства, в точности неизвестно; однако нетрудно представить себе, что она сопряжена была с эксплоатацией тунгусов и других племен дауро-дючерскими князцами, ибо в их руках были сосредоточены не только предметы иностранного обмена, но и прибавочный продукт амурского земледелия, хлеб, столь нужный для питания их соседей. Таким образом, дауры и дючеры находились под двойным, а их северные соседи — под тройным давлением китайского торгового капитала.

Все, сказанное выше об амурском земледельческом хозяйстве, приводит нас к заключению, что оно уже вышло из чисто-натурального состояния и вступило в меновую стадию своего развития. Об этом свидетельствует не только выделение основных отраслей туземного хозяйства, как признак неорганизованного общественного разделения труда, но и рост обмена на основе накопления излишков производства, или прибавочного продукта. Превращение собольих мехов в орудие обмена указывает на то, что меновые отношения в Приамурье в I пол. XVII в. развились уже до высшей денежной формы; однако, поскольку обмен сосредоточивался еще в руках дауро-дючерских князцов и наши источники совершенно не упоминают об образовании здесь особой группы частных купцов, постольку мы можем предполагать, что туземное натуральное хозяйство лишь незадолго перед тем стало переходить в хозяйство денежно-меновое.

Описанному состоянию туземного хозяйства вполне соответствовал и общественно-политический строй Дауро-дючерской области. Мы видели выше, что основой общественного порядка у обоих народов была территориально-родовая земледельческая община, состоявшая из родовичей и чужеродцев и возглавляемая князцами-старейшинами. Над этими рядовыми князцами возвышались «лучшие», или экономически более сильные, князья, причем наши источники отмечают, что первые находились в некоторой политической зависимости от вторых, иначе говоря, были их «подручными» князцами. Так, богатый и влиятельный кн. Лавкай являлся признанным главою не только своих братьев, но и некоторых других верхне-амурских князцов, управлявших «лавкаевыми» городками. Таким же «старшим и лучшим» для всех селимджинских князцов был кн. Досий, в городок которого (Молдыки-

[1] *Расспр. речи* Г. Вижевцева и В. Пояркова от 27 мая 1647 г. (Доп. АИ. III, № 26).
[2] Отп. якут. воевод кн. И Борятинского и С. Ельчукова к царю после 13 февр. 1671 г. (Доп АИ. VI, № 22), отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г (там же VII, № 74. XXIII).

дич) они собирались, видимо, по его требованию. «Лучшими» князьями, судя по некоторым известиям наших источников, были наконец и нижне-зейские князцы Балдача и Ильдега. Как «младшие», так и «старшие» дауро-дючерские князцы были полномочными представителями своих общин во всех отношениях, в частности и в области обмена, причем кн. Лавкай вел обширную торговлю с соседями от имени всех подручных ему князцов с верхнего Амура. Над этими двумя степенями дауро-дючерских властей возвышалась власть манджурского богдохана, ибо по сообщению манджурских летописей, даурские и солонские князцы, стремясь к установлению на Амуре взаимной безопасности, в 1625 г. явились в Мукден и представили дань с изъявлением своей покорности;[1] с тех пор и до появления в крае русских амурские князцы считались под властью богдохана и ежегодно уплачивали ему дань[2]. Таким образом, общественно-политический строй Дауро-дючерской земли в I пол. XVII в. проникнут был началами феодально-родовых отношений и, опираясь на зависимость подручных князцов и верховенство «лучших» князей, входил в манджурскую феодальную систему. Русское завоевание нарушило эти отношения в Приамурье и место богдохана-«сюзерена» на несколько лет занял царь-«сюзерен», пока действия наших промышленников и казаков и политика китайского правительства в 1650-х г.г. не заставили дауров и дючеров покинуть Амур и переселиться в Манджурию.

---

[1] С. Горянинов, Материалы для исследования Бутхаского фудутуства, Владивосток 1903, стр. 7—9.

[2] Расспр. речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I), отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 26 мая 1650 г. (там же № 72); расспр речи служ людей П. Володимерова, П. Герасимова и тунгуски Даманзи от 22 мая 1652 г. (там же № 95); отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (там же № 102) и нек. др.

III.

Уничтожение туземного земледелия на Амуре.

Московское государство недолго владело Приамурьем, этим «новым Ханааном» и «райскою землею в Сибири». Русские люди явились сюда подобно разрушительному урагану, который в течение 4-5 лет не только уничтожил местное земледельческое хозяйство, но и разогнал отсюда самих туземцев. Встреченные даурами и дючерами мирно, а порою и с полным доверием, наши промышленники и служилые люди, как истые «передовщики» торгового капитала, с первых же шагов показали себя жестокими завоевателями и грубыми эксплоататорами туземного населения. В 1644 г. зейские дауры доверчиво приняли было к себе Пояркова; однако очень скоро его однополчане, не довольствуясь ясаком и обильным продовольствием, доставленными местным населением, захотели коварно овладеть укреплениями селимджинского городка Молдыкидича. Туземцы ответили на эти домогательства вооруженным отпором, после чего отношения всех зейских дауров к пришельцам стали настолько враждебными, что Поярков, спускаясь вниз по Зее, уже не решался приставать к берегам, а вышел прямо на Амур. Но и здесь дауры и дючеры, предупрежденные о грозящей им опасности, встретили русских, как врагов, и повсюду оказывали им упорное сопротивление[1].

Пять лет спустя русские, уже под начальством Хабарова, вновь появились в «Пегой орде», на этот раз в западной части Даурской земли. Дауры Лавкаева рода, напуганные одним русским промышленником о надвигавшейся на них опасности, «остереглись накрепко», т. е. забрали с собою семьи, скот и пожитки и ушли в соседние леса, оставив пустыми свои укрепленные городки и улусы. Действительно, однополчане Хабарова вполне оправдали пущенную про них страшную молву. Овладев без всякого сопротивления городками и улусами кн. Лавкая, они пошли вниз по Амуру и начали жестокое покорение туземцев. В своих отписках к якутскому воеводе Хабаров с похвальбою сообщал, что «тех дауров (они) в пень порубили всех с головы на голову»[2]. Та же участь ожидала и дючеров. Миновав устье Сунгари, Хабаров приступил к завоеванию среднего Приамурья: «и мы, доносил он в Якутск, их в пень рубили, а жен и детей имали и скот»[3].

---

[1] Расспр речи В. Пояркова от 12 июня 1646 г. (Доп. АИ. III, № 12. I), отп. якут. воевод В. Пушкина и К. Супонева к царю от 1646 г. (там же № 12, II)

[2] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, №102).

[3] Там же.

Амурские туземцы нередко оказывали пришельцам отчаянное сопротивление, за что дауры получили даже прозвание «свирепых». При взятии Хабаровым Гуйгударова городка «даурские люди стреляли из города и от них стрел летело... беспрестанно, и настреляли они дауры на поле стрел, как нива стоит насеяна»[1]. Бывало, что, несмотря на всю свою храбрость, русские не могли одолеть туземцев в рукопашном бою; тогда они вынуждены были пускать в ход стрельбу из ружей и пушек, перед которыми неприятель оказывался уже совершенно бессильным. Расправа с побежденными следовала жестокая: «рубя их в пень с головы на голову», русские, по праву завоевателей, отбирали у них все припасы и пожитки и сжигали их жилища и селения. Многие из туземцев спасались от пришельцев бегством в горы и лесные дебри, а когда возвращались на свои пепелища, то находили свое хозяйство совершенно разоренным. Уже в 1651 и 1652 гг. часть дауров и дючеров покинула Амур и ушла в Манджурию, ища спасения у богдохана; там они рассказывали, что к ним «приехали русские люди и их землю всю вывоевали и вырубили»[2]. Как бы то ни было, в 1652 г. бóльшая часть амурских туземцев, уцелевших от погрома, была уже покорена русскими.

Свои успехи на Амуре Хабаров склонен был объяснять небесною помощью: «и только б на них (туземцев) не страх божий напал, писал он в Якутск, ино было и подумать нельзя и не такими людьми такие крепости имать»[3]. Более реальное объяснение этих успехов дает в своих «Записках о Нингуте» уже упомянутый нами выше Чень Суюань. По сообщению этого манджурского китайца, «люди из царства Ло-чэ или Лао-цян (т. е. русские) пришли на У-лун-дзян (Хурху-Сунгари) и в стране Хэй-дзинь отнимали собольи меха. Оружие их было весьма страшно... Они храбры, как тигры, и искусны в стрелянии из ружей; у них были пушки, (из которых) они метко попадали в неприятельский лагерь, хотя бы на расстоянии нескольких ли[4]. Кто ни попадался (им), непременно был убиваем»[5]. Чень Су-юань правильно отмечает основное техническое преимущество русских перед амурскими туземцами: в то время как пришельцы прекрасно владели огнестрельным оружием и в частности пушками, их противники вооружены были только луками, копьями и мечами. Дауры и дючеры, правда, мало уступали русским в храбрости, но, разделенные между многими независимыми владениями, они обычно выступали против неприятеля не единым фронтом, а каждая община отдельно. Помимо того, русские чувствовали за собою организованную силу огромного государства, которое, в случае их неудачи, должно было оказать им вооруженную помощь; амурские же туземцы в самый критический для них момент не получили от своего сюзерена-богдохана ни малейшей поддержки. Более того, когда в

---

[1] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп АИ. III, № 102).
[2] Там же.
[3] Отп. якут. воеводы Д Францбекова к царю от 26 мая 1650 г (Доп. АИ. Ш, № 72).
[4] Ли—китайская мера длины=ок. 0 67 клм
[5] Зап. Рус. Геогр. Общ 1857 г., кн. XII, стр. 82—83.

1652 г. кн. Гуйгудар зазвал к себе в городок манджуро-китайских чиновников, в рассчете на их помощь, те прямо заявили ему, что «им царь их не велел с русскими людьми дратися»[1]. Повидимому манджурский богдохан, который лишь незадолго перед тем овладел Китаем и чувствовал себя в новом положении еще не особенно прочно, не считал возможным из-за Амура начинать войну с сильным Московским государством. Неудивительно, что отсталые в военно-техническом отношении, разрозненные политически и к тому же предоставленные самим себе, амурские туземцы должны были, несмотря на упорное сопротивление, подчиниться русским.

Когда прошел первый угар от победы над даурами и дючерами, принесшей завоевателям громадную военную добычу, и на Амуре установилось относительное успокоение, русские люди принялись за утверждение в крае новых порядков, направленных ко внедрению здесь господства торгового капитализма. Прежде всего, амурские туземцы, в знак своего подданства новому государю, московскому царю, обложены были меховой данью, или ясаком. Наши источники не содержат в себе определенных указаний ни об общем количестве ясака, наложенного на Дауро-дючерскую землю, ни о распределении его по отдельным общинам и плательщикам. Мы можем лишь предполагать, что объясачение амурцев происходило на основаниях, принятых в то время в Сибири повсеместно, с той лишь разницей, что крайняя отдаленность Приамурья и долговые обязательства Хабарова и некоторых из его однополчан по отношению к воеводе Францбекову открывали широкие возможности для эксплоатации туземцев ясаком, поминками, натуральными повинностями и разного рода поборами, которые непосредственно связаны были с казенной и частной скупкой пушнины у туземцев и организацией местного управления. Мы видели выше, что в Приамурье заинтересован был не только государев, но и частный капитал. Поэтому совершенно естественно, что на этой почве должны были развиться всякого рода злоупотребления и насилия. Служилые и промышленные люди сплошь и рядом надбавляли к ясачному окладу нескольких соболей «для своей бездельной корысти» или чрезмерно низко оценивали приносимую туземцами в ясак мягкую рухлядь; вместе с тем они нередко присваивали, а то и насильно покупали на себя лучшие меха, оставляя в ясак худшие, либо насильно навязывали туземцам казенные и частные товары, расценивая их несоразмерно высоко. Так, в 1653 г. однополчане Хабарова жаловались на него московскому посланцу Зиновьеву, что он всячески притеснял туземцев и вообще «государеву делу не радел, а радел своим нажиткам, шубам собольим..., добрые соболи и лисицы обводом у иноземцев покупал, а от государевы казны отводил»[2]. Подобные злоупотребления и насилия, как результат хищ-

---

[1] Отп. Е. Хабарова к якут воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп. АИ. III, № 102)

[2] Чулков. Е. П. Хабаров (Рус. Архив, 1898 г., кн. I), стр. 188.

нической политики местных властей, практиковались в Приамурье повсеместно.

Однако, Приамурье не было похоже на другие сибирские области. В то время как там главным доходом от новооткрытых земель были меха и ясак, основным занятием дауро-дючерского населения являлось земледелие, и лишь дополнительным — звероловство. Нам уже приходилось отмечать, что однополчане Хабарова только в одном Албазине нашли запасного хлеба «хотя на 5 лет», а у верхне-амурских дауров учли хлебных запасов более чем на 20.000 чел.; что же касается амурских и сунгарийских дючеров, то у них хлеба было еще больше. Кроме того, обширная хлебная торговля, которую амурские туземцы вели со своими соседями, точно также указывала на большие свободные излишки земледельческих продуктов. При тех трудностях, с которыми сопряжено было в Восточной Сибири снабжение продовольствием служило-промышленного люда, завоевание такого хлебного края получало исключительное значение. Мы видели, что якутский воевода еще в 1650 г. хорошо учел возможные результаты от овладения земледельческим Приамурьем, когда «сообщал в Москву, что в Якутский острог хлеба присылать будет не надобно». Таким образом, хлебные богатства нового края и должны были в первую очередь подвергнуться эксплоатации со стороны завоевателей.

К сожалению, наши источники содержат в себе сравнительно немного известий о порядке и размерах использования русскими хлебных богатств Приамурья. Еще в наказе Пояркову от 1643 г. якутский воевода предусматривал снабжение амурского служило-промышленного люда даурским хлебом и сбор последнего в казенные житницы. «А на служилых людей, читаем в этом наказе, имати с иноземцев хлеб, чем мочно служивым людем прокормиться, а лишнего им хлеба не давать; а что хлеба с иноземцев возмется лишнего, и тот хлеб велеть держать в государевых житницах» [1]. Во время завоевания Приамурья Хабаровым местный хлеб шел на продовольствие как самих производителей-туземцев, так и всего наличного состава русских амурцев, численно весьма значительного. Действительно, сообщая о различных посылках служилых и промышленных людей из Якутска на Амур, наши источники, начиная с 1651 г., совсем не упоминают о том, чтобы они брали с собою продовольствия больше, чем сколько требовалось им до Тугирского волока; между тем более ранние источники постоянно указывают на размеры хлебных запасов, которыми снабжались все отправлявшиеся на Амур. Помимо продовольствия, амурский хлеб на первых же порах истреблялся русскими самым хищническим способом. Так, после взятия Албазина в 1650 г. Хабаров занялся здесь винокурением и пивоварением, причем вино и пиво он продавал своим однополчанам ведрами и чарками, а у кого не было денег, с тех брал заемные «кабалы»; таким образом, почти все запасы хлеба, захваченные у местных дау-

[1] Наказ В. Пояркову от 15 июля 1643 г (Чтения 1861 г., кн. I, стр. 9).

ров, превращены были в спиртные напитки[1]. Судя по некоторым данным, амурский хлеб вывозился повидимому и на Лену: в 1651 г. с Амура отправился туда отряд в 40 чел., взяв с собою хлеба 200 пуд., т. е. количество, превышавшее их действительную потребность в путевом довольствии[2]. Вообще, Приамурье считалось в то время естественной базой продовольствия для соседних округов, в частности для Забайкалья и Приаргунья. В 1653 г. к амурскому приказчику О. Степанову явились с Байкала 34 служилых человека и заявили ему, что «приплыли де они для ради хлебной скудости и нужи»[3]. В мае 1655 г. с Аргуни пришел к тому же Степанову сын боярский Пущин с отрядом в 50 чел и предъявил ему предписание якутского воеводы о том, что, если «будет на него (Пущина) на Аргуне реке какая хлебная нужа и голод», то Степанов обязан его «хлебными запасами ссужать»[4]. Приведенные случаи снабжения амурским хлебом соседних округов, по данным наших источников, были не единственными; поэтому использование рускими местного хлеба, отбираемого у туземного земледельческого населения, производилось повидимому довольно энергично и должно было сравнительно скоро привести к недостатку продовольствия в самом Приамурье.

Разгром Хабаровым туземного населения в 1650—1652 гг. явился тем страшным ударом, от которого местное земледелие уже не могло оправиться; систематическое же отбирание хлеба у дауров и дючеров было дальнейшим шагом к полному разрушению их хозяйства. В результате такой неразумной политики туземцы вынуждены были сначала сократить свою посевную площадь до размеров, обеспечивавших их собственное продовольствие, а затем и вовсе оставить земледелие. Недостаток хлеба прежде всего обнаружился на верхнем Амуре. Весною 1652 г. сюда явился из Якутска Т. Чечигин с отрядом в 144 чел., причем продовольствие было взято им с таким рассчетом, чтобы его хватило до Тугирского волока; однако «нигде до Банбулаева городка (им) довольно хлеба не было, и плыли они с великою нужею»[5]. Год спустя положение с продовольствием еще более осложнилось. Если в 1651 г. однополчане Хабарова считали, что на амурском хлебе можно было содержать более 20.000 чел., то уже в 1653 г. московскому посланцу Д. Зиновьеву, отправленному с целью организации на Амуре продовольственной базы для отряда в 5000—6000 чел., пришлось намечать такие чрезвычайные меры, как обработка пашни силами местных служилых людей[6]. Приведенные факты показывают нам, что в 1652—1653

---

[1] Чулков, Е. П. Хабаров (Рус. Архив, 1898 г., кн. I). стр. 182.

[2] Распр. речи П. Володимерова, П. Герасимова и тунгуски Даманзи от 22 мая 1652 г. (Доп. АИ. III, № 95); История реки Амура. составленная из обнародованных источников, Спб. 1859, стр. 64.

[3] Отп. О. Степанова к якут. воеводе М. Лодыженскому от авг. 1654 г. (Доп. АИ. III, № 122).

[4] Отп. его же к тому же воеводе после 7 июня 1655 г. (Доп. АИ. IV, № 12).

[5] Отп. Т. Чечигина к Е. Хабарову от 4 мая 1652 г. (Доп. АИ. III, № 94) и к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (там же № 101).

[6] Отп. О. Степанова к якут. воеводе М. Лодыженскому от авг. 1654 г. (Доп. АИ. III, № 122); Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, авг.), стр. 104—105.

гг., на Амуре чувствовался уже значительный недостаток хлеба и что туземное земледелие пришло в состояние упадка.

Между тем манджуро-китайское правительство внимательно следило за действиями русских на Амуре и умело использовало их хищническую недальновидную политику. Оно не вмешивалось пока в завоевание русскими Приамурья, но отнюдь и не хотело отказаться от этого края. Чтобы изгнать из него пришельцев, оно решило прибегнуть к весьма своеобразной мере воздействия на русских. Мы видели, что амурские туземцы еще в 1651 г. жаловались манджурским властям на свое бедственное положение, а многие из них уже тогда ушли с Амура и поселились в Манджурии. Несомненно, что все эти события подали пекинскому правительству мысль об общем переселении дауров и дючеров в Манджурию. В 1653 г. оно приказало оставшимся на Амуре и Зее туземцам прекратить посев хлеба и, уничтожив жилища и селения, «сойти на Наун (Нонни)», обрекая тем самым русских на голодное существование. О. Степанов, сообщая об этом в Якутск, добавлял, что «иные многие даурские люди на Наун и сошли по его (богдохана) веленью, и мы ныне (1654 г.) хлебом гораздо нужны». Правда, сунгарийских дючеров указанное распоряжение пекинского правительства пока еще не касалось, но «в Шингал реку (китайцы) для хлеба пускать не хотят, а в Шингале реке хлеба много» [1].

Переселение дауров и дючеров с Амура и Зеи на сунгарийский приток Нонни происходило повидимому не сразу. Значительная часть туземцев, по сообщению Степанова, покинула Приамурье еще в 1653 г.; другие же ушли в Манджурию в следующем году. Однако и после этого небольшая часть туземцев попрежнему продолжала оставаться на Амуре. по крайней мере, Степанов и другие служилые люди еще в 1655 и 1656 гг. насильно собирали с них хлеб и ясак, а Н. Черниговский в 1669 и 1670 гг. ходил из Албазина «вниз по Амуру реке в поход на даурских и на чючерских людей», на Зее же собирал с дауров ясак [2]. Уход главной массы дауров и дючеров нанес тяжелый удар русским амурцам. Вместо прежнего обилия продовольственных припасов, на Амуре сразу же началась полная бесхлебица. Единственным источником снабжения для амурцев оставалось лишь сунгарийское туземное земледелие, не пострадавшее от русского погрома, и на него они возлагали теперь все свои надежды. Уже в сентябре 1653 г. Степанов вынужден был «для хлебной нужи» идти с устья Зеи на Сунгари, потому что «на великой реке Амуре хлеба (стало) гораздо мало». Весною следующего года он снова пошел на Сунгари и здесь стал «приводить неясачных дючерских мужиков под государеву царскую руку и для ради хлеба». Однако, как только приказчик покинул Сунгари, китайцы начали ставить в ее устье «крепь», чтобы в дальнейшем не пускать сю-

[1] Отп. О. Степанова к якут воеводе М. Лодыженскому от авг 1651 г (Доп. АИ. III, № 122)

[2] Отп. О. Степанова к якут воеводе М. Лодыженскому от 22 июля 1656 г (Доп. АИ. IV, № 31), челобитная служ. чел. Ф. Максимова к царю от 17 мая 1657 г. (там же IV, № 10) отп. перч. приказчика Д. Аршинского к царю от 1670 г (АИ. IV, № 210)

да русских. Поневоле Степанову пришлось идти вверх по Амуру и, «где на Амуре можно набрать, и тут зимовать»[1]. Летом 1655 г. он в мрачных красках описывал якутскому воеводе свое тягостное положение: «А хлебных запасов в войске, сообщал он. ноне нет нисколько, и сами ныне живем с великою нужею и питаемся травою и кореньем, холодны и голодны и всем нужны (т. е. во всем нуждаемся). И живем, побегаючи летнею порою, и отплываем на низ для ради хлебных запасов и рыбной ловли, а хлеб емлем с поля сами за боем и за дракою у неясачных людей, где можно».[2]

Бесхлебица и голод, вызвавшие своеобразный «продовольственный разбой», свели на-нет все блестящие результаты амурской кампании, стоившей и русским, и туземцам нескольких тысяч человеческих жизней и разоренного местного хозяйства. Недавно еще богатый, а теперь опустошенный край не представлял даже простой возможности удержания его в составе Московского государства. Степанов хорошо понимал создавшееся безвыходное положение и потому уже летом 1655 г. откровенно сообщал в Якутск, что «держать стало государева острожку (Кумарского) незачем». хотя этот острожек в то время был главным и почти единственным опорным пунктом русских на всем среднем Амуре. Тяжелое положение победителей ухудшалось еще тем, что манджурокитайцы, державшиеся до сих пор пассивно, с 1654 г. перешли в открытое наступление. Однако, пока у русских была возможность добывать себе случайное продовольствие на Сунгари, они довольно успешно отбивали отдельные нападения неприятеля, во много раз превосходившего их численно и технически; но скоро для них закрыт был и этот источник снабжения хлебом.

В 1655 г. китайское правительство приказало амурским, нижнесунгарийским и уссурийским дючерам переселиться на правый приток Сунгари, Хурху (Мудань-дзян). После ухода дючеров, на оставленные ими места по Сунгари явился кн. Сергудай с отрядом войск, сжег все их юрты и разорил селения. Когда весною следующего года Степанов пошел к устью Сунгари, то «по Амуру реке до Шингалы реки дючерских людей не объявилося, а объявилось дючерских людей на Амуре немного, и те остальцы — немногие люди». Нигде не останавливаясь, приказчик отправился на разведки по Сунгари и здесь увидел печальную картину полного разорения: «все иноземцы сведены в Богдойскую землю, и по улусом, где были пашни, и те все улусы пусты и выжжены и разорены, и севов нет, хлеба не сеяно нигде нисколько, и государева ясака взяти стало не с кого»[3]. Так уничтожены были последние остатки туземного земледелия, являвшиеся до сих пор известным залогом русского владычества в Приамурье. Новый сибирский

---

[1] Отп. О. Степанова к якут. воеводе М. Лодыженскому от авг 1654 г. (Доп. АИ. III, № 122).

[2] Отп. О Степанова к якут. воеводе М. Лодыженскому от апр. и после 7 июня 1655 г. (Доп. АИ. IV, №№ 8 и 12)

[3] Отп. О. Степанова к якут. воеводе М. Лодыженскому от 22 июля 1656 г. (Доп. АИ. IV, № 31).

Ханаан в течение всего лишь пяти лет лишился не только своей вековой земледельческой культуры, но и носителей ее — дауров и дючеров. Кратковременное господство на Амуре русского торгового капитала закончилось его полным банкротством, экономическим и политическим, которое однополчане Хабарова обрисовали в следующих выразительных словах: «как были улусы, жили и хлеба было насеяно немало, и земля самая хлебородная и к пашне пространная, и сенокосных покосов много и рыбных ловель; а ныне (1653 г.) те города пожжены и улусы все пусты: даурские люди живут все в бегах»[1]. Неразумно и хищнически растеряв здесь богатейшие средства к существованию, русские должны были или совсем покинуть Приамурье, или же на развалинах дауро-дючерского хозяйства закладывать и создавать собственное хозяйство. Сначала правительство избрало первый путь решения амурского вопроса, и опустошенное Приамурье в течение почти 15 лет представляло собою заброшенную окраину Московского государства. Однако, здоровое чутье сибирского крестьянина, который в 1650—1670-х гг. устремился на Амур в поисках воли и хлебородной земли, заставило русское правительство вновь приступить к закреплению за собою потерянного было Амурского края.

Между тем, с уходом в Манджурию даурского населения, на Амур стали постепенно спускаться с гор различные тунгусские племена и роды, которые, вступив в малолесную равнину, начали заменять своих оленей лошадьми или же, по примеру монголов, приспособляться к скотоводству; так из лесных охотников и оленеводов они с течением времени превратились в степняков-скотоводов. С другой стороны, на покинутые дючерами места по Амуру и Уссури начали исподволь переходить нижне-амурские гольды, распространяясь своими поселениями вверх по течению обоих рек[2]. Таким образом, среди туземцев Амурского края во II пол. XVII в. произошел целый ряд переселений, передвижений и перемен, имевших своим источником упорное стремление русского торгового капитала овладеть «райскою страною в Сибири».

---

[1] Чулков, назв. соч. (Рус. Архив. 1898 г., кн. I), стр. 188.
[2] Шренк, назв. соч., т. I, стр. 156 и 181; Линский, назв. соч., стр. 33—34.

IV.

Русское земледелие на Амуре в XVII в

Необходимость правильного снабжения продовольствием служило-промышленного люда в Сибири побудила московское правительство, помимо доставки хлеба посредством «сибирских отпусков», довольно рано приступить также к организации здесь местного земледелия. Уже в 1590-х г.г. оно наказывает сибирским воеводам, чтобы те «зе́мли всем давали» и чтобы «вперед всякий был хлебопашец, и хлеба не возить». Сначала правительство принудительно сажало на пашню переведенцев из Поморья и местных туземцев, заменяя последним ясачную повинность земледельческой, а потом велело «давать пашни пахать на государя всяким людем». Однако, все эти попытки оказались неудачны: туземцы, не привычные к тяжелому земледельческому труду, стали быстро вымирать, а переведенцы, убегая от голодной смерти, по старому обычаю «брели розно». В конце концов между властью и населением установилось как бы известное соглашение, по которому первая давала крестьянам и иным людям землю, семенную ссуду и денежную подмогу на первое обзаведение, а вторые на известных условиях обязывались обрабатывать полученную ими «государеву пашню». Условия эти состояли в том, что одни из земледельцев, подобно барщинным крестьянам, должны были известное количество пашни обрабатывать на казну, а остальную, «собинную» часть — на себя, тогда как другие всю пашню могли обращать в свою пользу, государю же вносить за это определенный оброк хлебом («четвертый, пятый, шестой и т. д. сноп»). Если же землю брали служилые люди, то доход от земледелия засчитывался им за жалованье, а с излишков против оклада жалованья в казну отбирался обычно десятый сноп[1].

В таком виде земледелие получило в XVII в. довольно широкое распространение по Сибири. В начале 1640-х гг, едва лишь закрепив за собою ленскую «новую Сибирь», московское правительство уже решило завести здесь казенное хлебопашество. В ряде наказов якутским воеводам оно предлагало «высмотрити того накрепко, есть ли по Лене реке и по иным рекам близко Якутского острога пашенные угожие и пространные места и мочно ли в тех местах пашни завесть, и

---

[1] П. Н. Буцинский, Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьк. 1889, гл. VIII; Н Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. Спб. 1910, стр. 3—4 и 19—20; см. также наш «Очерк истории Сибири», ч II. вып. 3—Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв, Ирк. 1920. стр. 11—12.

крестьян на пашни устроить, и хлéба на ленских на служилых людей и на всякие тамошние расходы напахать, чтобы впредь на Лену в Якутский острог хлебных запасов не посылать»[1]. Основываясь на этих указаниях, якутские воеводы стали постепенно заводить «государеву пашню» в южной части своего обширного уезда, особенно же в Приангарье и Верхоленье.

Естественно поэтому, что, когда в 1650 г. Хабаров вернулся в Якутск из своего I-го амурского похода, он привез с собою образцы даурских хлебов. Воевода Францбеков, отправляя его в том же году снова на Амур, советовал ему, несмотря на существование в Приамурье туземного земледелия, завести там ввиде опыта русское хлебопашество и «дал в цену кос и серпов, и укладу и железа»[2]. Некоторый опыт по организации в Сибири казенного хлебопашества Хабаров приобрел еще раньше: в 1638 г., поселившись при впадении в Лену р. Киренги, он первый завел в этих местах земледелие и распахал 60 дес., обязавшись отдавать в казну 10-ую часть урожая, хотя тогдашний якутский воевода Головин взял с него «пятую лучшую десятину», а потом и совсем отобрал у него как самую пашню, так и запас хлеба в 3000 пуд.[3]

Получив от Францбекова указание о заведении на Амуре хлебопашества и вместе с тем земледельческие орудия, Хабаров сговорил с собою в поход 20 ленских крестьян, которых и доставил на Тугирский волок (близ устья Шилки) «с хлебными запасы и с семены». Здесь, «в угожем крепком месте под волоком, где с Олекмы переходить будет русским людем пешею ногою, сухим путем, только два дни», опытовщик поставил Тугирский острожек «для поселенья пашенного и для приходу русских людей новых» и в нем оставил «для пашни» 20 привезенных с собою крестьян. Одновременно с этим Хабаров вызывал желающих поселиться у р. Урки для занятия хлебопашеством, но, не сыскав таких охотников, он отправил туда своих четырех кабальных людей. Любопытно отметить, что даже в этом деле проявился частно-капиталистический характер амурского предприятия, так как в обоих случаях опытовщик заводил здесь хлебопашество «на своих проторях и своими подъемы».[4]

Еще не освоившись с новыми местами и общей обстановкой в Приамурье, Хабаров поспешил сообщить в Якутск, что на Амур можно посылать крестьян для заведения здесь русского земледелия. Основываясь на этом известии, воевода Францбеков уже в 1651 г. писал в Москву, что, если «будет государю в произвол послать на великую на Амур реку ссыльных или иных каких людей для пашенного посе-

---

[1] Отп. ленских воевод П. Головина и М. Глебова к царю от 1640—1643 гг. (Доп. АИ. II, № 90); царские наказы якутским воеводам 1644, 1651 и 1658 гг. (там же II, № 100, III, № 83 и IV, № 46).

[2] Наказ. память сыну боярск. Ф. Пущину от 31 июля 1658 г. (Доп. АИ. IV, № 53); Чулков, назв. соч.. (Русск. Архив 1898 г., кн. 1), стр. 180.

[3] Чулков, назв. соч., стр. 177—178.

[4] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 1651 г. (АИ. IV, № 31. V), Чулков, назв. соч., стр. 182 - 183.

ленья, и на Амуре реке пашенных угожих мест, и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодий гораздо много».[1] Однако первый земледельческий опыт Хабарова на Тугирском волоке окончился полной неудачей. Как сообщали впоследствии служилые люди, «пашни на Тугирском волоку устроить (было) нельзя, потому что места каменные»;[2] но и на амурском конце волока почва для хлебопашества по-видимому была тоже малопригодна. Поэтому, сняв с места посаженных было здесь крестьян и зарыв в землю часть привезенных с собою земледельческих орудий, Хабаров с отрядом и крестьянами пошел вниз по Амуру к Албазину, куда уже осенью того же года ему была доставлена с волока и остальная часть кос и серпов.[3]

Когда летом 1651 г. Хабаров захватил Банбулаев городок, кругом на полях стоял еще несжатый даурский хлеб. Решив пожить в этом городке и собрать оставленный хлеб, опытовщик, верный себе, стал продавать желающим бывшие при нем косы и серпы по невероятно высоким ценам, причем за косу брал 2 руб. (ок. 30 руб.) а за серп — 1 руб.[4] Зная нелюбовь служилых казаков к хлебопашеству, мы можем почти с уверенностью сказать, что добровольными земледельцами на чужом хлебе здесь заявили себя те же ленские крестьяне. Однако, развивавшиеся военные события не позволили им осесть ни в Банбулаевом городке, ни в каком-либо ином месте по Амуру; по крайней мере, год спустя мы видим этих крестьян попрежнему в отряде Хабарова, когда тот стоял в устье Зеи. В это время среди русских амурцев произошел раскол, в результате которого 132 чел., во главе с Поляковым, отделились от Хабарова и пошли вниз по Амуру «служить государю своими головами с травы и воды», сманив с собою и 20 ленских крестьян. Дальнейшая судьба этих крестьян нам неизвестна, но Хабаров немедленно же постарался сложить на «бунтовщиков» всю вину в неудаче с заведением на Амуре русского земледелия: «а что писал яз что вверху о поселенье, читаем в его отписке к якутскому воеводе, и яз было отрядил 20 человек с хлебными запасы и с семены, и пришел ко мне Стенка Васильев Поляков (и другие), и мне тех людей послать вверх для поселенья не дали, отняли».[5] Мы видели, что причины неудачного заведения на Амуре русского земледелия лежали столько же в неосмотрительном выборе мест для поселения и в тогдашних военных событиях, мало благоприятствовавших мирным занятиям, сколько и в жадности самого Хабарова. В самом деле, продавая крестьянам земледельческие орудия по грабительской цене и снабжая

---

[1] Отп. якут. воеводы Д. Францбекова к царю от 1651 г. (АИ. IV, № 31. V); Чулков, назв. соч. (Рус. Архив 1898 г., кн. I), стр. 182—183.

[2] Расспр. речи П. Володимерова, П. Герасимова и тунгуски Даманзи от 22 мая 1652 г. (Доп. АИ. III, № 95).

[3] Наказная память сыну бояр. Ф. Пущину от 31 июля 1658 г (Доп. АИ IV, № 53); Чулков, назв соч, стр. 181.

[4] Чулков, назв. соч, стр. 183.

[5] Отп. Е. Хабарова к якут. воеводе Д. Францбекову от авг. 1652 г. (Доп АИ. III, № 102).

их повидимому на таких же условиях хлебными запасами и семенами, он не мог рассчитывать на успех хозяйственных начинаний ленских переселенцев.

Если первая попытка к заведению на Амуре русского хлебопашества предпринята была в то время, когда туземное земледелие находилось еще в цветущем состоянии, то вторая попытка стояла уже в прямой связи с уничтожением русскими дауро-дючерского хозяйства. В 1653 г. на Амур прибыл из Москвы стольник Д. Зиновьев и сообщил, что правительство решило послать сюда войско в 3000—5000 чел., под начальством кн. Лобанова-Ростовского, и что для продовольствия его необходимо немедленно же приступить к образованию на Амуре значительных хлебных запасов. Новый амурский приказчик О. Степанов сообщил об этом распоряжении в Якутск, причем добавил, что «велено ему на Лавкаевом острожном месте острог поставить... и запасов хлебных всяких для прибылых государевых служилых людей тысяч на пять или на шесть на год времени и больше изготовить».[1] Степанов, правда, не указывает здесь, из каких источников он должен образовывать этот продовольственный запас, но Миллер, имевший повидимому более полные данные, прямо заявляет, что Зиновьев, по прибытии на Амур, потребовал от казаков хабаровского отряда, чтобы они «более упражнялись в земледельстве, нежели в разъездах, и на 5 или на 6 тысяч российского войска, которое прибыть имеет, приготовили бы на год провианту».[2] Мы видели выше, в каком состоянии находилось в описываемое время туземное земледелие и потому полагаем, что Зиновьев, лично убедившись в полном разгроме дауро-дючерского хозяйства, не мог и требовать от Степанова, чтобы тот составил продовольственный запас для московского войска из туземного хлеба. Единственным выходом из создавшегося положения было образование на Амуре «государевой пашни», обрабатываемой местными служилыми людьми в принудительном порядке, а именно этого Зиновьев и требовал от нового приказчика Степанова.

Косвенным подтверждением сообщения Миллера является ряд позднейших известий. Так, стольник Зиновьев, уезжая с Амура в 1653 г., взял с собою и Хабарова, который в Москве получил новое назначение в Илимский уезд—приказчиком на Усть-Куту. Когда в 1658 г. Хабаров отправлялся из Москвы к месту своей новой службы, ему велено было «косы и серпы (зарытые им в 1650 г.), сыскав на Тугирском волоку, отослать в Даурскую землю... для даурских расходов»,[3] причем сам опытовщик, по сообщению Миллера, будто бы «обязался около Албазина завесть земледельство»;[4] однако обязательство это мы склонны считать простой похвальбой Хабарова, ибо после поисков его на Тугирском волоке он не был допущен на Амур и

[1] Отп. О. Степанова к якут. воеводе М. Лодыженскому от авг. 1654 г. (Доп. АИ. III, № 122).
[2] Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, авг.), стр. 104—105.
[3] Наказ. память сыну бояр Ф. Пущину от 31 июля 1658 г. (Доп. АИ. IV, № 53).
[4] Миллер. назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, авг.), стр. 106.

должен был отправиться в Илимский уезд. Все эти данные свидетельствуют о том, что в 1650-х гг. в Москве серьезно задумывались над заведением в Приамурье русского земледелия.

Московское правительство несомненно имело известные основания рассчитывать на организацию амурской «государевой пашни». Дело в том, что походы на Амур Пояркова и Хабарова вызвали необычайное волнение и движение среди русского населения Якутского, Илимского и Красноярского уездов. Рассказы участников амурских походов о богатствах новооткрытого края возбудили всеобщее внимание к нему и стремление проникнуть в Приамурье. Так, зимою 1652—53 г. два казака из отряда Хабарова, отправленные в Якутск, пошли через Илимский уезд и по дороге рассказывали здесь об Амуре, как «неисчерпаемом богатств источнике»: там де изобилие золота, серебра, лучших соболей, скота, хлеба и садовых фруктов, а жители де носят только золотое, парчевое и камчатное платье.[1] Еще более подействовали на сибиряков рассказы самого Хабарова—«старого Даурской земли заводчика». По сообщению одного современника, когда в 1653—54 г. Хабаров ехал с Амура в Москву вместе со стольником Зиновьевым, то через Илимский уезд он проезжал «в камчатном платье нарядяся» и «всяких чинов людям хвалил Даурскую землю и подговаривал, чтоб шли в ту богатую землю всякие люди», рассказывая, что там «житье богатое».[2] Действительно, возбужденные всеми этими россказнями, на Амур бросились «всяких чинов люди», в том числе и крестьяне. Спасаясь от трудной службы и разных тяжелых повинностей, а иногда и от наказания за преступления, в поисках легкой наживы и вольного хлебопашества, они шли туда водиночку и небольшими партиями, массами гибли в пути и только редкие из них достигали Амура, где присоединялись к местным русским отрядам или образовывали вольные «воровские полки».

Бегство служило-промышленного люда и крестьян на Амур началось повидимому еще с 1650/51 г., но первая крупная партия их, числом около 300 чел., отправилась в Приамурье в 1653 г., под начальством Кислого и Черкашенина; главную массу их составляли служилые, промышленные и «гулящие» люди Илимского и Якутского уездов, но были среди них и крестьяне. В дальнейшем побеги на Амур продолжались и число их из году в год увеличивалось. В 1655 г. илимский воевода Б. Оладьин сообщал в Москву, что «всех (беглых) русских людей в Даурской земле больше 1500 чел.», причем крестьяне, присоединявшиеся к отдельным партиям беглецов, нередко уходили на Амур со своими семьями и повидимому с имуществом[3]. В связи с этими побегами, положение в Вост. Сибири уже в 1653 г. создалось настолько напряженное, что, по свидетельству якутского воеводы М. Ло-

---

[1] Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г, ч. II, авг), стр 101—102.

[2] Н Н. Оглоблин, Бунт и побег на Амур «воровского полка» М Сорокина (Рус. Старина 1896 г, т 85, янв.), стр. 205.

[3] Оглоблин, назв соч., стр. 206—207. 212.

дыженского, «в Якутском и в Илимском острогах и тех острогов в уездах пришлых вольных охочих людей, кому б быть на Лене в пашне, никого нет: все вышли воровством в Дауры». Поэтому воевода прямо заявляет, что, если «только в Олекминском остроге не будет на заставе многих людей, и из Илимского и из Верхоленского острогов, и из Илимского и Якутского уездов и достальные служилые и промышленные люди и пашенные крестьяна все разбегутся»[1]. Однако, несмотря на все принимаемые меры, побеги на Амур продолжались в течение 1650—1660-х г.г.[2] И хотя многие из беглецов гибли в пути или на Амуре, но многим служилым людям, промышленникам и крестьянам повидимому удавалось основаться в новом крае и тем положить начало кратковременному заселению его русскими в 1660—1680-х гг.

Мы видели выше, в каком тяжелом положении русские оказались на Амуре после уничтожения здесь туземного земледелия и ухода в Манджурию дауров и дючеров. Желая восстановить в Приамурье прежнее положение, московское правительство решило придти на помощь отряду Степанова и другим амурцам следующим образом. Так как Якутский и Енисейский остроги были слишком удалены от нового края, куда они не могли во-время подать необходимую помощь, то в Москве надумали учредить самостоятельное Амурское воеводство. Для устройства этого дела в 1655 г. на Амур отправлен был енисейский воевода А. Пашков во главе отряда из 300 чел. Новый амурский воевода выступил в Забайкалье и временно основался в Нерчинском остроге, который с этого времени и до конца 1680-х гг. становится главной опорной базой для всех казенных и частных предприятий в Приамурье. Отсюда Пашков в 1658 г. послал сообщить Степанову о происшедших административных переменах и потребовал от него подчинения.

Между тем Степанов переживал на Амуре самое трудное время. С 1654 г. он неизменно терпел острую нужду в продовольствии и военном снаряжении. Летом 1658 г. он отправился со своим отрядом вниз по Амуру добывать себе пропитание и встретился с превосходными силами манджуро-китайцев; в отчаянной битве с ними погиб и сам Степанов, и бо́льшая часть его отряда. Уцелевшие от этого разгрома казаки частью рассеялись по Амуру, частью же прибыли в Нерчинский острог и сообщили Пашкову весть о полном уничтожении русского владычества в Дауро-дючерской земле. Когда воевода донес в Москву о разгроме и гибели Степанова, правительство оставило пока мысль о новом завоевании Приамурья и решило лучше закрепиться в Забайкалье, чтобы уже отсюда, в случае надобности, влиять и на амурские дела.

---

[1] Отп. якут. воеводы М. Лодыженского к царю от 23 авг. 1653 г. (Доп. АИ. III, № 113). ср. челобит. подьячего В. Якунина после 18 мая 1655 г. (там же IV, № 10), отп. илим. воеводы Б. Оладьина к енис. воеводе П. Акинфову от 25 мая 1656 г. (там же IV, № 24) и цар. грамоту якут. воеводе М. Лодыженскому от 10 сент. 1656 г. (там же IV, № 33).

[2] Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа, ч. I, М. 1895, стр. 142 и 195.

Приамурье после этого совершенно запустело и казалось забро шенным краем. Время от времени здесь появлялись небольшие отряды беглых служилых и промышленных людей, а с ними приходили сюда и крестьяне для занятия вольным хлебопашеством. К числу таких же беглых принадлежал и отряд илимского служилого человека Н. Черниговского, который, убив в 1665 г. илимского воеводу Обухова, бежал с 84 товарищами на Амур и здесь в следующем году восстановил Албазин. В новый острог стали постепенно стекаться разные бродячие русские амурцы, в том числе и ранее бежавшие сюда крестьяне, так что под начальством Черниговского скоро было уже свыше 100 чел. Построив и укрепив острог, Черниговский предпринял несколько походов против местных тунгусов, а также дауров и дючеров, еще оставшихся на Амуре и Зее, и обложил их ясаком, отсылая последний в Нерчинский острог[1]. Вскоре около Албазина появились первые русские пашни, поднятые местными крестьянами и служилыми людьми[2]. В первые годы этих пашень было повидимому еще немного, хотя албазинцы уже успели обзавестись лошадьми и домашним скотом: так, в 1669 г. к Албазину приходили оленные тунгусы и «под острогом на пашне побили служилых людей трех человек и отогнали у них от острогу 40 коней и рогатый скот»[3].

Слухи о русском земледелии около Албазина быстро распространились по Забайкалью, Приангарью и Поленью и вызвали среди местных промышленников и крестьян усиленную тягу на Амур: первых привлекала сюда возможность эксплоатации естественных богатств и вновь образовавшегося населения, вторые же шли в надежде на заведение здесь вольного хлебопашества. В конце 1667 г. «старый заводчик Даурской земли», Е. Хабаров, бывший в то время приказчиком на Усть-Куте, подал тобольскому воеводе челобитную, в которой просил отпустить его на Амур «для городовых и острожных поставок и для поселенья и хлебные пахоты», причем заявлял, что «подымет на своих проторех» 100 чел., которых и отправит в Приамурье на своих судах с хлебными запасами и семенами[4]. Хабаров, правда, не был отпущен в новый край, но туда потянулись «своими подъемы» вольные переселенцы-крестьяне.

Наши источники, крайне бедные известиями об этом времени, к сожалению, не сообщают о том, как велика была посевная площадь и какие хлеба сеяли на ней русские албазинцы. Однако, на основании позднейших данных, можно полагать, что это были обычные в тогдашней Сибири полевые культуры—озимая и яровая рожь, пшеница, овес, ячмень, гречиха, конопля и горох, т. е. почти те же самые хлеба, какие раньше мы видели у дауров и дючеров. Местное земледелие распро-

---

[1] Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г. ч. II, сент.), стр. 196—198; отп. нерч. приказчика Д. Аршинского к царю от 1670 г. (АИ. IV, № 210).

[2] Царская грамота краснояр. воеводе Д. С. Римскому-Корсакову от 19 апр. 1680 г. (Доп. АИ. VIII, № 73); Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г. ч II. сент.), стр. 198.

[3] Отп. нерч. приказч. Д. Аршинского к царю от 1670 г. (АИ. IV, № 210).

[4] Чулков, назв. соч., стр. 190.

странялось путем образования заимок на старых даурских пашнях и новых расчисток по еланям. Переселенцы, уходившие на Амур с ведома сибирских властей или по их приказу («переведенцы»), получали от казны рабочий скот, семена и иногда земледельческие орудия (сохи, бороны, серпы и косы), причем обязывались — в первые 2—3 года пахать по четверти или полудесятине «государевой пашни», а в дальнейшем размер обязательной пашни определялся в зависимости от состояния их хозяйства, нужды в продовольствии и иных местных условий. Вольные же поселенцы и служилые люди платили в казну десятинный оброк хлебом [1].

Урожаи хлебов у албазинцев были настолько хороши, что вести о земледельческом приволье в новом крае вскоре же вызвали новых охотников к переселению на Амур. В 1671 г. на урочище «Брусяной камень», немного выше Албазина, основан был Спасский монастырь, около которого потом образовалась слобода Монастырщина. В следующем году нерчинский приказчик отправил в Албазин несколько крестьянских семей для занятия хлебопашеством, которые невдалеке от острога основали деревню Солдатово. Повидимому в том же десятилетии по верхнему Амуру возник ряд земледельческих слобод и деревень, а именно: Игнашино, Озерная, Погадаева, Покровская, Андрюшкина и Паново; из них особенно значительными были три последние, причем Покровская слобода расположена была ниже Албазина, Андрюшкина — у устья р. Буринды (в 140 вер. ниже острога), а Паново — немного выше р. Олдоя (вер. в 50—60 от Албазина). [2] Все эти русские селения окружены были пашнями, дававшими богатый урожай, так что уже в конце 1670-х и начале 1680-х гг. албазинский район не только не нуждался в хлебе, но и мог вывозить его за пределы Приамурья. Так, в 1681 г. нерчинский воевода Воейков закупил в Албазине значительную партию хлеба, за которой послал «досчаник с наемными работными людьми»; в том же году для русского отряда в новопоставленном Аргунском остроге взято было из албазинских казенных запасов 100 пуд. яровой муки [3]. Одновременно с заселением верхнего Амура русские начали вновь занимать Зейский бассейн, где основали зимовье Гилюйское и острожки — Верхнезейский, Селинбинский и Долонский для сбора ясака с местных тунгусов и дауров и охраны русских земледельцев, которые появляются здесь уже в 1670-х гг. [4]

Таким образом, русская земледельческая колонизация Амура в 1660

---

[1] Челобитная амурских крестьян к царю от конца 1682 г (Доп. АИ. X, № 57).

[2] Челобитная амурских крестьян к царю от конца 1682 г (Доп. АИ. X, № 57); отп. нерч воеводы П. Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от 23 июня 1685 г. (там же XII, № 12. III); Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II сент), стр. 198—199, А. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, вып. 1, Спб. 1860, стр. 146, Шперк, назв. соч., стр. 61.

[3] Отп—ки нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от сент. 1681 и от 1682 гг. (Доп. АИ VIII, № 101 и IX, № 104).

[4] Миллер, назв. соч. (Ежем Соч. 1757 г., ч. II, сент.), стр. 202, Миддендорф, назв. соч., т. I, в 1, стр. 148. прим. 3; ср. розыск о злоупотреблениях нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова от 1684—1685 г. (Доп. АИ. XII, № 2).

—1670-х гг. направлялась и питалась преимущественно случайным притоком сюда вольных переселенцев из Сибири. Поскольку Приамурье считалось в то время заброшенным краем и московское правительство не принимало мер к последовательному овладению им, постольку и в заселении его мы не видим определенной и продуманной системы. Русские приходили на Амур небольшими партиями и выбирали здесь для земледелия наиболее удобные места. Правда, албазинские приказчики, заинтересованные в получении продовольствия для местного служилого люда, по обычаю того времени, или вводили у крестьян «государеву пашню», или облагали их десятинным оброком,—однако сибирские власти и московское правительство обращали сравнительно мало внимания на то, в каком порядке производилось самое заселение Приамурья.

Между тем китайское правительство, обеспокоенное повторным занятием Амура со стороны русских, решило во что бы то ни стало изгнать их отсюда; поэтому в конце 1670-х гг. оно приступило к военным приготовлениям. Ответом на эти приготовления со стороны московского правительства была посылка в Нерчинский острог воеводы Ф. Д. Воейкова, с поручением ему организовать защиту Вост. Забайкалья и Приамурья от предстоящего нападения китайцев. По прибытии в 1680 г. в Нерчинский острог, новый воевода приступил к собиранию и устройству разбросанных по уезду воинских отрядов и снабжению их военными припасами и продовольствием. Так как доставка последнего из Сибири постоянно сопряжена была с разными затруднениями, то Воейкову предписывалось «в Даурах, в Нерчинском остроге, десятинная пашня заводить»; что же касается амурского хлебопашества, то его следовало усилить переброской в Приамурье за казенный счет новых переселенцев и наложением на них, как и на прежних поселенцев, «государевой пашни» или десятинного оброка[1].

Вост. Забайкалье долгое время считалось у русских сибиряков, как неудобное для земледелия. Неудивительно, что в 1662 г. нерчинский воевода Л. Толбузин, прося енисейского воеводу о присылке ему хлебных запасов, заявлял, что без них «с служилыми людьми (ему) на службе всем помереть будет голодною смертию», так как «хлеб в Нерчинском остроге и на Иргене озере не родится».[2] Однако, когда русские лучше ознакомились с естественными условиями Нерчинского уезда, местные приказчики в 1670-х гг. предприняли несколько земледельческих опытов по Шилке и ее притокам. По свидетельству современников, они «завели вниз по Шилке реке и по иным местам пашня, и на тех пашнях хлеб родился добр».[3] К подобным же опытам относилась и интересная попытка нерчинского сына боярского Н. Сенотрусова, относящаяся к следующему десятилетию. В 1680 г. он по-

[1] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от июня 1682 г (Доп. АИ. VIII, № 109. II).

[2] Отп. нерч. воеводы Л. Толбузина к енис. воеводе И. И. Ржевскому после 12 мая 1662 г. (Доп. АИ. IV, № 116); ср. там же IV, № 133. I—II.

[3] Отп. нерч. воеводы П. Е. Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от 1684 г. (Доп. АИ. XI, № 21. II).

сеял «для опыту» по р. Уюрге (приток Шилки?) 20 пуд. озимой ржи и собрал урожай в 450 пуд. Яровые хлеба Сенотрусов сеял в том же и следующем году, причем урожай их оказался отличный: с каждого пуда пшеницы и конопли он собрал 11 п., ячменя и овса—12 п., гороху—10 п., а гречихи—даже 30 п. Репу сажал он по два года и «родилась добра гораздо». Видя необычайный успех своего опыта, Сенотрусов к 1682 г. засеял уже 11 десятин ржи и 8 дес. яровых хлебов, «и милосердием божиим, сообщал он, идет хлеб всякий гораздо добр, лучше прошлогоднего». Под влиянием примера Сенотрусова, в 1681 г. сам воевода Воейков «для опыту хлебного роду» велел своим людям поднять пашню около Нерчинского острога и посеять на ней по 1 пуду пшеницы, ячменя и гречихи и 2 пуд. овса. Урожай получился тоже прекрасный: пшеницы воевода собрал 13 п., ячменя —12 п., гречихи—17 п, а овса—28 п. Тогда Воейков распорядился посеять озимой ржи уже 12 п., «и та рожь, сообщал он царю в 1682 г., подобна русским самым добрым землям, как на добрых землях в степных местах, июня по 17 день вся выколосилась, починает цвесть». Поскольку приведенные опыты целиком опровергли установившееся среди русских мнение о непригодности Вост. Забайкалья для хлебопашества, нерчинский воевода в 1681 г. выписал к себе из Сибири 17 семей ссыльных крестьян и в следующем году поселил их вниз по Шилке[1].

Заботясь о развитии русского земледелия по Шилке, воевода Воейков обратил внимание и на соседнюю Аргунь. По сведениям бывалых служилых людей, «пашенных земель (т. е. удобных для хлебопашества) по той Аргуне много гораздо и места хлебородные, и судовым ходом из Албазинского острогу по той реке с хлебными запасы ходить мочно»; а так как «от Китайского государства та река Аргуня удалела» и столкновений с ним по этому поводу не предвиделось, то нерчинский воевода в 1681 г. послал на Аргунь небольшой отряд, во главе с В. Миловановым, и предложил последнему, «розыскав место угожее», построить на нем острог, что̀ и было выполнено им в том же году.[2]

Обеспечив таким образом возможность снабжения продовольствием военных сил, сосредоточенных в Вост. Забайкалье и Приаргунье, нерчинский воевода в 1682 г. писал царю, что, поскольку по Шилке, Нерче и Аргуни «пахотные земли самые добрые и хлебородные и места угожие», то можно по этим рекам «пашенных крестьян населить слободами семей по 50 и по 100 и больше»; в частности, лучше всего посылать сюда крестьян из Илимского и Братского острогов.[3] Этот план земледельческой колонизации получил одобрение в Сибирском приказе. Уже в 1683 г. в Нерчинский острог посланы были из

---

[1] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от июня 1682 г. (Доп. АИ. VIII, № 109. II).

[2] Отп. нерч воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 1681 г (Доп. АИ. VIII. № 101); отп-ки нерч. воеводы И. Е. Власова к енис. воеводе кн. К. О Щербатову от 1684 г. и 26 авг. 1685 г. (там же XI, № 21. II и XII. № 12. V). сказка нерч. сына боярск. И. Милованова от июля 1681 г. (там же XI. № 62. I).

[3] Отп. нерч воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 1682 г. (Доп АИ VIII, № 109. II).

России первые переселенцы—23 крестьянских семьи, которые, поставив себе дворы, в том же году принялись за хлебопашество в долине р. Нерчи. По сообщению местного воеводы Власова, «государевой пашни» наложено было на каждого из них по $^1/_8$ дес., причем, высевая по 5 пуд. ржи на десятину (или по 7,5 п. на дес., так как тогдашняя десятина была ок. $1^1/_2$ современных), они засеяли на государевой доле всего 18,5 пуд. ржи; на собинной же пашне, которой новопоселенцы подняли $12^1/_4$ дес., они посеяли яровые хлеба. Воевода Воейков дал крестьянам семенную ссуду из своих личных запасов, причем заявил, что полученную от него семенную рожь они должны возвратить в казну. Так как дальнейший приток переселенцев шел видимо не особенно успешно, то в 1684 г. преемник Воейкова, воевода Власов, просил Москву прислать в его уезд до 500 крестьянских семей с Руси и из сибирских городов. С прибытием их сюда, местное земледелие, по словам воеводы, настолько разовьется, что «не токмо даурских (т. е. восточно-забайкальских) острогов служилым людем на жалованье, (но) хотя вел. государи укажут и великие рати двигнуть на оборону Даурской земли от китайских людей, и теми пашенными крестьяны мочно хлеба напахать».[1] Однако, военные действия с Китаем, вскоре начавшиеся на Амуре, повидимому помешали правительству заняться дальнейшим развитием земледельческой колонизации по Шилке и Аргуни.

Одновременно с первыми земледельческими опытами в Нерчинском уезде воевода Воейков обратил внимание на необходимость более планомерного проведения русской колонизации по Амуру и Зее. В 1681 г. он послал туда сына боярского И. Милованова для дозора острогов и зимовьев, а также заброшенных даурских пашень и угодий и вообще всех земель, удобных для земледелия. Милованов произвел подробный дозор по Зее и отчасти по верхнему Амуру и в следующем году сообщил воеводе, что особенно удобными для хлебопашества являются «неисповедимые, самые добрые хлебородные места», расположенные по левому берегу Зеи между устьями Томи и Селимджи, а особенно ниже Томи вплоть до Амура: здесь «мочно завести большие пашни, пашенных крестьян селить есть где—населится их тысяча и больше». Точно также крестьян можно поселить и по средне-амурскому правобережью, ниже устья р. Кумары, так как в этих местах—«луг велик, старые пашни много, иные луги пахиваны». Поэтому, если в Москве решат «на Зие быть большим пашням и заводам (т. е. поселениям) и городу, ино городу быть пристойно на усть Зии реки в стрелке».[2]

Получив дозорную роспись Милованова, воевода Воейков в мае 1682 г. отправил в Албазин приказчиками сына боярского Г. Лоншакова и крестьянина Немирова, поручив им ведать крестьян, живших ниже Албазина, и заводить среди них десятинную пашню; крестьян-

[1] Отп. нерч. воеводы И. Е. Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от 1684 г. (Доп. АИ. XI, 21. II): сказка нерч. пашенных крестьян от июля 1684 г. (там же XI, № 62 II)

[2] Отп. нерч. воеводы Ф. Д Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ VII, № 74. XXIII).

ские же поселения от устья Аргуни до Албазина были переданы в ведение крестьянина И. Вятки и целовальника Р. Васильева, повидимому с таким же поручением относительно десятинной пашни. Не ограничиваясь этими распоряжениями, Воейков принял видимо соответствующие меры и по отправке на Амур и Зею новых крестьян, особенно ссыльных, и покровительствовал переходу туда вольных поселенцев. Вследствие такой политики нерчинских властей русское население Приамурья в 1683—1685 гг. заметно увеличилось: по крайней мере, наши источники отмечают по левому берегу Амура ряд новых заимок и селений, тянувшихся полосою от слияния Шилки и Аргуни до устья Кумары (Усть-Аргунская, Ильинское, Шингалова, Покровская и верхняя Монастырская заимки и проч.); ниже Кумары по Амуру начиналась уже сфера влияния Китая[1]. Что же касается Зейского бассейна, то появление в южной части его переселенцев-крестьян и промышленников в описываемое время не подлежит никакому сомнению, хотя в наших источниках имеется об этом лишь единственное известие: в 1682 г. воевода Воейков, из опасения захвата Долонского острожка китайцами, свел из-под него «охочих пашенных промышленных людей, а около острожку место было хлебородное»[2].

Как велика была численность крестьянского населения на Амуре в 1680-х г.г., в точности неизвестно. В 1684 г. два амурских промышленника М. Яшиных и И. Енисеев сообщали енисейскому воеводе, что, когда за год пред тем они были «в Албазинском» (т. е. остроге), откуда местный приказчик отправил их на Бурею, то «служилых людей было при них в Албазинском 120 чел. да промышленных людей и пашенных крестьян 480 чел.». Если принять во внимание, что вместе с Яшиных и Енисеевым из Албазина на Бурею ушли 47 чел. из местных промышленников и что, по другим сведениям, в этом остроге проживало тогда еще до 10 торговых и посадских людей, то на долю амурских крестьян придется всего около 410—420 чел.[3] Однако, такая численность крестьянского населения в Приамурье является несомненно преуменьшенной, тем более что из приведенного нами показания двух промышленников не видно, относится ли данная цифра неслужилого населения (480) к Албазину и его окрестностям или ко всему Албазинскому уезду. Мы видели выше, что в 1660—1680-х гг. происходило заселение Амура и Зеи вольнопоселенцами и ссыльными, в результате чего все амурское левобережье от устья Аргуни до устья Кумары было занято русскими поселениями. Судя по одной крестьянской

---

[1] Отп. нерч. воеводы Ф Д Воейкова к енис. воеводе А. П. Салтыкову от февр. 1683 г. (Доп. АИ. X, № 67. II), отп-ки нерч воеводы И Е. Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от июня и 26 авг. 1685 г. (там же XII, № 12. II и V); отп. нерч. воеводы И. Е. Власова к стольнику Ф. А. Головину от 26 июля 1686 г. (там же X, № 67. XIX), Паршин, История Албазина, стр. 153, 159 и 163 (А. П. Васильев, Забайкальские казаки. Исторический очерк, т. I, Чита 1917. стр. 159—161).

[2] Розыск о злоупотреблениях нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова в 1684—1685 г (Доп. АИ. XII, № 2).

[3] Расспр. речи албазин. промышленников М. Яшиных и И. Енисеева от мар. 1681 г. (Доп. АИ. XI, 21. I), розыск о злоупотреблениях нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова от 1684—1685 г (там же XII, № 2).

челобитной. в 1682 г. только в Покровской слободе и албазинских заимках проживало 70 ссыльных крестьян-домохозяев[1]. Поскольку в этих селениях, наряду со ссыльными, несомненно жили и вольнопоселенцы, а кроме Покровской слободы в тогдашнем Приамурье имелись и другие более или менее значительные слободы и селения (Андрюшкина, Паново, Ильинское и пр.), населенные ссыльными и вольными крестьянами,—постольку и выражение «в Албазинском», употребленное в показании двух промышленников, следует понимать в смысле именно Албазинского острога и его окрестностей, а не уезда. Следовательно, общая численность крестьянского населения в Приамурье в 1680-х гг. была повидимому более значительна, хотя определить ее даже приблизительно, за неимением соответствующих данных, мы не можем.

Более точные сведения мы имеем о размерах посевной площади у русского населения на Амуре. По сообщению нерчинского воеводы Власова, основанному на смете хлебных доходов и сказках албазинских жителей, в 1685 г. в Албазинском уезде засеяно было свыше 1000 дес. «казачьи и крестьянские пахоты и присевок всяких чинов людей всякого хлеба» и более 50 дес. ярового хлеба на государевой пашне[2]. Если принять во внимание, что тогдашняя десятина была по крайней мере в полтора раза более современной, то русская посевная площадь на Амуре в действительности составляла более 1500 дес., а государева пашня—более 75 дес. Упомянутые в приведенном известии «присевки всяких чинов людей» занимали повидимому значительную площадь: по крайней мере, по словам воеводы Воейкова, в 1682 г. около Албазина семья местных купцов Нарицыных-Мусатовых «пашню пахала большую и хлеб всякий сеяла»[3]. К числу таких же «присевок» принадлежали несомненно как десятинная пашня некоторых служилых людей, так и посевы тех промышленников, которые занимались земледелием.

Для выяснения характера земледелия у албазинских купцов и промышленников необходимо иметь ввиду, что русский торговый капитал вторично проник в Приамурье вместе с волною русских поселенцев в 1660—1680-х гг. Богатые пушные промысла и прибыльная торговля предметами широкого спроса (одежда, земледельческие орудия, семенной хлеб, скот, домашняя утварь и проч.), развившиеся в это время на Амуре, способствовали образованию здесь значительной группы купцов и промышленников. Так, в начале 1680-х гг. источники упоминают в Албазине местных торговых людей—Посельского, Нарицыных-Мусатовых, Ушакова и нескольких купцов из енисейских посадских, причем Нарицыны-Мусатовы «торговали великими торгами»;[4] выше уже

---

[1] Челобитная амурских крестьян к царю от 1682 г. (Доп. АИ. X. № 57).

[2] Отп. нерч. воеводы П. Е. Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от 26 авг. 1685 г. (Доп. АИ. XII, № 12. V).

[3] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от июля 1682 г. (Доп. АИ. IX, № 101).

[4] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от июля 1682 г. (Доп. АИ. IX, № 101); розыск о злоупотреблениях того же воеводы от 1681—1685 г. (там же XII, № 2).

отмечалось, что в тех же годах 47 албазинских промышленников отправились на Бурею, хотя общее количество их было несомненно более значительно.

Однако, в Амурской торговле заинтересованы были не только местные купцы, но и крупные московские капиталисты, из которых источники отмечают Е. Филатьева и Г. Никитина. Дело в том, что, несмотря на тревожную военную обстановку в Приамурье, с 1670-х гг. через Забайкалье начала развиваться русско-китайская торговля. Пограничные русские города—Иркутский и Нерчинский остроги стали заполняться китайскими товарами, причем посредниками в начинавшихся торговых отношениях между двумя странами являлись как «даурские» служилые люди, так и приказчики упомянутых выше московских гостей. Последние привозили в Забайкалье разные товары русского кустарного производства и вывозили отсюда на Русь китайские ткани, драгоценные металлы, жемчуга, лекарственные растения, посуду и оружие. В этой торговле Нерчинский острог являлся основной товарной базой, которая снабжала привозными русскими товарами Забайкалье и Приамурье, связанные поэтому между собою постоянными меновыми отношениями; здесь даже устроен был особый гостиный двор[1]. Отсюда понятной становится и та заинтересованность, которую московские капиталисты питали к амурскому рынку. В 1683 и 1684 гг. в Нерчинском остроге проживал по торговым делам некий Якимов, состоявший приказчиком гостя Филатьева; когда вновь назначенный албазинский воевода А. Толбузин отправлялся отсюда на Амур, Якимов и другие торговые люди, хорошо понимая, что от успешности его военных действий с Китаем зависит вся их дальнейшая торговля в Приамурье, купили на свои средства 7 пуд. пороху и 5 пуд. свинцу и, якобы «служа великим государям», «безденежно» передали эти припасы воеводе.[2]

Не ограничиваясь торговлей товарами, московские и местные купцы торговали также деньгами, являясь одновременно представителями и торгового, и ростовщического капитала. Владея значительными денежными средствами, они пускали их в ссуды и наживали на этом не меньшие прибыли, чем и на торговле товарами. Так, московский гость Никитин вел широкие ростовщические операции по всей Сибири: он раздавал повсюду крупные и мелкие ссуды, причем заемщики, принадлежавшие ко всем классам населения, годами выплачивали ему занятые деньги. Когда летом 1685 г. Албазин был взят китайцами и жители его без всяких средств существования явились в Нерчинский острог, они попали здесь в руки приказчиков Никитина, которые хорошо сумели использовать их тяжелое положение: начиная с воеводы

[1] Проф. С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае (Труды Института Истории, Сборник статей, вып I, изд. I Моск Университета, М. 1926, стр. 375—378), отп. нерч. воеводы И. Е Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от ноября 1685 г (Доп АИ. X, № 67. XIV).

[2] Расспр. речи А. Акимова от 2 июля 1684 г. (Доп АИ. XI, № 55).

Толбузина и кончая разоренными амурскими крестьянами, все албазинцы вынуждены были занять у Никитина не одну сотню тогдашних рублей и выдать ему на себя «кабальные записи»[1]. Не менее успешно развивали ростовщическую деятельность и албазинские купцы: так, когда местные служилые люди потребовали у воеводы Воейкова 500 руб. (ок. 8500 р.) недополученного ими жалованья, тот занял эти деньги у албазинских «торговых людей»[2]. Что же касается амурских крестьян, то многие из них, как увидим ниже, до того закабалены были местными купцами, что вынуждены были отдавать им за долги почти весь свой урожай.

Таким образом, русский торговый капитализм в 1670—1680-х гг. с большим успехом приступил к повторному завоеванию Приамурья; этим обстоятельством и можно объяснить проникновение его в область местного земледелия.

Действительно, хлебопашество амурских купцов и промышленников в описываемое время имело не только потребительный, но и товарный характер, поскольку в известной части заводилось ими с предпринимательской целью. Мы видели выше, что государевой пашни местные крестьяне возделывали немного более 75 дес., а урожаи с такой площади посевов могли удовлетворить лишь текущие продовольственные потребности амурского служилого люда и пополнять семенные запасы для той же пашни. Между тем окраинное положение Приамурья и Забайкалья вынуждало иметь в Албазине и Нерчинском остроге более или менее значительные запасы казенного хлеба на случай открытия военных действий с Китаем. Такие запасы местные власти могли образовывать преимущественно путем закупок хлеба у албазинских купцов и промышленников, занимавшихся земледелием или имевших запасы хлеба, доставленного им крестьянами за долги. Выше уже отмечалось, что в 1681 г. воевода Воейков купил на албазинском рынке большую партию хлеба и вывез ее на досчаниках в Нерчинский острог. Поскольку амурское крестьянство, как увидим ниже, по состоянию своего земледелия не имело возможности выбрасывать на рынок свой хлеб, постольку главными поставщиками продовольственных запасов в казну могли быть лишь местные предприниматели-капиталисты: ведь не даром же «старый заводчик Даурской земли» Хабаров еще в 1667 г. просил отпустить его на Амур для «городовых и острожных поставок, для поселенья и хлебные пахоты»[3]. На товарный характер «присевок» амурских торгово-промышленных людей указывают также и другие современные известия: так, когда русские оставляли Албазин в 1685 г., китайцы отобрали у воеводы Толбузина и «у всяких чинов людей» их хлебные запасы, что однако не помешало им уже в следующем году

---

[1] Бахрушин, назв. соч., стр. 382—383.

[2] Розыск о злоупотреблениях нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова от 1684—1685 г (Доп. АИ. XII, № 2).

[3] Чулков, назв. соч, стр. 190.

образовать новые значительные запасы из урожая 1685 г.[1] Монопольное положение амурских купцов на албазинском хлебном рынке несомненно приносило им немалую прибыль, тем более что местное крестьянство, живя в отдаленной и дикой окраине, постоянно нуждалось как в семенных запасах, так и в иных предметах для своего хозяйства и обихода. Такое проникновение торгового капитала в амурское земледелие способствовало еще большему закреплению местных купцов в хозяйственной жизни Приамурья.

Если торговое земледелие албазинских купцов и промышленников приносило им немалую прибыль, то хлебопашество амурских крестьян развивалось в таких условиях, которые весьма мало благоприятствовали его дальнейшим успехам. Об этих условиях мы узнаем из любопытной челобитной ссыльных крестьян Покровской слободы и ближайших к Алзину заимок, поданной ими царю в 1682 г. Хотя все челобитчики были ссыльными, однако общая обстановка их хозяйственной деятельности в Приамурье едва ли существенно отличалась от условий жизни вольных поселенцев.

По прибытии на Амур еще в 1675—1676 г. ссыльные крестьяне, по картинному выражению челобитной, «посажены были в пашню на пень да на колоду», с обязательством в течение первого года обрабатывать по полудесятине государевой пашни. Из казны новопоселенцы получили лишь небольшую помощь—то были «кони старые и жеребята молодые, ни в соху, ни в борону не годились и с нужи многие перепропали» да «ральники (сошники) старые и ломаные». Ни семян, ни продовольственных запасов крестьяне на первых порах не имели. Оказавшись в таком положении, они вынуждены были пойти в кабалу к местным торговым людям и взять у них в долг живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь, причем лошадей они брали по 12 руб. (ок. 200 довоенных руб.) и больше, а сошники—по 3 руб. (ок. 50 руб.). Однако такие цены были не под силу многим новопоселенцам и они предпочли остаться безлошадными. В 1682 г. они обратились за помощью к нерчинскому воеводе Воейкову и тот выдал им бесплатно казенные сошники, косы, серпы и весь необходимый в хозяйстве железный «уклад».

В тяжелых условиях новопоселенцам пришлось вести свое хозяйство. Хотя все они обязаны были обрабатывать по полудесятине (т. е. по $^3/_4$ дес.) государевой пашни только в течение первого года их жизни на Амуре, однако по забывчивости властей они пахали это количество земли целых 6 лет, и только в 1682 г. воевода Воейков сбавил с холостых хозяев по $^1/_4$ дес. (ок. $^1/_3$ дес.) государевой пашни, а женатые попрежнему остались на полудесятинном положении. Как велика была «собинная» пашня у амурских крестьян, мы не знаем. К указанным трудностям их положения присоединялись еще затруднения ино-

[1] Отп. албаз. воеводы А. Толбузина к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от конца июня 1685 г (Доп. АИ. XII. № 12. IV); отп. нерч воеводы И. Е. Власова к окольничему Ф. А. Головину от 26 июля 1686 г. (там же X, № 67. XIX).

го рода: крестьяне никак не могли примениться к своеобразным природным условиям нового края. «А хлеб, жаловались они, родится не как по иным городам: хлеб по три годы не доходил—ржа давила и червь ел». В 1681 г. проливные дожди «не дали сен поставить и земель на другой ряд перепахать», и «хлебы все вытопило». В следующем году «водами сена потопило и разносило» и к новому году крестьянские земли остались неперепаханными: «не успели—снимать торопились хлеб». Амурские крестьяне не могли также примениться и к посевам некоторых хлебов, в частности озимой ржи, которой сеяли мало, «потому ветром выдымает». Однако, если урожай других хлебов на Амуре и был удовлетворителен, то крестьянам оставалось от него немного, так как торгово-ростовщическая эксплоатация их местными купцами отымала не только прибавочный продукт земледелия, но и основные средства производства. «А что какова хлеба и родится, жаловались челобитчики, и мы тот хлеб за долг отдаем дешевою ценою»: осенью приходилось сдавать купцам рожь по 2 гривны (около 3 руб. 40 коп.), а ярицу и пшеницу—по 10 алтын (ок. 5 р.) за пуд., весною же «к севу» брать у них хлеб уже по двойной и тройной цене: рожь—по полтине (ок. 8 р. 50 к.) и по 20 алт. (ок. 10 руб.), а ярицу, пшеницу и овес—по 4 гривны (ок. 7 руб.) за пуд. «И оттого, добавляли крестьяне, мы хлебные справы взять не можем».

Дороговизна и общая неблагоустроенность жизни в Приамурье также тяжело отражались на положении местных крестьян. «Конные силы, жаловались они, завести нечем и многие у нас бесконные». Коров покупали по 10 руб. (ок. 170 р.) и больше, а овец и свиней у крестьян совсем не было,—хотя «разных чинов албазинские люди» в то же время имели и конские табуны, и рогатый скот [1]. Многие из амурских крестьян ходили «наги и босы» и подолгу не употребляли в пищу соли: «харчу и годом иной не видает». Действительно, вследствие крайней отдаленности Приамурья, здесь все было дорого—одежда, обувь, железные изделия и особенно соль: последнюю иной год приходилось покупать по 2 гр. (ок. 3 р. 40 к.) за безмен, или кило, а в 1682 г.—даже по полтине и 20 алт. (8,5 р.—10 р.). Сравнительно дешевле были сукна (ок. 5. р. арш.), зато железо было «вельми дорого»: за наварку сошников брали по 1 р. (ок. 17 р.), а топоров—по 10 алт. (ок. 5 р.).[2]

---

[1] Отп-ки албаз. воеводы А. Толбузина к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от июня 1685 г (Доп. АИ. XII, № 12. I и IV).

[2] Челобитная амурских крестьян царю от 1682 г (Доп. АИ. X, № 57).—Для сравнительной оценки амурских цен на основные хлеба, лошадей. крупный скот и соль считаем нелишним привести здесь цены на те же товары в тогдашней центральной Руси, условно принимая покупательную способность рубля 2-ой пол. XVII в. в 17 довоенных рублей: в 1670-х гг. 1 пуд ржи в Московском уезде стоил в среднем (на довоенный рубль) ок 1 р 50 к, овса—70 к. и пшеницы—3 р. (В. О. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII в., Опыты и исследования, Пгр 1919, стр 170); во 2-ой пол XVII в. лошадь стоила 50—70 р, корова—45 и 50 р, а безмен, или кило соли—от 18 до 22 к. (Н. И Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст., изд. 2-ое, Спб. 1889. стр 217, 308—309). Таким образом, амурская рожь была дороже русской при продаже более, чем в 2 раза, а при покупке—почти в 6 раз, пшеница—в 1½ и 3 раза, овес—в 10 раз, лошадь—в 3—4 раза, корова—в 5 раз, а соль—в 17—40 раз.

Таковы были хозяйственно-бытовые условия жизни русского населения на Амуре в 1660—1680-х гг.

Обращаясь к системе земледелия, господствовавшей в Приамурье, необходимо отметить, что она находилась в зависимости от характера заселения русскими нового края. Когда русские поселенцы явились в Приамурье, они нашли здесь множество свободных земель: с одной стороны, это были заброшенные пашни дауров и дючеров, с другой — огромные луговые пространства и «неисповедимые» елани и заросли, нуждавшиеся в расчистке. Ссыльных крестьян местные власти нередко сажали «по своему высмотру» в определенных местах «на пень да на колоду», как мы видели это на примере покровских крестьян. Что же касается вольнопоселенцев, то они занимали или захватывали наиболее удобные места и устраивали на них «заимки», т. е. строили себе дома, возводили разные хозяйственные постройки, огораживали вокруг них поскотину и разрабатывали под государеву и собинную пашню и под покосы столько земли, на сколько у них хватало сил и средств. Таким же образом производился захват свободных земель и совместно несколькими семьями: только в этом случае все усадьбы ставились в куче или в известном порядке и окружались общей поскотиной, а затем каждая из семей «заимки» захватывала нужную ей пахотную и сенокосную землю. Поскольку «заимки» основывали в Приамурье не только вольнопоселенцы, но, судя по челобитной 1682 г., и ссыльные крестьяне, можно предполагать, что последние не пользовались лишь свободой *первоначального выбора* местности для поселения; в дальнейшем же захват и разработка пахотно-сенокосных земель производились ими повидимому в том же порядке, что̀ и вольнопоселенцами. Если местность выбрана была поселенцами удачно, заимка постепенно разрасталась путем естественного прироста ее населения или подселения в нее посторонних лиц, которые охотно принимались первоначальными заимщиками, потому что в условиях расчистки нови и устройства на ней нового хозяйства всякая лишняя сила ценилась очень высоко. Каждый присельщик, подобно первым поселенцам, захватывал под свое хозяйство свободные земли, еще не занятые первыми заимщиками.[1]

Так как большинство амурских поселенцев в XVII в. вышло из Сибири, где существовал такой же по̀рядок заселения свободных земель и где в связи с ним господствовали подсечная и переложная системы земледелия, то и в «заимочном» Приамурье естественно должны были применяться те же системы земледелия, хотя в наших источниках и не содержится на этот счет никаких указаний. Поработав на занятых землях несколько лет подряд до известного истощения почвы, амурские крестьяне повидимому запускали их в перелог, а сами производили новые «ро́счисти» или же вновь отыскивали заброшенные даурские пашни, куда и переносили свое земледельческое хозяйство. На этих новых местах амурские новоселы еще и раньше могли заводить

[1] Ср. А. А. Кауфман, Крестьянская община в Сибири, Спб 1897, гл. III.

«отъезжие пашни», разрабатываемые ими первоначально ввиде пробы, либо из желания расширить основную пашню, расположенную вблизи заимки. Такие пашни крестьяне обрабатывали обычно «наездом», не осваивая их впредь до запуска в перелог своих прежних пашень, а местные власти, заинтересованные в разработке возможно большего количества некультурных земель, в течение нескольких лет не требовали за „отъезжую пашню" ни государевой доли, ни десятинного оброка[1]. Если по истечении нескольких лет вторичная пашня из-за истощения почвы тоже запускалась в перелог, то крестьяне либо приступали к обработке прежней земли, отдохнувшей в перелоге, либо же заводили на новых местах новые рóсчисти. Как много земли амурские крестьяне держали в перелоге и «отъезжих пашнях», мы не знаем; можно лишь предполагать, что таких земель на Амуре, как и в Сибири, было значительно больше, чем основной культурной пашни, или «доброй пахотной земли», которая только одна и входила в счет упомянутых нами выше 1.575 дес. посевной площади.

В русском Приамурье распространены были почти те же хлебные злаки, чтò и повсюду в Сибири. Мы видели, что крестьянская челобитная 1682 г. называет яровую рожь, овес и пшеницу; озимая же рожь, при относительно суровых, малоснежных и ветряных зимах на Амуре и сильном промерзании почвы, родилась плохо—ее «выдымало ветром», почему крестьяне, после ряда неудачных опытов с нею, почти совсем перестали ее сеять. Кроме этих хлебов, в Приамурье, судя по другим известиям, возделывали также ячмень, гречиху, полевой горох и коноплю,[2] хотя широкого распространения среди крестьянского населения они возможно и не имели.

Плодородная почва и более мягкие, сравнительно с Сибирью, климатические условия Приамурья обеспечивали местным земледельцам хорошие урожаи. Выше уже приводилось свидетельство автора «Описания Сибирского царства» о том, что в Албазинском уезде «земля была зело добра» и что «изо всех сибирских городов на той Даурской земли всякий хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50, 60 и 70 мер». Если даже это известие и признать несколько преувеличенным, то более достоверные примеры высокой урожайности хлебов в соседнем Нерчинском уезде (450 пуд. озимой ржи из 20 пуд. высева или от 11 до 30 пуд. разных хлебов из 1 пуд. высева) показывают нам, что урожаи на Амуре в описываемое время были повидимому очень хорошие, хотя разные стихийные бедствия (ливни, наводнения, вредители) и тяжелые общественные условия (эксплоатация торговыми людьми и посредством «государевой пашни») сплошь и рядом не позволяли крестьянам воспользоваться плодами своих трудов.

В качестве земледельческих орудий в Приамурье повсюду применялись общерусские—деревянная соха с железными сошниками, борона,

---

[1] Буцинский, назв. соч., стр. 28—29, 32, 41—43 и мн. др.

[2] Миллер, назв соч. (Ежем. Соч. 1757 г., II, сент.), стр. 217—218; Миддендорф, назв. соч., ч. 1, вып. 4, стр. 164, прим. 2.

серпы и косы, о чем свидетельствует крестьянская челобитная 1682 г. Земля обрабатывалась конской силой: что же касается безлошадных, которых было немало среди амурских крестьян, то они либо работали на чужих лошадях, занимая их на известных условиях у своих соседей, либо селились на участках лошадных крестьян, как несамостоятельные хозяева. Распашка полей производилась дважды—перед посевом и осенью до наступления заморозков, причем последнее перепахиванье обычно заканчивалось «к новому году», начинавшемуся в то время с 1 октября. Снятие и обмолот урожая происходили в Приамурье повидимому таким же образом, как и ныне. Размол зерна и обрушивание круп производились тогда на водяных мельницах, одна из которых, по сообщению нерчинского воеводы, находилась в Спасском монастыре около Албазина[1].

Насколько среди русских амурцев в описываемое время развито было скотоводство, в точности неизвестно. Судя по упомянутой челобитной 1682 г., многие крестьяне, помимо лошадей, имели также коров, хотя дороговизна последних едва-ли способствовала широкому распространению рогатого скота среди рядового крестьянства. Овцы и свиньи водились далеко не у всех крестьян. Иначе обстояло дело с торгово-промышленными и служилыми людьми: мы видели выше, что у албазинцев еще в конце 1660-х гг. было много лошадей и рогатого скота; точно также и позднее мы находим у них конские табуны и стада крупного рогатого скота.[2]

Для содержания лошадей и рогатого скота русские амурцы должны были иметь выгоны и сенокосы. Естественными выгонами являлись перелог и пожни, а также обширные заливные и незаливные луга, расположенные по долинам Амура и Зеи. Мы отмечали выше, что в 1669 г. оленные тунгусы отогнали из-под Албазина *с пашни*, т. е. с пожни местных лошадей и рогатый скот. Однако, амурские земледельцы не довольствовались обеспечением скоту только подножного корма: как видно из челобитной 1682 г., они косили луга, запасая сено впрок, на что̀ указывает также и потребность крестьян в косах, отмечаемая в той же челобитной.

В качестве подсобной отрасли земледелия, среди русского населения Приамурья распространено было огородничество. Наши основные источники, правда, не сообщают об этом никаких сведений, однако позднейшие данные вполне подтверждают существование указанной отрасли хозяйства на Амуре в XVII в. Так, известный ссыльный старообрядец Г. Васильев, не раз посетивший албазинское городище в 1815—1823 гг., рассказывает, что «внутри (бывшей) крепости и за крепостью вниз по берегу еще видны (были) гряды огородные»[3]. Позднее, в 1845 г., устьстрелочные казаки, жалуясь Миддендорфу на стеснительные меры, не

---

[1] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от июля 1682 г. (Доп. АИ. IX, № 104).

[2] Отп. нерч. приказч. Д. Аршинского к царю от 1670 г. (АИ. IX, № 210); отп-ки албаз. воеводы А. Толбузина к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от июня 1685 г. (Доп. АИ. XII, № 12. I и IV).

[3] Ирк. Губ. Архив, Дело о собрании сведений о р. Амуре, № 53 по секретной части, л. 175.

позволявшие им воспользоваться плодородными местностями по верхнеамурскому левобережью, «с негодованием указывали на остатки прежнего хлебопашества вниз по Амуру, где под тенью вековых сосен ясно видны были следы старинных полевых борозд и огородных грядок» [1]. Таким образом, оба известия отмечают распространение в XVII в. русского огородничества по верхнему Амуру, но какие именно овощи возделывались в то время, нам неизвестно.

В связи с описанным выше «заимочным» характером русского расселения в Приамурье находились и господствовавшие здесь формы землепользования. Все земельные угодья, входившие в черту естественного притяжения одной или нескольких соседних заимок и «занятые» ими, являлись захватными владениями первых заимщиков. Рядом с этими владениями лежали совершенно свободные земли, которые отчасти служили запасным фондом для прибылого населения, отчасти же осваивались наличными заимщиками для «отъезжих пашень», причем все эти земли тяготели к одной или нескольким заимкам в порядке вольного пользования ими. Однако, захватная форма землепользования еще не вела к установлению у русских амурцев права собственности на занятые земли. В самом деле, необычайный земельный простор в Приамурье, во много раз превышавший трудовую способность тогдашнего русского населения, не вызывал необходимости в упорядочении землепользования, а следовательно и не мог привести к возникновению земельной собственности. При крайней редкости населения отдельные заимки-дворы представляли собою ничтожные островки в необозримом земельном море и захват ими ближайших угодий являлся лишь первоначальной формой возможного в будущем подворного землевладения.

Несколько сложнее дело обстояло в тех случаях, когда захватное владение одной заимки лежало рядом с таковыми же нескольких соседних заимок, или когда заимки состояли из нескольких дворов, у каждого из которых были свои захватные владения. Хотя в этих случаях между отдельными захватчиками повидимому устанавливалась по уговору взаимная неприкосновенность владений и намечался запасный земельный фонд для общего вольного пользования, однако такое самообеспечение землею приводило к необходимости охраны и защиты его от посягательств посторонних поселенцев. На этой почве, надо думать, и создалась в Приамурье крестьянская поземельная община, неясные следы которой мы видим в наших источниках. Эта первобытная община несомненно еще не распоряжалась землей отдельных захватчиков и не упорядочивала взаимных отношений между ними на почве пользования угодьями, словом, она еще не имела уравнительного характера, хотя и считалась владелицей всей земли, освоенной в захватном или вольном порядке первыми заимщиками.

---

[1] Миддендорф, назв. соч., ч. 1, вып. 4, Спб. 1867, стр. 685.

Возникнув из потребности охраны захватных владений и вольных земельных фондов, амурская поземельная община на первых же порах была использована правительством в фискально-эксплоатационных и судебных целях. Мы видели выше, что уже в начале 1680-х гг. все амурские заимки и слободы от устья Аргуни до Албазина переданы были нерчинским воеводою в ве́дение двух приказчиков—крестьянина Вятки и целовальника Васильева, а поселения ниже Албазина поручены управлению тоже двух приказчиков—сына боярского Лоншакова и крестьянина Немирова, с предписанием заводить среди амурских крестьян государеву пашню. В этих распоряжениях воеводы видна определенная цель — использовать местное земледелие для крупно-капиталистического государева хозяйства. Поскольку организация управления государевой пашней в Сибири к указанному времени уже сложилась и получила определенные формы, нерчинским властям оставалось только применить ее к Приамурью. Управление это состояло в том, что приказчики судили подведомственное им крестьянское население по гражданским делам (до предельной суммы исков в 5—10 р.), заведывали денежными доходами с населения слобод и заимок (судебные и торговые пошлины) и наконец ведали как организацией государевой пашни, так и сбором с крестьян десятинного оброка. Если суд отправлялся приказчиками лично, то хозяйственно-финансовые обязанности они должны были выполнять при содействии старост, десятников и целовальников, избираемых местными крестьянскими мирами[1]. В ве́дение таких именно приказчиков и целовальников переданы были и амурские крестьяне.

Наши источники содержат в себе несколько указаний, подтверждающих как факт существования самой амурской общины, так и возложения на нее сверху некоторых несвойственных ей обязанностей. В конце 1682 г. пашенные крестьяне ближайших к Албазину селений отправили к нерчинскому воеводе двух выборных ходоков Фалелиева и Гаврилова «с *мирскою* заручною челобитною», в которой жаловались на бесчинства, творимые над ними местными казаками[2]. Такою же *мирской* была и известная нам челобитная 70 ссыльных крестьян Покровской слободы и ближайших к ней заимок, посланная ими царю в том же году с выборным ходоком Богтюйским[3]. Весьма возможно, что ходоки, отправленные с этими челобитными, являлись в своих селениях мирскими старостами или десятниками. Более поздние известия, относящиеся к Нерчинскому уезду, вполне подтверждают существование в тогдашней крестьянской общине выборных должностных лиц, бывших помощниками государевых приказчиков. Так, в ревизских сказках 1719—1720 гг. по аргунским и нерчинским селениям, наряду с приказчиками, упоминаются обычные для Сибири XVII в. кре-

[1] Н. Н. Козьмин, Администрация государевой пашни в Сибири XVII в. (Очерки настоящего и прошлого Сибири, Спб. 1910), стр. 20—25.

[2] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к енис воеводе А. П. Салтыкову от 6 февр. 1683 г. (Доп. АИ. X, № 67. II).

[3] Доп. АИ. X, № 57.

стьянские выборные должностные лица — мирские старосты и десятники[1]. Если принять во внимание, что в XVII в. по Шилке и Аргуни господствовали земельные порядки, подобные амурским, то мы можем с большим основанием утверждать, что крестьянская община в Приамурье тоже выбирала своих мирских старост и десятников в помощь государевым приказчикам.

Итак, в русском Приамурье XVII в., по нашему мнению, господствовало захватно-вольное землепользование, т. е. та первоначальная форма владения, которая обычно возникает при крайне редком населении и почти безграничном земельном просторе. В этой форме землепользования мы видели признаки, свойственные и подворно-заимочному, и общинному владению, из которых по местным условиям могла бы в дальнейшем развиться преимущественно общинная форма землевладения, поскольку тяжелые условия первоначальной разработки и освоения земли требовали постоянного сотрудничества нескольких соседей.

Описывая хозяйственно-бытовые условия жизни амурского крестьянства и основные черты его землепользования, мы отмечали неодинаковую экономическую мощность отдельных крестьян. В самом деле, одни из поселенцев являлись в новый край повидимому с некоторыми средствами для первоначального обзаведения, другие же (особенно ссыльные) приходили сюда без всяких средств и, при недостаточной помощи со стороны государства, немедленно попадали в кабалу к представителям торгового и ростовщического капитала. Уже одно это обстоятельство должно было повести к зарождению среди крестьян имущественного неравенства. В дальнейшем развитии местного земледелия это неравенство все более усиливалось. Одни из земледельцев захватывали заброшенные даурские пашни и елани, не требовавшие для превращения их в «добрую пашню» большого труда и значительных средств, другие наоборот вынуждены были садиться «на пень да на колоду» и истощать свои силы на первоначальную расчистку новины. При таких условиях разработки пашни, урожаи у различных групп амурского крестьянства естественно не могли быть одинаковы. Бо́льшая или меньшая обеспеченность крестьян земледельческими орудиями, конской силой, а также крупным и мелким скотом, являлась дальнейшей причиной углубления имущественного неравенства между ними. Мы видели из челобитной 1682 г., что среди амурских поселенцев уже в 1670-х гг. «многие были бесконны» и что покупка коров, ввиду их крайней дороговизны, для значительной части крестьян оказалась непосильной, а овцы и свиньи у рядовых земледельцев были относительно редким явлением. Неудивительно, что «бесконные» крестьяне на первых же порах должны были стать в зависимое положение от лошадных соседей, как своих же односельчан, так и торгово-промышленных людей, занимавшихся земледелием. Наконец, неодинаковое положение крестьян в отношении эксплоатации их государством

[1] Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII ст. (Нерчинск, Селенгинск, Якутск), М. 1886, стр. 23—37: см. под №№ 71, 90, 150, 195, 216, 232, 260 и 274.

и представителями частного капитала должно было окончательно углубить имущественное неравенство между ними. Дело в том, что одни из новоселов, повидимому главным образом ссыльные, посажены были на государеву пашню, по $^3/_4$ дес. на каждого, и вместо одного года, нередко обрабатывали такое количество пашни несколько лет; другие же, преимущественно вольные крестьяне, платили десятинный оброк хлебом. Такое различие в обязательствах по отношению к казне ставило отдельные группы крестьянства не в равное положение, так как оброк обеспечивал самим оброчникам бо́льшую долю прибавочного продукта, нежели какая оставалась у пашенных крестьян. Столь же неодинакова была и степень эксплоатации крестьян со стороны торгового и ростовщического капитала: менее обеспеченные из них, постоянно нуждаясь в заемных средствах, чаще попадали в кабалу к торгово-промышленным людям; погашение же ссуд отымало у заемщиков почти весь урожай и ставило их в необходимость заключения новых займов, а следовательно и в положение полного их закабаления.

Имущественное неравенство, установившееся среди амурских крестьян, довольно рано повело к их классовому расслоению. Наши источники, относящиеся к Приамурью, дают лишь косвенные указания об этом расслоении. Выше отмечалось, что нерчинский воевода назначил государевыми приказчиками на Амуре крестьян Вятку и Немирова: повидимому эти крестьяне выделялись из своей среды не только умом и административными способностями, но и имущественной обеспеченностью сравнительно с другими. Более данных о классовом расслоении крестьян мы имеем из соседнего Нерчинского уезда, который по условиям возникновения и развития в нем земледелия мало чем отличался от Приамурья. Хотя данные эти по времени и относятся к началу XVIII в., однако они определяют тот общественный строй, который сложился в указанном уезде еще в конце XVII ст.

Кроме пашенных и оброчных крестьян, в заимках и слободах Нерчинского и Аргунского острогов мы видим также захребетников и бобылей, находившихся на разных ступенях хозяйственной маломощности. Те и другие вышли из пашенных или оброчных крестьян и «отбыли свои пашни». Захребетники, вследствие полного обеднения, из самостоятельных хозяев превратились в наемных рабочих и стали жить «за чужим хребтом», т. е. в крестьянских, посадских и казачьих хозяйствах, довольно часто «переходя по дворам». Будучи по существу сельско-хозяйственными и домовыми рабочими, захребетники жили или вместе с хозяином (бездворные захребетники), или же на отдельных хозяйских дворах вблизи пашень, причем те и другие не обрабатывали «государевой пашни» и, не входя в общину, не несли никаких повинностей; впрочем, по соглашению с хозяевами, они могли иметь свое обособленное хозяйство, за что и платили в казну особый захребетный оброк. Что касается бобылей, то они имели много общего с захребетниками. Выйдя, подобно им, из крестьян, бобыли либо садились на пашню в чужом хозяйстве и, «живя по подворьям», обрабаты-

вали ее хозяйским инвентарем (бездворные и захребетные бобыли), либо имели свои усадьбы и занимались мелким ремеслом и промыслом. В том и другом случае бобыли не входили в состав крестьянской общины и не несли никаких повинностей; но, если они имели самостоятельное хозяйство, то платили особые подати и оброки.[1]

Таким образом, расслоение нерчинских и аргунских крестьян в конце XVII в. зашло уже довольно далеко: имущественное неравенство и эксплоатация со стороны торгового и ростовщического капитала повели к тому, что от основной крестьянской массы стали постепенно отделяться зажиточные крестьяне, ремесленники (бобыли) и обезземеленные наемные рабочие (захребетники и захребетные бобыли). Мы полагаем, что подобное же классовое расслоение в 1670—1680-х гг. происходило и среди амурских крестьян, только оно не могло принять здесь вполне отчетливые и законченные формы, так как местное земледелие в конце 1680-х г.г. пало под ударами китайцев и русские вторично вынуждены были покинуть Приамурье.

---

[1] Ведомость Нерчинского города 1701 г.. Сметный список Нерчинского уезду всяких хлебных доходов 1714 г и Сказки о душах мужеска полу г. Нерчинска 1719—20 гг. (Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII ст., стр. 16, 22—23 и 26—36).

V.

Уничтожение русского земледелия на Амуре.

С конца 1670-х гг. политическое положение в Приамурье стало заметно осложняться. Обеспокоенное вторичным появлением в крае русских, китайское правительство решило снова начать с ними борьбу и с этою целью приступило к большим военным приготовлениям. Мы видели, что московское правительство ответило на эти приготовления проведением земледельческой колонизации в Вост. Забайкалье и отчасти на Амуре. Однако, отдаленность нового края способствовала развитию в нем крайнего своеволия местных казаков. Чиня над амурским населением всякого рода насилия, они постоянно задерживали отсылку из Албазина ясака и продовольствия, нарушали распоряжения нерчинского воеводы и, не считаясь с твердым штатом местных служилых людей и возможностью снабжения их хлебом, самовольно набирали новых казаков. Во всех своих действиях албазинские казаки встречали неизменную поддержку со стороны местных торгово-промышленных людей, которые, стремясь к полному экономическому господству на Амуре, вступили в борьбу с нерчинским воеводою, как главным представителем здесь государева хозяйства. «Заводчиком» и «учителем» служилой смуты в Приамурье был богатый албазинский купец Нарицын-Мусатов. Не желая платить в казну пошлины с «великих торгов и промыслов» и давать десятинный оброк со своего крупного земледельческого хозяйства, он вступил в тесный союз с казаками и поддерживал среди них смуту всякими подачками и ссудами. Добившись при их помощи почти полной безнаказанности, Нарицын-Мусатов чувствовал себя в Албазине не хуже любого сибирского воеводы.[1]

В начавшейся своеобразной борьбе частного капитала с государевым хозяйством за право безраздельной эксплоатации амурского населения более всех страдало местное крестьянство. Мы видели, каково было общее экономическое положение амурских крестьян и какие отношения создались между ними и представителями торгового и ростовщического капитала. Теперь ко всему этому присоединились еще постоянные насилия со стороны казаков. «Видя над собою бесконечную беду» и чувствуя явную опасность нападения со стороны китайцев, местные крестьяне в конце 1682 г. обратились к нерчинскому воеводе с челобитной, в которой жаловались на «большую нужу и поруга-

[1] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от июля 1682 г. (Доп. АИ. IX, № 104).

тельство от албазинских казаков: бьют их и грабят, и велят им соединяться с собою и бунтовать, чтобы де мы были одномышленники с ними».[1]

Между тем китайское правительство начало неприязненные действия против русских амурцев. В том же 1682 г. богдохан приказал одному из своих сановников Лантаню составить разведывательный отряд и, под предлогом охоты на изюбрей, осмотреть расположение Албазина и разузнать о численности и вооружении местных казаков. В конце этого года Лантань действительно появился около Албазина и на месте ознакомился с расположением и силами противника. Проходя мимо одной заимки, китайцы, по словам наших казаков, «ехали смирно и русских людей никого не били и не грабили, только по полям немолоченный хлеб, а по лугам сена лошадям травили».[2] Таким образом, кроме внутренней опасности, перед амурскими земледельцами появилась новая грозная опасность, на этот раз уже от внешнего врага.

Производя подобные разведки и не начиная пока открытых военных действий непосредственно против Албазина, китайское правительство решило повести на него медленное наступление с востока, отрезав предварительно Зейский и Буреинский бассейны от верхнего Амура. Так как восточное Приамурье считалось тогда входящим в сферу преимущественного влияния Китая, то богдоханское правительство решило прежде всего закрепить его за собою. Поэтому, подготовив заранее крупные военные силы и большие продовольственные запасы в Сев. Манджурии, китайцы в 1682 г. появились на среднем Амуре. Захватив сначала Зейско-буреинскую равнину, они в 1682—1683 гг. восстановили на левом амурском берегу, в дне пути ниже устья Зеи, земляной город Айгун, сильно укрепили его и начали проводить земледельческую колонизацию как крепостного района, так и правого берега реки. Айгун являлся исходным опорным пунктом военных действий Китая на Зее и верхнем Амуре; таким же пунктом была и китайская крепость, построенная в это время в устье Кумары.[3]

С построением Айгуна русские владения в Зейском бассейне поставлены были под угрозу захвата их китайцами. Учитывая создавшееся там положение, нерчинский воевода решил постепенно начать упразднение зейских укрепленных пунктов, чтобы тем самым сосредоточить все русские военные силы в Албазинском районе. Уже в 1682 г. русские покинули Долонский острожек, так как, по свидетельству зей-

---

[1] Отп. нерч воеводы Ф Д. Воейкова к енис. воеводе А П. Салтыкову от 6 февр 1683 г (Доп АИ. X, № 67. II).

[2] Отп нерч воеводы Ф. Д. Воейкова к енис. воеводе А. П. Салтыкову от 3 янв. 1683 г. (Доп. АИ. X, № 67. I), Жизнеописание Лантаня (Манджурская хрестоматия, составл. проф. Васильевым, Спб. 1863, стр 122). Манджурский текст этого важного источника, содержащего в себе ряд указов китайского богдохана Кан-си 1680-х гг., по нашей просьбе, переведен был на русский язык проф. А. В. Гребенщиковым, которому приносим здесь за это глубокую благодарность.

[3] Отп. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова к царю от 22 мар. 1682 г. (Доп. АИ. VII, № 74. XXIII); расспр. речи албаз промышл. М. Яшиных и И. Енисеева от 20 мар. 1681 г (там же XI, № 24. I), расспр. речи кит. пленного Говодея от апр. 1686 г. (там же X, № 67. XVI); Жизнеописание Лантаня (Мандж. хрест., стр. 127—128), А. Любимов, Некоторые манджурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII в. (Зап Вост. отд. Рус. Археолог Общ. за 1912 г., т. XXI, стр. 85 и 88).

ских казаков, «китайские люди говорили большою ссорою, что у них в том месте (около острожка) перевоз и торговище бывало розных родов с иноземцами»; одновременно с этим из-под острожка сведены были и «охочие промышленные пашенные люди». В следующем году, под давлением китайских отрядов, русские оставили Селинбинский и повидимому Верхнезейский острожки и ушли на р. Удь и в Якутск, причем по уходе их китайцы сожгли оба укрепления.[1] Таким образом, Зейский бассейн был совершенно потерян русскими; вместе с тем там исчезло и русское земледелие. Такая потеря являлась тем более ощутительной, что амурских земледельцев в 1683 г. постиг неурожай.[2]

Овладев Вост. Приамурьем и Зейским краем, китайское правительство с конца 1683 г. сосредоточило на Албазине всё свое внимание. На правом берегу Амура против русского острога оно воздвигло деревянную крепостцу для постоянного наблюдения за албазинцами и завело здесь собственное хлебопашество. Вместе с тем китайцы продолжали производить разведки около Албазина и под разными предлогами посылали туда своих шпионов. Но прежде чем открыть военные действия против русских, богдохан в конце 1683 г. отправил албазинцам грамоту, в которой, сообщая о своем намерении послать на Амур большое войско, предлагал им добровольно оставить Албазин и все Приамурье, установив твердую границу с Китаем в любом месте Якутского уезда. Заслушав эту грамоту, албазинцы решили—«тому прелестному письму не верить, из Албазинского от казны великих государей им для того не бежать, а острог не покинуть»[3].

Пока на Амуре происходили все эти события, московское правительство, извещенное о них нерчинским воеводою Воейковым, начало готовиться к обороне далекой окраины. Так как по всем забайкальским острогам в это время числилось всего 200 служилых людей, то в 1683 г. решено было составить в Тобольске полк из 600 пеших казаков и стрельцов и, снабдив его всем необходимым снаряжением и продовольствием, отправить в Приамурье. Одновременно с этим власть над всей Вост. Сибирью объединена была в руках енисейского воеводы, которому велено «все байкальские, и даурские, и иные (остроги), которые можно, оберегать», а в Приамурье образовано особое албазинское воеводство, с подчинением его Енисейску.[4]

---

[1] Отп. нерч. воеводы Ф. Д Воейкова к царю от июля 1682 г. (Доп. АИ. IX, № 104); отп. якут. воеводы И. Приклонского к царю от окт. 1683 г. (там же X, № 67. IV); отп. ирк. воеводы Л. Кислянского к енис. воеводе кн. К. О Щербатову от сент 1684 г. (там же XI, № 79 I); розыск о злоупотребл. нерч. воеводы Ф. Д. Воейкова от 1684—1685 г. (там же XII, № 2), расспр речи албаз. промышл. С. Михайлова от апр 1684 г. (там же XI, № 24. II), Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, сент.), стр 209.

[2] Расспр речи албаз. промышл. М. Яшиных и И Епишсева от 20 мар. 1684 г. (Доп. АИ. XI, № 24. I).

[3] Жизнеописание Лантаня (Маидж. христ., стр. 128); отп-ки нерч воеводы Ф. Д. Воейкова к енис. воеводе А. П. Салтыкову от 3 янв., 6 февр. и 21 авг. 1683 г. (Доп. АИ. X, № 67. I—III), отп. нерч. воеводы И Е. Власова к якут. воеводе М. Кравкову от янв 1684 г. (там же X. № 67. V); расспр. речи албаз. промышл. М. Яшиных и И Епишсева от 20 мар. 1684 г (там же XI, № 24. I), Любимов, назв. соч., стр. 84—94.

[4] Отп-ки тобольск. воеводы кн. А А. Голицына к верхотур воеводам М. А. Толстому и Г Ф. Нарышкину от 14 янв. и от февр 1684 г (АИ V, № 114. I и II)

Летом 1685 г. Китай, наконец, начал военные действия против России. Большое китайское войско, численностью около 10.000 чел., на судах и по берегу двинулось из Айгуна к Албазину. 4 июня передовые отряды неприятеля подошли к острогу и отогнали с поскотин конский табун; так как в Албазине в это время под начальством воеводы Толбузина было всего 450 чел.—казаков, торгово-промышленных людей и крестьян, то послать в погоню за китайцами было некого, да и не на чем. 10 июня главные силы китайцев заняли уже нижне-албазинские заимки, а 12-го обложили Албазин. После 10-дневной осады русские сдали Албазин китайцам, которые, забрав себе местные военные и хлебные запасы, лошадей и скот и сжав ближайший к острогу хлеб, после переговоров выпустили воеводу Толбузина с осажденными в Нерчинский острог, причем часть албазинцев передалась на сторону неприятеля и ушла в Китай. В тяжелых условиях русским пришлось отступать из Албазина: по словам самого Толбузина, у бывших с ним казаков и крестьян «хлебных запасов и рогатого скота не было, шли наги и босы и голодны, и питались травою и кореньем». По пути к отступавшим присоединялись амурские крестьяне, которые бросали свои хозяйства и несжатый хлеб. Многие из крестьян и промышленников, отчаявшись в возможности возвращения на Амур и из боязни «одною дорогою идучи, голодною смертию помереть», упросили воеводу отпустить их по Урке и Олекме прямо на Лену, так что с Толбузиным, не считая казаков, осталось всего 155 крестьян и промышленников[1]. Казалось, Приамурье было совсем потеряно для русских.

По прибытии албазинцев в Нерчинский острог, амурские крестьяне потребовали у местного воеводы Власова отпустить их «для их разоренья» в какое-нибудь другое «хлебное место», но тот, не имея никаких указаний свыше и боясь «потерять Даурскую землю и побежную из Нерчинска славу учинить», уговорил их не покидать Приамурья. 15 июля Власов отправил на Амур разведывательный отряд в 70 казаков, под начальством десятника Я. Телицина, который вскоре же вернулся назад и сообщил, что Албазин и все другие русские поселения в Приамурье «выжжены без остатку», почти весь посеянный хлеб остался цел, а неприятель совсем ушел с верхнего Амура. Тогда воевода, не желая, по его словам, «того хлеба насеянного потерять, чтоб было чем ратных людей прокормить и десятинная пашня и служилым людем и пашенным крестьяном и всяким присевщиком их пахота и впредь не запустить», в августе того же года послал на Амур «для обережи того хлеба» конный отряд енисейского сына боярского А. Бейтона в 198 чел. и велел ему спешно плыть к албазинскому городищу, чтобы китайцы или монголы «того хлеба не по-

[1] Отп-ки албаз. воеводы А. Толбузина к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от июня 1685 г (Доп. АИ. XII, № 12. I и IV), отп-ки нерч. воеводы И Е. Власова к тому же воеводе от 26 авг. и от дек 1685 г. (там же XII, № 12. V; X, № 67. XIV), Жизнеописание Лантаня (Мандж христ, стр 133); Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, сент.), стр. 211.

толочили и не пожгли». Не довольствуясь охраной и снятием амурского урожая, воевода Власов решил восстановить как Албазин, так и другие русские поселения в Приамурье. Поэтому вслед за отрядом Бейтона на Амур отправлен был албазинский воевода Толбузин и с ним в разные сроки до 670 амурских казаков, промышленников и крестьян, причем последних сначала было лишь около 150 чел. (хозяев). Эту военно-колонизационную экспедицию воевода хорошо снабдил воинскими припасами, продовольствием, семенным хлебом и скотом. Так как земледельческих орудий у переселенцев было недостаточно, а в Нерчинском остроге купить их было негде, то Власов спешно заказал партию сошников, серпов и кос в Телембинском остроге, где в то время были железоделательные мастерские.[1]

При отправлении своем на Амур воевода Толбузин получил от Власова наказ, которым ему предлагалось спешно идти до албазинского городища и нижних албазинских заимок и, построив в подходящем месте «хотя малую крепость», под ее охраной и «за крепкими отъезжими караулами» снимать урожай, «не испустя времени». Как крестьяне, так и другие амурские «присевщики» повидимому сохраняли право на свой урожай; и только хлеб, посеянный изменниками и ушедшими на Лену во время отступления Толбузина из Албазина, предлагалось отобрать в казну на семена и для продовольствия вновь прибывших на Амур русских военных сил. По снятии урожая воевода Толбузин должен был восстановить Албазин «со всякими городовыми окрепами» и всячески внушать вернувшимся амурцам «хлеб сеять перед прежним с прибылью», за крестьянами же тщательно наблюдать, чтобы те «десятинную пашню пахали и хлеб сеяли, не испустя времени, и свои крестьянские пашни пахали же неоплошно»[2]. Таким образом, амурское земледелие было одной из основных причин повторного занятия русскими Приамурья, потерянного было ими в июне 1685 г.

В конце августа 1685 г. воевода Толбузин с военным отрядом и частью переселенцев прибыл на албазинское городище, где и построил новый земляной город. Позднее прибыли на Амур и другие переселенцы. Под защитою новой крепости русские успели снять урожай только в ближайших к Албазину местах; в дальних же деревнях, вверх и вниз по течению, хлеб за поздним временем остался неубранным. Несмотря на это, урожай того года повидимому был настолько хорош, что снятого хлеба албазинцам хватило до лета следующего года. В какой мере амурцы обеспечены были семенами и продовольствием, показывают нам хлебные цены на албазинском рынке, сообщаемые Миллером: весною 1686 г. рожь и овес, по его словам, продавались в Албазине по 9 коп. за пуд, пшеница — 12 коп., горох и конопля — 30 к., а ячная крупа — 25 коп., «чего, добавляет он, и в странах изобильнейшего земледельства дешевле желать не можно было бы и из чего

[1] Отп-ки нерч. воеводы П. Е Власова к енис. воеводе кн К. О. Щербатову от 26 авг. и от дек. 1685 г (Доп АИ XII № 12. V, X. № 67 XIV). Миллер, назв. соч. (Ежем Соч. 1757 г., ч II, сент.), стр 215—217.

[2] Там же.

заключать должно, сколь благословенна была жатва прошедшего года». Мы не знаем, каковы были в это время действительные хлебные цены на Амуре в переводе на довоенный рубль. Так как товарные цены в XVII в. обычно выражались в рублях, гривнах, алтынах и деньгах, то можно думать, что Миллер перевел амурские хлебные цены в копейки по покупательной стоимости рубля 1740—1750-х гг. Если наше предположение верно, то, принимая стоимость рубля в пол. XVIII в. за 9 довоенных рублей, мы получим среднюю стоимость ржи и овса на албазинском рынке в 80 коп., пшеницы—1 р. 8 к., гороха и конопли —2 р. 70 к., а ячной крупы—2 р. 25 к. за пуд. Сравнивая же эти цены с чрезмерно высокими хлебными ценами на Амуре в конце 1670-х и начале 1680-х гг., мы должны признать их действительно очень низкими, что в свою очередь указывает на обилие продовольствия у амурцев в описываемое время.[1]

Выполняя указания воеводы Власова, албазинский воевода принял все меры к восстановлению на Амуре русского земледелия. Правда, военные события и недостаток рабочих рук не позволили ему поставить местное хлебопашество «перед прежним с прибылью», однако, по сообщению албазинского казака А. Лебедева, весною 1686 г. амурцы засеяли в разных местах свыше 500 дес. (т. е. более 750 дес.) разного хлеба, считая в том числе как государеву и собинную пашню крестьян, так и «присевки» служилых и торговых людей. Кроме земледелия, у амурцев было много скота и особенно лошадей, которых они частью привели с собою из Нерчинского острога, частью же отбили у многочисленных китайских разведчиков, посещавших тогда Приамурье. Так, в июле 1686 г, во время второй осады Албазина китайцами, последние отбили у русских 2 конских табуна, в которых было свыше 530 лошадей.[2]

Между тем, узнав о повторном занятии русскими Приамурья, китайское правительство решило послать к Албазину новое войско, под начальством уже известного нам Лантаня. Отправляя его на Амур, богдохан приказал ему взять не только Албазин, но и Нерчинский острог, как исходный опорный пункт русских в Приамурье, однако запретил разрушать самые города и уничтожать русские посевы; когда же хлеб созреет, его велено было собрать и использовать для продовольствия китайского войска. С этою целью манджуры, дауры и дючеры, из которых преимущественно состояло войско Лантаня, взяли с собою серпы для снятия русского хлеба. В июле 1686 г. 10-тысячное войско неприятеля подошло к Албазину, куда засело около 830

---

[1] Отп. нерч. воеводы И. Е. Власова к енис. воеводе кн. К. О. Щербатову от дек. 1685 г. (Доп АИ. X, № 67. XIV); отп. того же воеводы к окольничему и воеводе Ф. А. Головину от 26 июля 1686 г. (там же № 67. XIX); Миллер, назв. соч (Ежем. Соч 1757 г., ч. II, сент.), стр. 217—218, Ключевский, назв. соч, стр 183

[2] Отп. нерч. воеводы И Е. Власова к окольничему и воеводе Ф А. Головину от 26 июля 1686 г. (Доп. АИ. X, № 67. XIX); расспр речи кит. пленного Говодея от апр 1686 г. (там же № 67. XVI), отп верхнеуд. приказчика А Яковлева к селенгин. приказчику от окт. 1686 г. (там же № 67. XXIII), Миллер, назв соч (Ежем. Соч 1757 г., ч II, сент.), стр 222.

казаков, промышленников и крестьян со всем их имуществом и хлебными запасами, и начало длительную осаду острога. Несмотря на богдоханский приказ о снятии русского хлеба, неприятель выжег его по всем амурским заимкам. В мае следующего года китайское правительство, узнав о прибытии в Сибирь московского посла окольничего Ф. А. Головина для мирных переговоров с ним, приказало Лантаню снять осаду Албазина и отступить от него на несколько верст. Так как воевода А. Толбузин был убит во время осады, то заместитель его А. Бейтон, испытывая острую нужду в продовольствии, вступил в переговоры с Лантанем о распашке и засеве ближайших к острогу пашень; однако Лантань, ссылаясь на неразграниченность владений между обеими странами, отказал ему в этом. В августе 1687 г., заключив перемирие с русскими, китайцы ушли в Манджурию.[1]

По уходе манджуро-китайского войска, амурские крестьяне и казаки бывшие в Албазине, вновь расселились по своим заимкам, от острога до устья Аргуни, и приступили было к распашке своих полей под озимое; но так как они чувствовали большую нужду в продовольствии, семенах и рабочем скоте, то многие из них, в поисках жизненных средств, вынуждены были заняться охотой и рыболовством. Весною 1688 г., получив из Нерчинского острога семена и рабочий скот, русские посеяли до 2000 пуд. разного хлеба или, считая средний высев хлебов ок. 7,5 пуд. на десятину, обработали до 270 дес. Однако, амурцам не удалось воспользоваться урожаем, так как в июле того же года китайцы явились к Албазину и в течение двух недель стравили, скосили и уничтожили весь засеянный хлеб «без остатку», после чего ушли вниз по Амуру. Узнав об этом несчастии амурцев, окольничий Ф. А. Головин, бывший в то время уже в Иркутске, приказал нерчинскому воеводе немедленно доставить в Албазин продовольствие; но так как хлебных запасов в Вост. Забайкалье было тогда очень мало, то русским на Амуре пришлось добывать себе пропитание главным образом охотой и рыбной ловлей. Зимою того же года нерчинским властям удалось отправить на Амур запасы продовольствия, семенной хлеб и рабочий скот. Поэтому весною 1689 г. амурцы засеяли около трети полей, т. е. 90—100 дес., и с тревогою стали ожидать урожая. Хотя Лантань, вскоре же явившийся с разведкою к Албазину, заверял их, что китайцы, ввиду близкого открытия мирных переговоров, не намерены уничтожать посеянный хлеб, русским и на этот раз не удалось воспользоваться плодами своих трудов.[2]

---

[1] Отп. албазин воеводы А Толбузина к нерч воеводе И. Е. Власову от 12 июля 1686 г (Доп АИ. X. № 67. XVIII) отп нерч воеводы И. Е Власова к окольничему и воеводе Ф. А. Головину от 26 июля 1686 г. (там же № 67 XIX); отп верхнеуд. приказчика А. Яковлева к селенгин приказчику от окт. 1686 г (там же № 67 XXIII), Миллер, назв. соч. (Ежем Соч. 1757 г., ч. II. сент), стр 220—221, Жизнеописание Лантаня (Манджхрист, стр. 142), Д. А Давидов, Колонизация Манджурии и С.-В. Монголии (Известия Восточного Института, т. XXXVII, вып. I), Владив 1911. стр 11

[2] Отп—ки окольничего и воеводы Ф А Головина к нерч воеводе И. Е. Власову от сент. и окт 1688 г. (АИ. V, № 169 I и III), отп албаз. воеводы А. Бейтона к тому же воеводе от 9 сент. 1688 г. (там же № 169 II), Жизнеописание Лантаня (Манджхрист, стр. 144—146). Миллер назв соч. (Ежем Соч 1757 г. ч II. сент и окт), стр. 226 и 312.

В начале августа 1689 г. уполномоченные московского и китайского правительств для заключения мира съехались в Нерчинский острог и здесь, после длительных переговоров, 27 авг. подписали договор, по которому Россия отказалась от Приамурья и обязалась разорить Албазин, а всех амурцев «с воинскими и иными припасами» вывести оттуда, чтобы никаких даже «малых вещей от них тамо оставлено» не было. Еще во время переговоров на Амур отправлен был китайский отряд, которому велено было, соединившись с амурскими китайскими частями, собрать с полей русский хлеб и вновь осадить Албазин. В сентябре того же года воевода Бейтон со всеми русскими оставил Албазин, который после этого был разорен и сожжен китайцами до основания. Албазинцы, перейдя в верхние заимки и перезимовав здесь, весною 1690 г. в последний раз посеяли хлеб на Амуре. Удалось ли им собрать урожай, мы не знаем, так как в августе того же года они уже прибыли в Нерчинский острог.[1]

Так закончилась попытка русских завладеть Приамурьем и закрепить его за собою путем земледельческой колонизации. Мы видели, что Амур открыт был в XVII в. «передовщиками» русского торгового капитализма, которые, в лице Пояркова, Францбекова, Хабарова и других предприимчивых его представителей, сумели в несколько лет овладеть новым краем, но столь же быстро и потерять его, вследствие хищнического и нерассчетливого разорения ими местного туземного хозяйства. Позднее в опустевшее Приамурье потянулись из Сибири вольнопоселенцы крестьяне, и здесь, вдали от тяжелого гнета государевой казны и от эксплоатации со стороны торгового и ростовщического капитала, начали заводить вольное хлебопашество. Однако, вслед за вольными переселенцами, на Амуре вновь появились как приказчики государева хозяйства, так и представители крупного частного капитала. Предстоявшая вскоре борьба с Китаем из-за Приамурья побудила московское правительство усиленно заняться насаждением здесь казенного и вольного хлебопашества, которое, с одной стороны, должно было дать русским войскам необходимое продовольствие, а с другой—сообщить новому краю мирный земледельческий характер и тем еще более укрепить его связи с Россией.

При таких обстоятельствах русское земледелие начало было успешно развиваться в Приамурье, однако создавшиеся здесь условия тогдашнего общественного строя, с его угнетением и торгово-ростовщической эксплоатацией крестьянства, а также начавшаяся борьба с Китаем в корне подорвали еще не успевшее окрепнуть местное земледельческое хозяйство. Несмотря на это, амурское крестьянство с мужеством отча-

[1] Сборник договоров России с Китаем (1689—1881 гг.). изд. мин-ва иностр. дел. Спб. 1889. стр 1—6; Жизнеописание Лантаня (Мандж. христ., стр 148—151); Миллер, назв. соч. (Ежем. Соч. 1757 г., ч. II, окт.). стр. 323; Васильев, Забайкальские казаки, т. I, стр. 196—201.

яния цеплялось за богатый и привольный край: мы видели, как в 1680-х гг. им несколько раз приходилось бросать свое хозяйство на произвол судьбы и спасаться в Албазине от неприятеля; но каждый раз, возвращаясь к своим полям, они упорно вспахивали и засевали их, хотя и не могли воспользоваться урожаем. Посевная площадь амурцев из года в год сокращалась: с 1575 дес. в 1685 г. она уменьшилась в следующем до 750 дес., через 2 года дошла до 270 дес., а в 1689 г.—уже до 90—100 дес.; вместе с тем частые нападения маньжуро-китайцев приводили крестьянское хозяйство к постепенному разорению. Русское земледелие быстрыми шагами шло к своей гибели, и Нерчинский мирный договор лишь прекратил агонию всего нашего амурского хозяйства.

В 1690 г. русские покинули Приамурье более чем на 150 лет. Занятие ими Амура и Уссурийского края в половине XIX в. вызвано было стремлением нашего промышленного капитализма к овладению северно-китайским рынком и закреплено земледельческой колонизацией русского Дальнего Востока. Таким образом, в новейшее время, как и прежде, крестьянская переселенческая волна катилась на нашу далекую окраину по тому руслу, которое было ранее проложено для нее «передовщиками» торгового и промышленного капитала.

Владивосток,
ноябрь 1926 г.

Résumé.

Les Dahours et les Djoutchèrs, peuples de la race Mandjouro-Toungouse, sont venus sur l'Amour de la Mandjourie aux X—XII siècles. Au milieu du XVII siècle ils tenaient au pays d'Amour un territoire qui s'étendait du nord-ouest au sud-est comme une zone longue mais étroite embrassant le littoral d'Amour du confluent du Chilka et de l'Argoun jusqu'à l'embouchure du fleuve Dondon; ce n'est que dans les bassins de Zéya, de Bouréya et d'Oussouri que ce territoire s'élargissait considérablement dans les directions nord et sud. La partie occidentale de la région indiquée était occupée par la Dahourie, celle d'orient par la Djoutchèrie; ce n'est que dans les bassins de Zéya et de Bouréya que tous les deux peuples habitaient ensemble et en promiscuité.

Les extrêmes habitations des Dahours vers l'ouest étaient disposées sur le courant supérieur de l'Amour où leur voisins étaient les Toungouses (sur le Chilka, l'Argoun et les gauches affluents de l'Amour), comme aussi les Targatchines et les Bargoutes-Mongols (sur l'Argoun). De l'embouchure du fleuve Albazikha les habitations des Dahours descendaient vers le sud suivant le cours d'Amour et embrassaient une majeure partie du littoral de Mi—Amour (jusqu'aux bouches de Soungari) et du bassin de Zéya. Au nord les Dahours d'Amour avaient pour voisins les Toungouses, au sud les Solons et les Mandjoures; quant aux Dahours de Zéya, vers nord et nord-est ils avaient pour voisins aussi les Toungouses, et vers sud-est les Djoutchères dont les habitations mixtes aux celles des Dahours faisaient une large zone à travers le pays bas de Zéya et de Bouréya vers le courant moyen de l'Amour. De l'embouchure de Soungari jusqu'à l'embouchure de Dondon sur les deux rives de l'Amour, comme aussi dans les bassins du bas Soungari et d'Oussouri s'étendaient les habitations des Djoutchères qui composaient la Djoutchèrie proprement dite. Les voisins du nord des Djutchères étaient les Toungouses, ceux du sud les Solons, les Mandjoures (dans la Mandjourie du nord-est) et les Goldes (sur les sources de l'Oussouri), comme du nord-est les Goldes et les Oultchas. (Voir la carte du pays des Dahours et des Djoutchères au milieu du XVII siècle).

De leur ancienne patrie—la Mandjourie les Dahours et les Djoutchères ont apporté sur l'Amour l'agriculture qui après avoir trouvé au nouveau pays les conditions favorables du sol et du climat vers le XVII siècle a atteint ici un degré rélativement haut du développement. Se trouvant dans les constantes rélations économiques et politiques avec les Mandjoures et les Chinois, les Dahours et les Djoutchères leur empruntèrent

et les nouvelles cultures champêtres et maraichères et les plus parfaits méthodes de la technique aratoire.

Vers le milieu du XVII siècle chez les Dahours et les Djoutchèrs le système de laisser la terre en friche et l'usufruit communal de la terre dominaient En divers lieux du pays d'Amour chez les aborigènes les suivantes graminées de blé et fourragères étaient cultivées: le seigle, le froment, l'orge, l'avoine, le mil, la formentière, le chanvre et les pois. L'aire générale de semence était bien considérable quoique nous n'avons pas des exactes données sur ses dimensions. Le sol frugal du pays donnait des récoltes admirables. A titre des instruments aratoires les Dahours et les Djoutchères employaient des charrues de bois, des pioches, des faucilles et des faux. Le défrichage des champs s'opérait chez les Dahours avec des chevaux, chez les Djoutchères avec les boeufs. Outre la culture des champ tous les deux peuples éxercaient le jardinage et l'horticulture en labourant des concombres, d'ail, des fèves, du pavot, des melons d'eau, des melons, des pommes et des poires. Ils élevaient aussi des chevaux, des vaches, des brebis, des cochons et des poules, et les Djoutchères en outre des chameaux encore; attendu cela ils avaient une praticulture dévéloppée. Des secondaires branches de l'économie indigène faisaient la chasse, la pêche et des divers métiers et industries où les deux dernières occupations étaient dirigées vers une élaboration principalement des produits de l'agriculture et des matières forestières (le moulinage du blé, la mondification du gruau, la fabrication des cordes, la pelleterie, l'approvisionnement du bois et du bois de construction, la charpenterie, le maçonnage, la construction des navaires, le métier de forgeron etc.).

Les Dahours et les Djoutchères faisaient un commerce étendu avec leurs voisins. La marchandise principale sortant du pays d'Amour était le blé. Outre cela de la Chine les aborigènes d'Amour recevaient pour la propre consommation et pour le révendage aux voisins du nord les ouvrages d'argent, de cuivre, de plomb et d'étain, des étoffes de sois et de coton etc., où les Mandjoures avaient un monopole d'être médiateurs commerciaux entre les Dahours et les Djoutchères d'un coté et la Chine de l'autre. Un commerce se faisait chez les habitants d'Amour par échange ou au moyen d'un instrument d'échange si ordinaire dans l'Asie du nord de ce temps-là—les pelleteries de zibeline. En qualité des marchands venaient de la part des Dahours et des Djoutchères leurs princes.

Une base d'un ordre social et politique au pays des Dahours et des Djoutchères faisait une commune territoriale et agricole qui se composait des membres de la même et des autres familles et qui avait des chefs en personne des princes sénieurs de la famille. Au dessus des princes s'élevaient des princes «meilleurs» ou des princes plus forts économiquement qui avaient sur les premiers quelque pouvoir politique. Tous les princes des Dahours et des Djoutchères en qualité des vassaux se soumettaient au Bogdochan des Mandjoures qui devient à partir de la demie

des ans 1640 empereur de la Chine et établit une nouvelle dynastie des Mandjoures.

Les Russes ont appris l'Amour aux ans 1630, mais ils ont paru sur les rives du même fleuve en éspace de dix ans suivants seulement: c'était une expédition militaire de Poyarkoff qui de Léna a passé vers Zéya et après avoir soumis une part des Dahours et des Djoutchères locaux, en sortit par l'Amour dans la mer d'Okhotsk et au Yakousk (1643—1646). L' an 1650, a la tête d'un détachement des cosaques et des industriels le connu entrepreneur et capitaliste Khabaroff est venu sur l'Amour et pendant les deux ans suivants a soumis les Dahours et Djoutchères d'Amour. Les vainqueurs firent justice cruellement des aborigènes et leur saisissant le blé et les pelleteries (tribut) ruinerent bien vite leur économie agricole Le gouvernement de Chine, ne voulant point de laisser le pays d'Amour aux Russes, en 1653 ordonna aux Dahours de quitter le pays et se transplanter sur le fleuve Nonni (un affluent gauche de Soungari); de la même façon, en 1655 les Djoutchères d'Amour, du bas Soungari et d'Oussouri sont transplantes sur le fleuve Hurha (un affluent droit de Soungari). En suite de cela le riche et florissant pays devint desert. Les Russes eux mêmes étaiant trouves dans une position penible: ils n'avaient pas du blé ni de qui prendre tribut; c'est pourquoi leur majeure partie quitta aussi le pays d'Amour 2—3 années après.

En fin des ans 1660 les Russes ont paru de nouveau sur l'Amour et après avoir restauré une forteresse vielle des Dahours, Albazine, commencèrent à s'occuper de l'agriculture. Sous peu les paysans émigrants se dirigèrent vers le nouveau pays de la Sibérie en y voulant s'occuper de la libre agriculture; simultanément le gouvernement russe se mit à y envoyer des paysans déportés. Dans le général torrent des émigrés des industriels et des marchands parurent aussi dans le pays d'Amour. Sur les rives de Chilka, d'Argoun et d'Amour surgit tout le rang des villages russes grands et petits entourés des champs labourés. Au milieu des années 1680 il y avait déjà sur l'Amour jusqu'à 2000 hectares des sémailles dont la majeure part appartenait aux paysans, la mineure—à l'état, aux cosaques, marchands et industriels.

Chez les agriculteurs russes sur l'Amour dominaient les systèmes de couper par-dessous et de laisser en friche et les formes de l'usufruit de la terre par pris communal et par usufruit libre. Ils cultivaient le seigle comme le blé d'automne, et comme les petits blés, le froment. l'orge, la formentière, le chanvre et les pois et recevaient des grosses récoltes. Autour des villages on faisait des potagers. En titre des instruments aratoires les Russes employaient des charrues de bois avec des socs en fer, des herses, des faucilles et des faux. Des labeurs champêtres étaient operés avec des chevaux. Outre des chevaux les Russes d'Amour avaient des vaches, des brebis et des cochons; mais puisque le bétail valait trop cher, plusieurs paysans restaient sans cheval, et le menu bétail se rencontrait chez eux comparativement rare. Pour contenir le bétail les Russes avaient des préries. Les uns des paysans labouraient une part de leurs

champs au profit de l'état, les autres lui payaient un taux en blé. Puisque plusieurs émigrants russes venaient sur l'Amour presque sans aucunes ressources pour un emménagement, ils étaient contraints sur les premiers pas à emprunter chez des commerçants locaux à haut prix des graines, des instruments aratoires, du bétail de somme et d'approvisionnement, et puis à rendra à ses créditeurs presque toute sa récolte à prix bas et entrer de nouveau dans les dettes. L'exploitation de la part de l'état et des marchands, comme aussi une absence d'un établissement de la vie dans un pays lointain et sauvage réfléchissaient peniblement sur l'économie des paysans. Aux ans 1670—1680 au milieu des paysans d'Amour une inégalité des fortunes se mit à se développer: de leur masse fondamentale d'une part des aisés, de l'autre des pauvres paysans viennent de se séparer. Les derniers laissaient son ménage agricole et s'engagaient en titre des ouvriers de la maison et des champs chez les riches voisins, chez les marchands et cosaques où bien ils s'occupaient des métiers.

Vers les ans 1680 la gouvernement de Chine inquiet de l'occupation réiterée du pays d'Amour par les Russes, décida de commencer avec eux la guerre. En 1685 la grande armée Chinoise assiègea une forteresse russes principale sur l' Amour, Albazine, et après l'avoir prise la ruina. Les Russes se rétirèrent temporairement au pays au délà du Baykal, mais dans la même anné ils retournèrent sur l'Amour, rétablirent l'Albazine et se mirent, comme auparavent, à s'occuper de l'agriculture, après avoir ensemencé plus de 800 hectares. En 1686 les Chinois assiegèrent pour la seconde fois l'Albazine où ils ruinèrent toutes les sémailles russes; sans gagner pour le coup la forteresse, l'année suivante ils se retirèrent dans la Mandjourie. Ne voulant point de quitter le pays d'Amour, les Russes ensemencèrent de nouveau jusqu'à 300 hectares de terre, mais ils ne pouvaient pas de cueillir leur récolte, parce que les Chinois la détruirent de nouveau. En 1689 les Russes ensemencérent de rechef près de 100 hectares, mais les Chinois ruinèrent leurs sémailles encore cette fois-ci. Dans la même année la Russie ne croyant plus possible de défendre le pays d'Amour, a contracté un pacte de Nértchinsk avec la Chine d'après lequel elle rénonça de l'Amour et quitta ce pays pour plus que 150 ans. Au milieu du XIX siècle la Russie occupa de nouveau le pays d'Amour et, après en avoir assuré la possession par les pactes d'Aygoun (1857) et de Peking (1860) avec la Chine, le possède jusqu'à présent.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение . . . . . 5—10

Источники 5. Первые русские известия о Приамурье 5—6. Государево хозяйство в Сибири 6—7. Поиск В. Пояркова в Зейском крае и Приамурье 7—8. Продовольственный вопрос в Вост. Сибири и туземное земледелие в Приамурье 8—9. Частный капитал и Приамурье 9—10.

I. Территория Дауро-дючерской земли . . . . . 11—26

Происхождение туземного земледелия на Амуре 11. Витимские дауры 12. Даурские поселения на верхнем Амуре 12—16. Дауры, гогули и дючеры в Зейском бассейне 16—19. Даурские, дауро-гогульские и дючерские поселения на среднем Амуре 19—22. Дючерские поселения по Сунгари, Уссури и нижнему Амуру 22—23. Вопрос о восточной границе Дауро-дючерской земли 23—25. Общий обзор расселения дауров и дючеров и их соседей 25—26.

II. Туземное земледелие на Амуре в XVII в. . . . . 27—43

Данные русских источников о природных богатствах Приамурья 27—28. Дауро-дючерское и манджуро-китайское земледельческое хозяйство 28—29. Вопрос о системе земледелия и формах землепользования и землевладения в туземном Приамурье 29—30. Земледелие—основная отрасль туземного хозяйства: полеводство 30—33, луговодство, огородничество и садоводство 33—34. Второстепенные отрасли туземного хозяйства: скотоводство 34—35, охота и рыболовство 35—36, ремесла и промыслы 36—38. Торговля 38—42. Общественно-политический строй Дауро-дючерской земли 42—43.

III. Уничтожение туземного земледелия на Амуре . . . . 44—51

Русские и туземцы на Амуре в 1640—1650-х г.г. 44—46. Ясак 46—47. Использование русскими хлебных богатств в туземном Приамурье 47—48. Сокращение туземной посевной площади и хлебная скудость в Приамурье 48—49. Переселение амурских дауров в Манджурию и запустение Даурской земли 49—50. Переселение дючеров в Манджурию 50—51. Расселение тунгусов и гольдов в Приамурье 51.

IV. Русское земледелие на Амуре в XVII в. . . . . 52—76

Казенное и вольное хлебопашество в Сибири XVII в. 52—53. Первые опыты русского земледелия в Приамурье 53—56. Движение русских переселенцев на Амур 56—58. Земледельческая колонизация Приамурья, Вост. Забайкалья и Прибаргунья 58—63. Русское земледелие на Амуре в 1670—1680-х г.г.: чи-

сленность крестьянского населения 63—64, размеры посевной площади 64, русский торговый капитал и земледелие амурских купцов и промышленников 64—67, условия развития крестьянского хозяйства 67—69, система русского земледелия 69—70, полеводство и его техника 70—71, скотоводство, луговодство и огородничество 71—72, формы землепользования 72—74. Расслоение амурского крестьянства 74—76.

V. Уничтожение русского земледелия на Амуре . . . . 77—85

Албазинское купечество и служилая смута на Амуре 77—78. Подготовка Китая к военным действиям на Амуре и оставление русскими Зейского края 78—79. Осада и взятие Албазина китайцами в 1685 г. 80. Оставление и повторное занятие русскими Приамурья 80—82. Русское земледелие на Амуре в обстановке военных действий 1686—1689 гг. 82—83. Нерчинский мирный договор 1689 г. 84. Общий обзор русского земледелия на Амуре 84—85.

Résumé . . . . . 86—89

Приложение: Карта Дауро-дючерской земли в пол. XVII в. (на отдельном листе).

Библиотека ООН
Академии Наук

Того же автора:

1. Иван III и зарубежные евреи (Сборник статей в честь Д. А. Корсакова, Казань 1913 и отдельно), Казань 1912.
2. Донесение о Московии второй половины XVI в. Перевод с итальянского яз. с предисловием, примечаниями и приложением (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете за 1913 г., кн. II и отдельно), М. 1913.
3. Венецианские кладоискатели XV в в южном Подонье. Из истории археологии (Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1916 г., № 53).
4. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре В. (Приказы, канцелярии, коллегии) (Ученые Записки Казанского Университета за 1917 г., кн. II и отдельно), Казань 1917.

*5. Очерк истории Сибири до начала XIX в., ч. I—Введение. История до-русской Сибири, Иркутск 1920 (с картой Сибири).

*6. Очерк истории Сибири до начала XIX в., ч. II, вып. 3 —Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. (Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета, отд. I, вып. I, Иркутск 1921 и отдельно), Иркутск 1920.

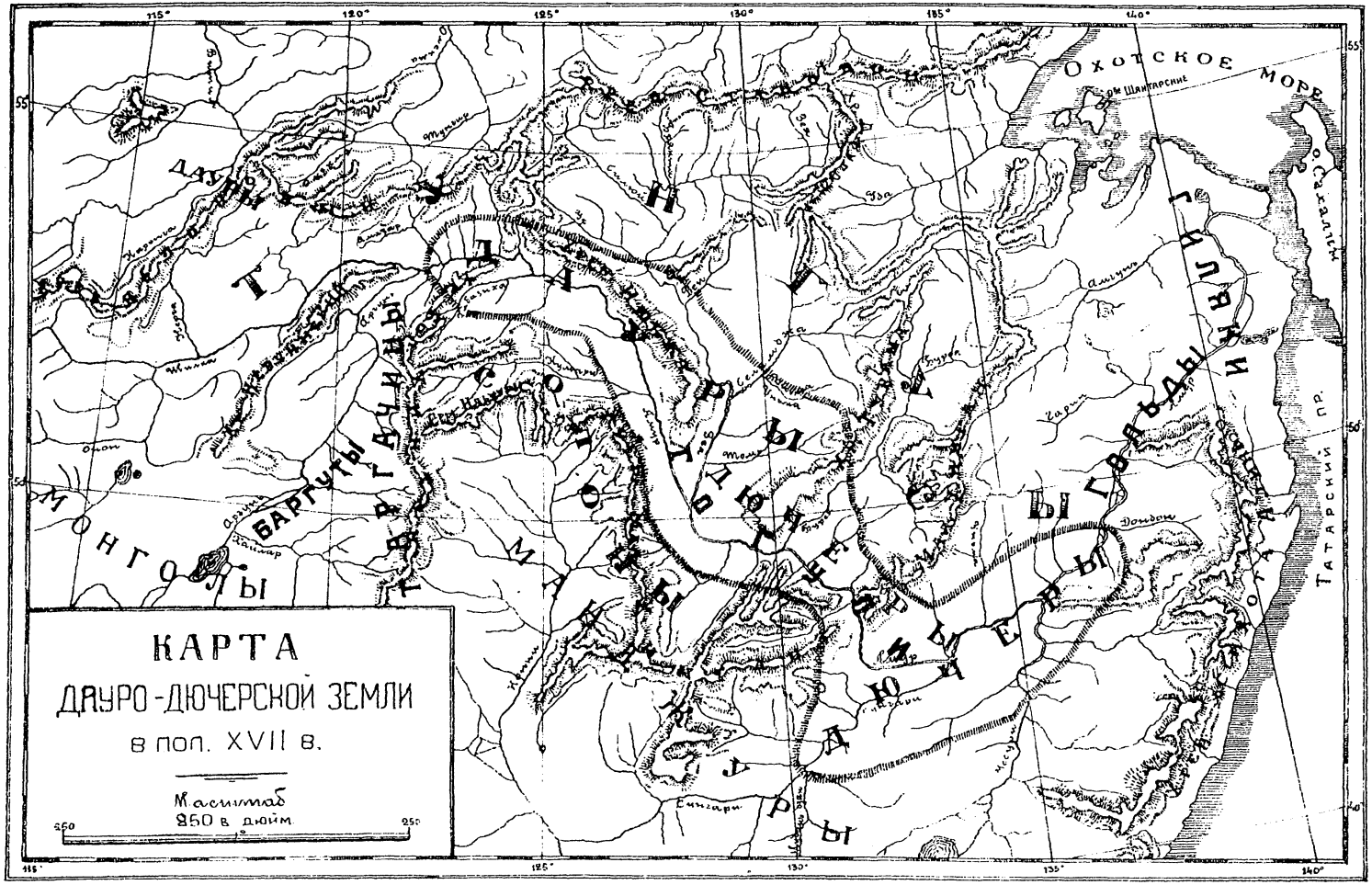
*7. Из истории инородческих волнений в Сибири (Вестник Просвещения, журнал Министерства Народного Просвещения Дальне-Восточной Республики, за 1922 г. кн. I и отдельно), Чита 1922.

*8. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли (Труды Государственного Института Народного Образования в Чите, кн. I и отдельно), Чита 1922 (с картой Юкагирской земли XVII ст.).

9. Очерк истории Сибири до начала XIX ст., ч. II, вып. 1—Завоевание русскими Сибири, Владивосток 1924 (с исторической картой Сибири XVI-XVII вв.).

Примечание. За труды, отмеченные звездочкой, автор, по постановлению Экспертной Комиссии при ЦЕКУБУ от 29 октября 1924 г., награжден денежной премией в 200 руб.

Окрлит 572. Тираж 500.


КАРТА
ДАУРО-ДЮЧЕРСКОЙ ЗЕМЛИ
в пол. XVII в.
Масштаб
250 в дюйм
250
Охотское море
Татарский пр.
Монголы
Даурские горы
Становые горы
Яблонные горы
Джугджурские горы
Становой хребет
Верхнеудинск
Нерчинск
Удинск
Селенгинск
Баргуты
Тунгусы
Ламуты
Юкагиры
Гиляки
Ыгдаллы
Ыгдыды
Ыгдыллы
Ыгдыллы
Ыгдыллы